

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

I think English is very easy, don't you?
ты мне лангу на гуд не берешь!
я тебе, как русскому человеку, не берешь!
Дорогие радиослушатели!
Добрый вечер!

скажу, никого не трогаю!

Поступил, как прежде!
Вологодский!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЖАНРЫ РЕЧИ

— 2023 Том 18 №4 (40) —

SPEECH GENRES

INTERNATIONAL JOURNAL

Well, Let me find...
This is getting us now!
Прости!

Добрый вечер!

а вот расскажу анекдот...

Why don't you take a look at this!

Дорогие радиослушатели!

Am... Curiouser and curiouser!

No problem!

See me ant...
...а ну анекдот..

Da jagua

Open the window?
Come on!

my plate.

...ervation.

...you remember!

...think so.

...примусы починаю

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2023 Том 18 № 4 (40)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (uralpress.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanry-rechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2023

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алтатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
И. Э. Клюканов, Ph.D., проф. (Вашингтон, США)
Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)
М. Макуховска, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Белоруссия)
А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
П. Серио, Ph.D., проф. (Лозанна, Швейцария)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
М. Сифиану, Ph.D., проф. (Афины, Греция)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Р. Г. Тирадо, Ph.D., проф. (Гранада, Испания)
Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Olena I. Goroshko (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Robin Lakoff (Berkeley, USA)
Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Marzena Makuchowska (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0003-1357-2211>
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>
Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Patrick Sériot (Lausanne, Switzerland), <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования отдельных жанров

- Родионова И. Г.,
Гурьянова Л. Б.**
Пенза, Россия
Текст почётной грамоты как жанр письменной речи 316
- Горбань О. А.,
Шептухина Е. М.**
Волгоград, Россия
Жанровая обусловленность грамматического
выражения текстового времени в региональных
документах XVIII века 330
- Балашова Л. В.**
Саратов, Россия
Эмотивная метафорика в жанрах дипломатического
дискурса: динамический аспект (на материале
текстов пресс-конференций и интервью министра
иностраных дел С. В. Лаврова 2023 года) 337

Жанры в художественном творчестве

- Дзюба Е. В.**
Санкт-Петербург, Россия,
Рябова И. Ю.
Екатеринбург, Россия
Категория дискурсивной диалогичности как реализация
жанрового потенциала романа 349
- Токарев Г. В.**
Тула, Россия
Жанр молитвы в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого 358
- Карасик В. И.**
Москва, Смоленск, Россия
Сюжетная символика иносказаний
(на материале средневековых армянских басен) 365

Интернет-жанры

- Иссерс О. С.**
Омск, Россия
Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация
в цифровую эпоху (на материале отзывов о докторсах) 375
- Штукарева Е. Б.**
Москва, Россия
Латинские графемы Z и V в интернет-жанрах 386

Переводы

- Серио Патрик**
Лозанна, Швейцария
Является ли язык знаковой системой?
(Ленин, Соссюр и теория иероглифов) 394

Рецензии. Обзоры. Хроника

- Комуцци Л. В.**
Севастополь, Россия
Многоликий жанр в концепции филолога В. С. Вахрушева 406

CONTENTS

Studies of Individual Genres

- Rodionova I. G.,
Gurjanova L. B.**
Penza, Russia
The text of the certificate of honour as a genre of writing 316
- Gorban O. A.,
Sheptukhina E. M.**
Volgograd, Russia
Genre determination of grammatical expression of textual
chronotope in regional documents of the 18th century 330
- Balashova L. V.**
Saratov, Russia
Emotive metaphors in the genres of diplomatic discourse:
A dynamic aspect (based on the texts of the press
conference and interview of Russian foreign minister
Sergey Lavrov in 2023)..... 337

Genres in Art

- Dziuba E. V.**
Saint Petersburg, Russia,
Ryabova I. Yu.
Ekaterinburg, Russia
The category of dialogicality as realization of novel genre
potential 349
- Tokarev G. V.**
Tula, Russia
The genre of prayer in the diary discourse of Leo Tolstoy 358
- Karasik V. I.**
Moscow, Smolensk, Russia
Subject plot symbolism in allegories
(on the material of mediaeval Armenian fables)..... 365

Internet Genres

- Issers O. S.**
Omsk, Russia
Speech genre of consumer reviews and its transformation
in the digital age (based on reviews of doctors) 375
- Shtukareva E. B.**
Moscow, Russia
Latin graphemes Z and V in Internet genres..... 386

Translations

- Sériot Patrick**
Lausanne, Switzerland
Is language a system of signs?
(Lenin, Saussure and the theory of hieroglyphics) 394

Reviews. Chronicle

- Komutstsi L. V.**
Sevastopol, Russia
The genre with a thousand faces: The perspective
of the philologist Vladimir S. Vakhrushev 406

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 316–329

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 316–329

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-316-329>, EDN: YPLXIP

Научная статья

УДК 811.161.1'38

Текст почётной грамоты как жанр письменной речи

И. Г. Родионова[✉], Л. Б. Гурьянова

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Родионова Инесса Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка», Inessa96@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8735-0040>

Гурьянова Людмила Борисовна, старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка», lyudmila010159@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4265-6625>

Аннотация. Доказывается, что текст почётной грамоты представляет собой жанр письменной речи официально-делового стиля. Актуальность работы связана, с одной стороны, с длительностью существования и распространённостью данного жанра в системе письменной коммуникации, с другой – с отсутствием специальных работ, связанных с его изучением. Цель статьи – выявить и описать жанровые признаки и языковые особенности текстов почётных грамот. Методы: наблюдение, функциональный анализ языковых единиц, описание. В статье обращается внимание на важность визуальной составляющей бланка почётной грамоты – текстового «окружения», включающего как собственно текст (призывы, лозунги, высказывания), так и визуальные изображения (портреты, символы), а также отражающего время создания наградного документа. Рассматриваются структура, жанровые и языковые особенности текстов почётных грамот. Выделяются и анализируются постоянные и переменные компоненты документа. Отмечается лаконизм формулировок, клишированность фраз, преобладание отвлечённых существительных, активное использование аббревиатур в текстах почётных грамот. Делается вывод о том, что почётная грамота как официально-деловой документ требует определённой культуры оформления. Её автор должен владеть языковыми нормами, знать правила составления текстов данного жанра.

Ключевые слова: почётная грамота, жанр, документ, письменная речь, официально-деловой стиль, визуальная составляющая, структура, языковые особенности

Для цитирования: Родионова И. Г., Гурьянова Л. Б. Текст почётной грамоты как жанр письменной речи // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 316–329. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-316-329>, EDN: YPLXIP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The text of the certificate of honour as a genre of writing

I. G. Rodionova[✉], L. B. Gurjanova

Penza State University, 40 Krasnaja St., Penza 440026, Russia

Inessa G. Rodionova, Inessa96@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8735-0040>

Lyudmila B. Gurjanova, lyudmila010159@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4265-6625>

Abstract. The article proves that the text of the certificate of honor is a genre of official business style written discourse. The relevance of the work is connected, on the one hand, with the duration of the existence and high occurrence of this genre in the system of written communication, on the other hand, with the lack of special works related to its description. The purpose of the article is to identify and describe the genre features and linguistic features of the texts of certificates of honor. The following methods were used:

observation, functional analysis of language units, description. The article draws attention to the importance of characterizing the visual component of the letter of honor – the textual “environment”, which includes both the actual text (calls, slogans, statements) and visual images (portraits, symbols) and reflects the time of creation of the award document. The article studies the structure, genre and language features of the texts of certificates of honor focusing on the analysis of permanent and variable elements of the document. The authors note the laconism of formulations, clichéd phrases, the predominance of abstract nouns, the active use of abbreviations in the texts of certificates of honor. It is concluded that the certificate of honor as an official business document requires a certain culture of formatting. Its author must know the language norms and the rules for compiling texts of this genre.

Keywords: certificate of honor, genre, document, written speech, formal business style, visual component, structure, language features

For citation: Rodionova I. G., Gurjanova L. B. The text of the certificate of honour as a genre of writing. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 316–329 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-316-329>, EDN: YPLXIP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема речевых жанров, которые понимаются как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [1: 237], на протяжении длительного времени находится в центре внимания лингвистов. Привлекается новый языковой материал, позволяющий уточнить само понятие жанра, конкретизировать признаки уже известных моделей речевой коммуникации, выделить и охарактеризовать те из них, которые ещё не получили должного описания. Однако, по словам Л. В. Балашовой и В. В. Дементьева, «большое количество русских речевых жанров ещё не осмыслено настоящим образом, не описано» [2: 9]. Это высказывание со всей справедливостью можно отнести к такой форме речевой коммуникации, как текст почётной грамоты.

Существуют разные определения этого жанра. Мы считаем, что почётная грамота – это документ, отражающий признание вышестоящей организацией заслуг отдельного человека или коллектива в той или иной сфере деятельности: в труде, учёбе, спорте, творчестве, общественной работе и т. п.

Наряду с благодарностью, благодарственным письмом, дипломом, похвальным листом, похвальной грамотой, почётная грамота относится к наградным документам.

Несмотря на длительность существования данного жанра и его распространённость в письменной коммуникации, он ещё не был подробно описан лингвистами. «Сегодня русистика стремится к пониманию и описанию всех фактов, характеризующих функционирование русского языка», – считает Т. В. Шмелева [3: 3]. Данный подход диктует необходимость научного описания текстов почётных грамот. Всё вышесказанное объясняет актуальность принятого исследования.

Цель работы – выявить и описать жанровые признаки и языковые особенности текстов почётных грамот. Материалом исследования послужили наградные документы за 1934–2022 гг., адресованные как отдельным личностям, так и различным коллективам. Всего проанализировано 500 текстов. При цитировании в настоящей статье сохраняются орфографические, пунктуационные и стилистические особенности рассмотренных документов.

Визуальная составляющая бланка почётной грамоты

Текст почётной грамоты оформляется на бумажном носителе – специальном бланке с соответствующим заголовком. Помимо текста награждения, на бланке могут быть помещены портреты государственных деятелей, их высказывания, призывы. Поскольку почётная грамота является отражением своего времени, то и названные элементы соответствуют определённому историческому периоду. Так, обязательным компонентом бланков почётных грамот советского времени был призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». На наградных документах помещались фотографии или графические рисунки руководителей советского государства – В. И. Ленина или И. В. Сталина. В 20–50-е гг. XX в. на бланках почётных грамот можно было видеть изображения обоих политических деятелей.

Нередко на бланках грамот советского времени изображались гербы СССР и союзных республик.

На некоторых наградных документах размещались лозунги: *К борьбе за дело Ленина – Сталина – будь готов!* (1950 г.) или *Под знаменем Ленина – Сталина, под руководством коммунистической партии – вперёд, к победе коммунизма!* (1954 г.).

На бланках почётных грамот были напечатаны высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина,

как, например, на наградном документе 1935 г.: *Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжёлый труд, забота рядовых работников об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, дающихся не работающим лично и не их «ближним», а дальним, т. е. всему обществу в целом (В. И. Ленин); В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос первого строительства и добились решающих успехов. Это очень хорошо, но теперь этого недостаточно. Теперь это дело мы должны дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники, серьёзным поднятием производительности труда, серьёзным сокращением себестоимости (И. В. Сталин).*

В то же время на бланках почётных грамот, вручённых в 1935 г., зафиксированы слова только одного вождя советской страны – И. В. Сталина: *Рабочий класс и все трудящиеся Советского Союза под руководством ВКП(б) с невиданным героизмом строят своё первое в мире Пролетарское Государство. В социалистическом соревновании и ударничестве – высшей форме коммунистического отношения к труду, ты шёл впереди других. Личным примером трудового героизма ты увлекал за собою отстающих товарищей, на деле доказывая, что – «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из заторного и тяжёлого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства» (Сталин); Методами соцсоревнования и ударничества «превращающими труд из заторного и тяжёлого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства» (Сталин) ты дал образцовые показатели при выполнении возложенного на тебя задания. Награждая тебя почётным званием Ударника, Школа Днепропетторг выражает твёрдую уверенность в том, что подавая личный пример трудового героизма, ты и в дальнейшем останешься в первых рядах славных бойцов строителей первого в мире социалистического государства.*

Из высказываний, помещённых на бланках почётных грамот более позднего периода, назовём следующие: *Производительность труда, это, в последнем счёте, самое главное для победы нового общественного строя. В. Ульянов (Ленин) (1982 г.); Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. В. Ульянов (Ленин) (1983 г.); Живое творчество масс – вот основной фактор новой общественности (В. И. Ленин)*

(1990 г.); Энергия высокоорганизованного труда, помноженная на любовь к своей стране, социалистической Родине, способна творить чудеса (Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев) (1980 г.).

Кроме того, на бланках помещались тексты советских лозунгов, не имеющие конкретных авторов: *Мир крепим трудом ударным (1988 г.); Перестройка – решающее условие продвижения вперёд, прямое продолжение дела Октября (1989 г.).*

Таким образом, авторизованные и неавторизованные высказывания, помещённые на бланках почётных грамот советского времени, отражали необходимость построения нового общественного строя, призывали к укреплению социалистического государства. Подобные тексты вполне оправданы на документах, адресованных взрослым людям или трудовым коллективам, что нашло отражение в исследованном нами материале: например, высказывание В. И. Ленина *Производительность труда – это, в последнем счёте, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя* располагается на наградном документе, адресованном Василию Фроловичу Иващину «в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции и за успехи в труде на благо нашей Родины» (1965 г.).

В нашей картотеке имеется лишь несколько экземпляров почётных грамот, на бланках которых помещены цитаты вождей, учитывающие особенности личностей и заслуги награждаемых. Так, на наградном документе бухгалтеру Райзо (Районного земельного отдела. – И. Р. и Л. Г.) Иващину Василию Фроловичу «за ударную работу по организации счетоводства в колхозах и подготовку кадров работников учёта» имеется следующее высказывание И. В. Сталина: *От вас требуется только одно: трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины; установить хороший уход за конём, выполнять задания вашего рабоче-крестьянского государства, укреплять колхозы и вышибать вон из колхозов пробравшихся туда кулаков и подкулачников (1934 г.)* (рис. 1). А на почётной грамоте Министерства просвещения РСФСР и Республиканского комитета профсоюза работников просвещения высшей школы и научных учреждений РСФСР, вручённой доктору филологических наук, заведующему кафедрой русского языка Пензенского государственного педагогического института имени В. Г. Белинского В. Д. Бондалетову, содержится следующая цитата из работы В. И. Ленина: «...наша школа должна давать молодёжи основы знания, умение вырабатывать самим

коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей» (1983 г.).

Рис. 1

Однако часто высказывания политических деятелей не отражали ни личностные особенности награждаемого (награждаемых), ни его профессиональный и/или социальный статус. Так, считаем не совсем удачным использование слов В. И. Ленина *Мы придём к победе коммунистического труда!* на почётной грамоте, адресованной школьнице «за активное участие в жизни пионерского лагеря «Восход»» (1971 г.) или высказывание того же политического деятеля *Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи* на документе, вручённом десятилетнему ученику «за активное участие в отряде, аккуратность, примерное поведение, за добросовестное отношение к поручениям» (1986 г.).

Вполне вероятно, что люди, составлявшие тексты почётных грамот, не задумывались над тем, насколько помещённые на них высказывания руководителей партии и правительства соответствуют награждаемым личностям и их заслугам. Скорее всего, использовались те бланки, которые имелись в наличии. Отметим, однако, что некоторые организации имели свои бланки почётных грамот, отражающие их статус и род деятельности. Так, на бланках грамот городского и районного

комитетов ВЛКСМ, как правило, был изображён комсомольский значок и ленточки орденов, которыми награждён комсомол. На бланке грамоты городского и районного советов пионерской организации был помещён пионерский значок и написан призыв: *К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!* (1986 г.) (рис. 2).

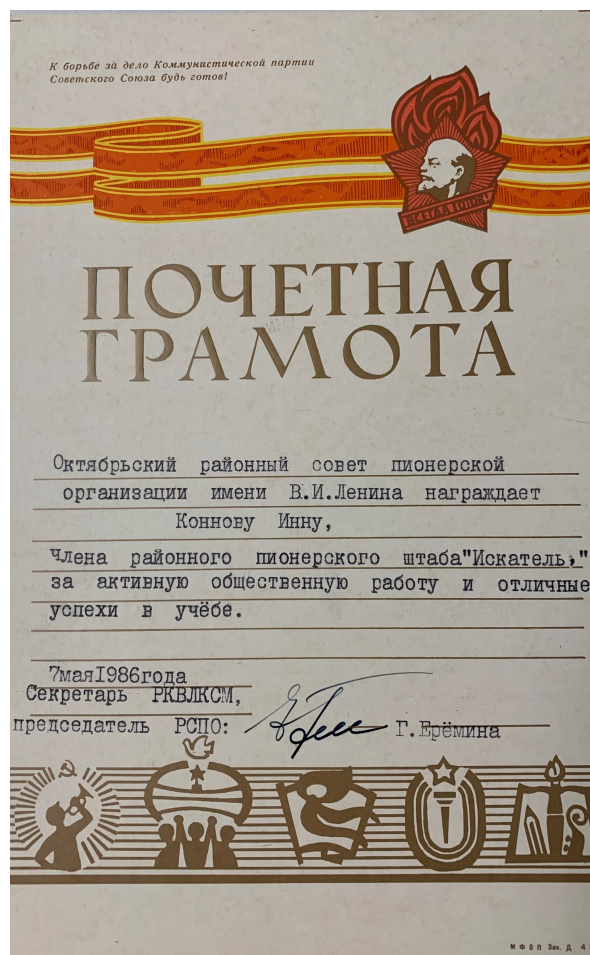

Рис. 2

Бланки грамот постсоветского времени более просты в оформлении. Чаще всего на них имеется только название документа: *Почётная грамота*, иногда изображается герб Российской Федерации (например, на почётных грамотах Министерства образования и науки РФ). На документах, выданных администрацией региона или города, может быть помещён герб области или города (например, герб Пензенской области на грамотах Законодательного Собрания или герб Пензы на грамотах администрации города).

Таким образом, при характеристике текста почётной грамоты как жанра важным является описание визуальной составляющей бланка – текстового «окружения», которое включает как

собственно текст (призывы, лозунги, высказывания), так и визуальные изображения (портреты, символы). Визуальная составляющая бланка почётной грамоты отражает прежде всего время создания наградного документа и – значительно реже – личностно-профессиональные особенности награждаемого.

Структура текстов почётных грамот

В тексте почётной грамоты выделяются как постоянные, так и переменные элементы. К постоянным относятся:

- 1) указание фамилии и имени (иногда отчества) награждаемого;
- 2) указание заслуг награждаемого;
- 3) подпись человека или людей, которые выдали награду (чаще всего на данном документе может стоять печать, удостоверяющая данную подпись или данные подписи).

К переменным относятся следующие элементы: указание на статус, должность, общественное положение человека, которому вручается грамота, и дата награждения.

Проиллюстрируем эти положения. Чаще всего в тексте грамоты указывается фамилия и имя награждаемого, причём имя может быть использовано в разных формах – официальной и неофициальной: *За отличную учёбу и примерное поведение ученице 1 Б класса Лунинской средней школы Ивашиной Люде* (1967 г.) или *Ивашина Людмила* награждается Почётной грамотой за активное участие в жизни п/лагеря «Восход» (1971 г.). Если грамота вручается взрослому работающему человеку, то, как правило, указывается и отчество сотрудника: *Врачу-бактериологу Лунинской СЭС Ивашиной Екаторине Михайловне* За активное участие в охране здоровья населения, улучшение санитарного состояния и благоустройства села (рис. 3).

Обычно в тексте почётной грамоты сначала называется тот, кого награждают, а затем перечисляются его достижения. В одной из грамот мы встретили обратный порядок расположения частей текста: сначала перечисляются достижения, а затем называется награждаемый: *Губернатор Ростовской области награждает почётной грамотой за многолетнюю активную просветительскую деятельность, значительный вклад в развитие библиотечного дела в Ростовской области коллектив государственного бюджетного учреждения культуры Ростовской области «Ростовская областная детская библиотека имени В. М. Величкиной»* (2014 г.).

Отметим, что далеко не во всех текстах почётных грамот отражены статус, должность или общественное положение человека, которому вручается награда: *Награждается Ивашина*

Людмила Борисовна за успешное выступление на Всероссийской научной студенческой конференции «Человек и природа в советской литературе» (1981 г.). В текстах других грамот можно найти дополнительную информацию о человеке, которому она вручается: *Пензенский облздравотдел и Обком профсоюза медработников награждают Ивашина Бориса Васильевича – главного врача Лунинского р-на за достигнутые успехи в областном смотре лечебно-профилактических учреждений* (1959 г.) или *Старшему врачу призывной комиссии Лунинского райвоенкомата Ивашину Борису Васильевичу* За добросовестное выполнение своих служебных обязанностей при проведении медицинского освидетельствования юношей при приписки их к призывным участкам и призыве (1980 г.).

Рис. 3

В отдельных случаях в текстах грамот отражены приказы о награждении данного сотрудника: *Тов. Ивашину Борису Васильевичу – главному врачу больницы Лунинского района Пензенской области за достигнутые результаты и успешное проведение в 1967 году в честь 50-летия Советской власти общественного смотра состояния культуры производства, техники безопасности и пожарной безопасности./Приказ Министерства от 27 октября 1967 г. № 1800 к/Заместитель Министра сельского хозяйства*

РСФСР И. Морозов/Секретарь ЦК Профсоюзов рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок И. Мельников; Награждается майор полиции Гурьянов Максим Александрович За добросовестное отношение к исполнению служебных обязанностей высокие показатели в оперативно-служебной деятельности и выполнение особо важных и сложных задач, а также в связи со 101-ой годовщиной образования экспертно-криминалистической службы системы МВД России/Начальник генерал-майор полиции С. М. Щеткин/Приказ УМВД от 19.02.2020 № 236.

Как правило, номер приказа или информация о наградном распоряжении располагается в конце наградного документа, однако встречается и иной порядок следования частей текста: **Распоряжением Правительства Омской области от 2 сентября 2020 года** Тимофеечев Александр Михайлович за многолетний безупречный труд, высокое профессиональное мастерство, большой вклад в развитие информационных технологий и в связи с Днём программиста награждён Почётной грамотой Правительства Омской области.

К переменным компонентам текстов почётных грамот относится характеристика награждаемого: **Вы, как достойный советский патриот**, честно трудитесь на своём посту, помогаете Родине всеми своими силами, укрепляете экономическую и оборонную мощь страны (1947 г.), а также выражение пожеланий награждаемому: **Желаем Вам творческих успехов, благополучия, добра и мира. Будем благодарны за дальнейшее сотрудничество!**

Почётная грамота могла быть вручена как за индивидуальные, так и за коллективные достижения, что находит отражение в тексте документа: **Награждается коллектив 7б класса за качественное выполнение работы на коммунистическом субботнике 21 апреля 1973 г.; Правофланговый отряд 6б класса награждается за участие во Всесоюзном марше «Всегда готов!».**

Почётная грамота могла быть вручена:

- а) в связи с личной юбилейной датой: **Награждается директор профессионального лицея № 1 им. Г. В. Терновского Гурьянов Александр Сергеевич за многолетний и добросовестный труд, большую работу по подготовке высококвалифицированных рабочих и в связи с 50-летием со дня рождения** (2009 г.);
- б) в связи с памятной датой в истории страны: **Ивашиной Екатерине Михайловне, врачу-бактериологу Лунинской Рай.СЭС За хорошую работу по охране здоровья трудящихся и в связи с 51-й годовщиной Великой Октябрьской Социалистиче-**

ской революции (1968 г.); **Награждается Соболев Павел Иванович в честь 25-летия победы Вооружённых сил СССР над фашистской Германией** (1970 г.);

- в) в связи с памятной датой, имеющей отношение к профессиональной деятельности сотрудника: **Награждается майор полиции Гурьянов Максим Александрович За добросовестное отношение к исполнению служебных обязанностей высокие показатели в оперативно-служебной деятельности и выполнение особо важных и сложных задач, а также в связи с годовщиной образования экспертно-криминалистической службы системы МВД России** (2022 г.);
- г) в связи с профессиональным или государственным праздником: **Награждается Кистанов Вадим Николаевич мастер железнодорожного пути за добросовестный труд, высокий профессионализм и в связи с профессиональным праздником «День железнодорожника»** (2017 г.); **Награждается Коннов Геннадий Васильевич – слесарь цеха № 3 за достигнутые успехи в социалистическом соревновании, активное участие в общественной жизни объединения и в честь Дня Международной солидарности трудящихся 1 Мая** (1986 г.);
- д) за успехи в трудовой деятельности: **Награждается Жуйкова Алла Алексеевна за добросовестный труд, активную жизненную позицию и творческое отношение к работе** (2015 г.); **Награждается Коннов Геннадий Васильевич – слесарь За высокие производственные показатели в социалистическом соревновании 1973 года** (1974 г.);
- е) в связи с юбилеем предприятия или учебного заведения: **Министерство образования Пензенской области Награждает Гурьянова Александра Сергеевича, директора профессионального лицея № 1, за многолетнюю педагогическую деятельность, большой вклад в подготовку молодых квалифицированных рабочих кадров и в связи с 80-летием профессионального лицея № 1** (2001 г.);
- ж) за особые успехи в общественной жизни: **Пензенский обком ВЛКСМ награждает настоящей грамотой Ивашину Людмилу, бригадира лагеря труда и отдыха Лунинской средней школы № 1, за хорошую учёбу и активное участие в летней трудовой четверти** (1975 г.) (рис. 4); **Награждается Краснова Ульяна за добросовестное отношение к учёбе и активное участие в общественной жизни класса** (2010 г.);

Рис. 4

- 3) за победу или участие в отдельном мероприятии: Администрация МБОУ СОШ № 57 им. В. Х. Хохрякова г. Пензы награждает ученицу 9А класса Елпатову Анну, занявшую 1 место **в викторине «Знаете ли вы Великобританию?»** (2012 г.); Пензенский городской дворец пионеров и школьников награждает коллектив школы № 56 **за активное участие в подготовке и проведении 6 фестиваля пионерских штабов** (1989 г.) (рис. 5); Награждается Сулоева Наташа, занявшая 1-е место **по бегу на 60 м** и 1-е место **по метанию мячей на дальность** (1982 г.);

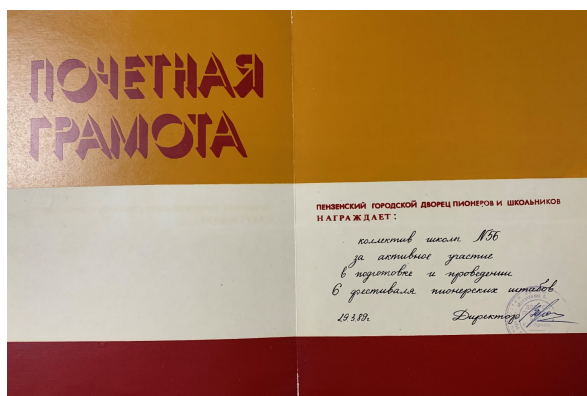

Рис. 5

- и) за личностные качества: Награждается Коннова Инна за активное участие в жизни лагеря, за добросовестное отношение к порученному делу; **отзывчивость к товарищам** (1983 г.).

Как правило, в текстах почётных грамот указывается несколько поводов для награждения человека: *Награждается Соболева Лариса Павловна за сочетание производственной работы и успешное окончание школы рабочей молодёжи* (рис. 6); *Награждается Коннова Лариса Павловна – ст. нормировщик цеха № 4 за добросовестный труд, активное участие в общественной жизни и в честь Международного женского дня 8 Марта.*

Рис. 6

Что касается подписи, удостоверяющей данный вид поощрения, то в грамотах, написанных от руки, чаще всего не встречается её расшифровка, указывается только должность или общественный статус человека: *Почётной грамотой награждается Ивашина Люда за активное участие в жизни п/лагеря «Приморский» 15.8.72/Начальник п/л/Ком. сов. Дружины.* В текстах почётных грамот, напечатанных на машинке или набранных на компьютере, как правило, даётся расшифровка подписи: *Лунинский РК ВЛКСМ председателя Совета дружины Лунинской средней школы № 1 Ивашину Людмилу за большую работу в школе/Первый секретарь Лунинского РК ВЛКСМ В. Комарова/19 мая 1974 г.; Почётная грамота Ивашиной Екатерине Михайловне награждается В связи с 50-летием санитарной службы и за долголетнюю и безупречную работу в органах здравоохранения. Главный Врач Лунинской СЭС В. Тарханов/Председатель МК Г. Тихонова.*

Подписи сопровождаются указанием регалий награждающих: *Награждается Ивашина Екатерина Михайловна За долголетний, безупречный труд в органах здравоохранения Лунинского района и в связи с 50-*

летием со дня рождения. **Главный врач Лунинского района Н. Н. Кривоносов/ Секретарь парторганизации Барашенкова/ Председатель РК Союза А. А. Вьюжина**/Ноябрь 1979 года. При расшифровке подписи фамилия подписавшего документ указывается обязательно, а инициалы могут отсутствовать: **Пензенский областной военный комиссар Полковник В. Чечель**. В отдельных случаях почётная грамота не имеет индивидуальной подписи: **Награждается Ивашина Людмила**, занявшая 3-е место в университетском конкурсе чтецов, посвящённом 60-летию Ленинского комсомола./Правление клуба культуры СГУ (1978 г.); **Товарищу Ивашину Борису Васильевичу** В связи с 50-летием Советской Армии и Военно-Морского Флота и за заслуги в укреплении обороноспособности социалистической Родины./Райком КПСС/Райисполком (1968 г.).

В текстах почётных грамот, с одной стороны, невозможно избежать клишированных форм. Это подтверждают многочисленные сайты в Интернете, где содержатся готовые формы текстов «на все случаи жизни». Пишущему необходимо только выбрать подходящие формулировки и добавить фамилию, имя, отчество награждаемого. С другой стороны, каждый поощряемый хотел бы, чтобы его награда была индивидуальной, отражающей его личные достижения. Сравним тесты двух почётных грамот, выданных Министерством образования и науки Российской Федерации: **Награждается Хрипунова Елена Андриановна** учитель-дефектолог краевого казенного специального (коррекционного) образовательного учреждения для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья «Минусинская специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат VIII вида» Красноярского края за значительные успехи в организации и совершенствовании учебного и воспитательного процессов, формирование интеллектуального, культурного и нравственного развития личности, большой личный вклад в практическую подготовку учащихся и воспитанников и многолетний плодотворный труд (2012 г.) и **Награждается Носова Ольга Михайловна** учитель муниципального общеобразовательного учреждения средней общеобразовательной школы № 11 с углублённым изучением отдельных предметов Курского муниципального района за значительные успехи в организации и совершенствовании учебного и воспитательного процессов, большой личный вклад в практическую подготовку учащихся и воспитанников и многолетний плодотворный труд в системе образования (2015 г.). Различие заключает-

ся в обозначении награждаемого, а текст за исключением исключением идентичен.

Иногда, стремясь описать конкретные заслуги награждаемого, составители текстов почётных грамот используют стихотворную форму речи, не характерную для официально-делового стиля:

Награждается Елпатова Анна за активное участие в жизни в лагере «Строитель».

**Голос Ани, как свирель,
Радует он каждый день.
Скромна, красива и умна.**

Стихи умеет сочинять сама (рис. 7).

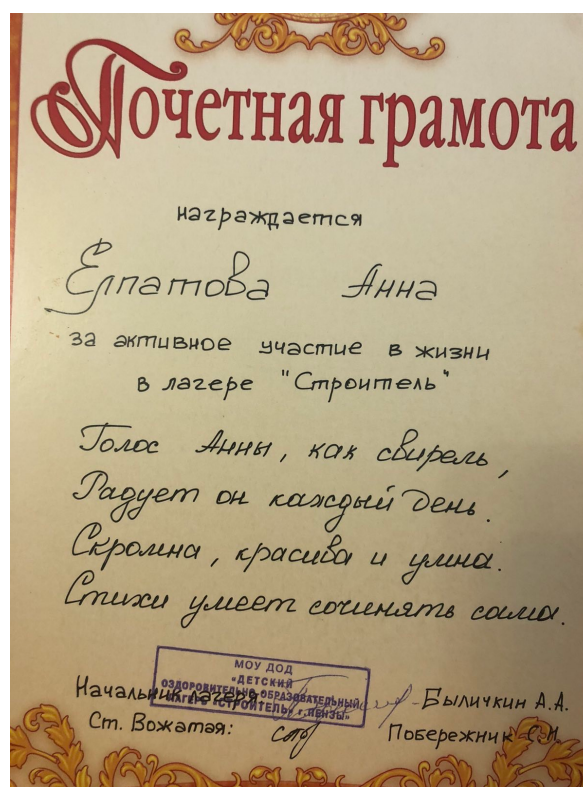

Рис. 7

Таким образом, текст почётной грамоты содержит постоянные и переменные компоненты, которые, как правило, располагаются в определённой последовательности. В постсоветское время в текстах наградных документов наблюдаются отступления от канонов официально-делового стиля, которые проявляются, в частности, в использовании стихотворных форм речи при описании заслуг награждаемого.

Языковые особенности текстов почётных грамот

Будучи жанром официально-делового стиля, почётная грамота обладает особенностями языкового выражения, присущими данному стилю, среди которых учёные отмечают

«сужение диапазона используемых речевых средств; высокую степень повторяемости (частотность) отдельных языковых форм на определённых участках текстов документов» [4: 16–17].

Так, на уровне лексики отметим активное использование в текстах клишированных фраз, которые за пределами деловых документов «воспринимаются как канцеляризм, сообщающие речи сухость, казённость» [5: 48]: *активное участие, большой личный вклад, многолетний добросовестный труд, подрастающее поколение* и т. п.

Поскольку жанр почётной грамоты предполагает признание заслуг награждаемого или награждаемых, то в текстах активно употребляется оценочная лексика, характеризующая деятельность человека или коллектива: за **образцовое** выполнение служебного долга; за **честный и добросовестный** труд; за **успешное** выполнение плановых заданий; за **отличные** успехи в боевой и политической подготовке.

Обращает внимание частое использование оценочного прилагательного *высокий* при характеристике заслуг награждаемого или награждаемых и широкая сочетаемость этого прилагательного с существительными, что оказывается возможным благодаря многозначности данной лексемы: за **высокую** культуру обслуживания населения; за **высокий** спортивный результат; за **высокие** производственные показатели, достигнутые в социалистическом соревновании; за **высокие** результаты, достигнутые в подготовке специалистов для Вооружённых Сил СССР; за **высокое** профессиональное мастерство; за **высокие** творческие показатели в формировании личности младшего школьника; за **высокие** достижения в деле эстетического воспитания подрастающего поколения.

Отметим, что в текстах почётных грамот, выданных предприятиям и организациям, активно используется слово *коллектив*: Награждается **коллектив** института повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет» за значительные успехи в организации и совершенствовании учебного процесса, повышении педагогической и научной квалификации научно-педагогических кадров, переподготовке специалистов системы высшего и послевузовского профессионального образования и в связи с 40-летием со дня образования (2009 г.); Награждается **коллектив** ООО «Техсталь» за значительный вклад в со-

циально-экономическое развитие Новосибирской области, высокие производственные показатели (2012 г.).

На уровне морфологии обратим внимание на преобладание в текстах почётных грамот имён существительных. Ср.: «Одним из типичных лингвистических признаков официально-делового стиля является его именной характер» [6: 176]. Активное употребление имён существительных вполне закономерно, поскольку рассматриваемый документ служит для называния человека и его заслуг, для чего используются прежде всего слова с предметным значением.

Тексты почётных грамот богаты отвлечёнными существительными с процессуальным или качественным значением, придающими высказываниям оттенок возвышенности: за **выполнение и перевыполнение** норм **выработки и вывозки** хлеба государству; за **успехи в выполнении** закона о всеобщем обязательном **обучении**; за большую **работу** по коммунистическому **воспитанию** подрастающего поколения; за **профессионализм в освоении** передовых образцовых технологий, **создание** благоприятного **климата в работе** с родителями; за **энтузиазм и творческий подход к работе, обобщение и распространение** профессионального **опыта** в муниципальной системе **образования**.

Среди собственных существительных наиболее активно используются антропонимы (фамилии, имена, отчества или инициалы), называющие награждаемых и награждающих. Антропонимы в почётных грамотах советского времени, называющие награждаемых, как правило, сопровождались приложением *товарищ* (варианты написания – *тов., т.*): **Товарищу Николашкиной М. П.** за активное участие в работе агитационного коллектива ПИ-5 по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР (1958 г.); **тов. Коробов Олег Владимирович** награждается почётной грамотой (1954 г.); За достигнутые высокие производственные показатели в социалистическом соревновании на протяжении 6-ти месяцев подряд слесаря цеха № 7 **т. Тарас Михаила Ивановича** наградить почётной грамотой (1956 г.).

Если почётной грамотой награждается коллектив, то в тексте, как правило, используется антропоним, называющий его руководителя: Сахалинский областной комитет КПСС и исполком Областного совета народных депутатов награждают почётной грамотой Коллектив картофелеводческого звена совхоза «Ударный» **звеньевой т. Молоток П. Ф.** (1978 г.); Награждается коллектив Муниципального учреждения культуры горо-

да Новосибирска «Центральная городская детская библиотека им. А. П. Гайдара» (**директор – Казарина Светлана Валентиновна**) (2017 г.).

В новейший период отметим активное использование имён собственных, входящих в название организации или учреждения: *Награждается Полторыхина Антонида Сергеевна – старшая медицинская сестра стоматологической клиники «Денталия»* (2009 г.); *Награждается Перевезенцева Марина Николаевна, воспитатель МБДОУ «Детский сад № 5 «Родничок»»* (2016 г.).

Глагольная лексика в текстах, как правило, представлена только словами *награждать/награждаться* чаще в форме *награждается*: *Награждается Шаталин Эдуард Иванович – капитан СРТМ «Первореченск»* (1985 г.) или *награждает*: *ЦК ВЛКСМ награждает* настоящей грамотой Сахалинскую областную комсомольскую организацию (1956 г.). Настоящее время используется, чтобы подчеркнуть, что называемое действие происходит в момент речи. Однако нам встретилась форма *наградил*, которая, по нашему мнению, является неудачной: *Пензенский областной комитет ВЛКСМ наградил* Ивашину Татьяну Борисовну, зав. учебной части училища при Пензенском кооперативном техникуме за заслуги перед комсомолом и в честь 60-летия Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи (1998 г.).

В редких случаях используется инфинитив *наградить*, делающий высказывание более категоричным и «приближающим» жанр почётной грамоты к жанру приказа: *За заслуги в укреплении законности и правопорядка наградить* открытое акционерное общество «Юридическое агентство?СРВ?».

Не является распространённой и причастная форма *награждено*, которая подчёркивает факт совершения действия: *Распоряжением Правительства Омской области от 16 мая 2018 года Публичное Акционерное общество «ОНХП» за активное участие в общественно полезной и благотворительной деятельности награждено Почётной грамотой Правительства Омской области*.

Нами отмечен единственный случай использования формы *награждаю*, которая подчёркивает субъективное отношение награждающего к награждаемому: *Отмечая Ваши трудовые подвиги, награждаю Вас Почётной грамотой и желаю новых успехов на благо нашего любимого социалистического Отечества. Начальник Красноярской ж. д. генерал-директор тяги III ранга А. Шалашов* (1947 г.).

Отметим единичное использование в тексте почётной грамоты глагола *поощряется*,

который считаем неуместным в отношении к рассматриваемому наградному документу: *Поощряется Заева Анна Алексеевна* (2019 г.).

В некоторых наградных документах глагольная форма отсутствует – текст создаётся по модели *почётная грамота (кому?)*: *Почётная грамота т. Потёмкину Дмитрию Петровичу* (1964 г.); *Почётная грамота Ильинской Ольге Владимировне, воспитателю ДБДОУ детский сад № 9 «Казачок»* (2014 г.); *Почётная грамота Стеценко Вячеславу Михайловичу, учителю физической культуры муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Игримская средняя общеобразовательная школа № 1* (2015 г.). Считаем такую модель не совсем удачной и в грамматическом, и в этическом планах. С точки зрения грамматики, датив со значением объекта, должен управляться глаголом, а не существительным (в отличие от дательного падежа с объектно-атрибутивным значением, ср.: *памятник (кому? какой?) Пушкину*). С точки зрения этики, важно назвать, обозначить действие, которое совершается в отношении заслуженного человека: он *награждается* или его *награждают*.

Говоря о словообразовательных особенностях лексем, используемых в текстах почётных грамот, необходимо отметить большое количество аббревиатур – существительных, состоящих «из усечённых слов, входящих в исходное словосочетание, или из усечённых компонентов исходного сложного слова» [7: 77]. Иногда аббревиатуры продиктованы традицией, иногда, особенно в рукописных грамотах, связаны с желанием сократить текст. Приведём наиболее частотные сокращения: *РК ВЛКСМ* – районный комитет Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодёжи, *р. п.* – рабочий посёлок, *п/лагерь* – пионерский лагерь, *МК* – местный комитет и др.

Иногда в тексте одной почётной грамоты могут использоваться варианты аббревиатур: *Лунинский Райком ВЛКСМ награждает* Ивашину Людмилу члена комитета ВЛКСМ Лунинской средней школы № 1, за активное участие в жизни комсомольской организации/Первый секретарь Лунинского *РК ВЛКСМ* В. Комарова/21 июня 1976 г.

Особого внимания заслуживает текст следующей грамоты, в котором зафиксированы варианты парных аббревиатур – *Райисполком* и *Рик*, *Райземотдел* и *Райзо*: *Лунинский Райисполком и Райземотдел награждает* Бухгалтера-инструктора *Райзо* Ивашина Василия Фроловича за ударную работу по организации счетоводства в колхозах и подготовке кадров работников учёта./Председатель

Райисполкома/Зав. **Райзо/Управделами Рика/** Ноября 5 дня 1934 г. Использование вариантов аббревиатур Т. Г. Скребцова относит к сознательным действиям новой власти, направленным на изменения языковых норм, «с тем чтобы ещё больше размежеваться с уходящей эпохой и подчинить языковую политику государства решению новых актуальных задач» [8: 147].

Сложносокращённые слова в текстах почётных грамот не всегда понятны рядовым носителям языка: *Награждается Сотрудник ОАО «ИПК «Пензенская правда» Ивашина Татьяна Борисовна За активную плодотворную работу, высокие производственные показатели и профессиональное мастерство и в связи с Днём российской полиграфии.* В тексте данной грамоты встречаются сокращения: ОАО, которое имеет 8 способов расшифровки, и ИПК, которое имеет 30 способов расшифровки.

В учебнике по дисциплине «Документальная лингвистика» сказано: «При включении в текст документа сокращённого слова следует тщательно проанализировать <...>, будет ли сокращение понятно адресату» [7: 82]. Поэтому пишущим следует более внимательно относиться к использованию сложносокращённых слов в текстах почётных грамот.

Приметой настоящего времени стало использование в текстах почётных грамот аббревиатур, называющих образовательные или воспитательные учреждения. Эти сокращения громоздки и неблагозвучны. В расшифрованном виде они занимают много места. Однако официальное наименование учреждения обязательно должно быть указано (в сокращённом или полном виде) на таком документе, как почётная грамота: *Награждается коллектив МДОУ детский сад № 20; Награждается Игнатьева Елена Николаевна, учитель начальных классов Муниципального общеобразовательного бюджетного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 5 Лесозаводского городского округа»;* *Награждается Максимов Наталья Геннадьевна, учитель Муниципального бюджетного образовательного учреждения «Кадетская школа по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий № 70» г. Пензы имени 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, за значительные заслуги в сфере образования и многолетний добросовестный труд* (2018 г.).

Таким образом, язык текстов почётных грамот характеризуется лаконизмом формулировок, клишированностью фраз, преобладанием отвлечённых существительных с про-

цессуальным или качественным значением, называющих заслуги награждаемого, активным использованием аббревиатур.

Культура оформления текстов почётных грамот

Несмотря на то что почётная грамота представляет собой официальный документ и предполагает точность и грамотность оформления, в текстах нередко допускаются разного рода недочёты и ошибки.

Самой распространённой является пунктуационная ошибка, связанная с отсутствием знаков препинания при приложении, которое представляет собой определение, «выраженное именем существительным, согласующимся с определяемым словом в падеже», и «характеризует лицо в отношении рода занятий, профессии, специальности, занимаемой должности» [9: 381]. По правилам русского языка, данная синтаксическая единица должна обособляться, однако в текстах почётных грамот часто встречается необособление приложений или их частичное обособление: *Почётная грамота Главы города Лобня награждается Казанцева Жанна Викторовна воспитатель МДОУ – Центр развития ребенка – детский сад № 10 «Незабудка» победитель конкурса «Воспитатель года города Лобня – 2009»;* *Пензенский областной комитет ВЛКСМ наградил Ивашину Татьяну Борисовну, зав. учебной части училища при Пензенском кооперативном техникуме* за заслуги перед комсомолом и в честь 60-летия Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи (1978 г.); *Награждается Горелова Анжела, ученица 8 в класса* за активное участие в жизни школы и хорошие успехи в учёбе (1986 г.).

Второй по распространённости пунктуационной ошибкой является отсутствие запятой в предложениях с определением, выраженным причастным оборотом: *Завком и правление клуба Московского ордена Ленина мясочбината награждает Коллектив духового оркестра – руководитель тов. Яремчук П. Д. – занявшего I место в смотре художественной самодеятельности города Москвы и за активное участие в обслуживании населения* (1963 г.); *Облсовет ДСО «Спартак» награждает Горелову Анжелу занявшую II место по художественной гимнастике* (1980 г.).

Среди орфографических ошибок наиболее распространено неоправданное написание заглавных букв: *Главному врачу района товарищу Ивашину Борису Васильевичу За активное участие в улучшении здоровья населения* (1964 г.).

В текстах почётных грамот зафиксированы грамматические ошибки: *Награждается майор полиции Гурьянов Максим Александрович За добросовестное отношение к исполнению служебных обязанностей, высокие показатели в оперативно-служебной деятельности и выполнение особо важных и сложных задач, а также в связи с годовщиной образования экспертно-криминалистической службы системы МВД России, а должно быть в выполнении особо важных и сложных задач.*

Встречается пропуск слов: *Лунинский РК ВЛКСМ председателя Совета дружины Лунинской средней школы № 1 Ивашину Людмилу за большую работу в школе* – в тексте почётной грамоты пропущено слово *награждает*.

Среди речевых недочётов отметим единственный зафиксированный нами случай плеоназма: *за достигнутые высокие производственные показатели в социалистическом соревновании в январе месяце 1946 года.*

К сожалению, авторам текстов почётных грамот не удаётся избежать тавтологии – тождества, повторения сказанного другими словами, не вносящее ничего нового [9: 548–549]: *Группе «Н₂О» в лице Холмского Евгения Александровича и Олейник Светланы Васильевны за участие в благотворительном концерте для детей Государственного образовательного учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Клязьминский детский дом «Родничок».* Как видно, в данном тексте несколько раз используется словоформа *детей* и приводится однокоренное слово *детский*. Сочетания *дети-сироты*; *дети, оставшиеся без попечения родителей*; *детский дом* имеют устойчивый характер и поэтому не могут быть заменены никакими другими в отличие от словоформы *детей* в составе свободного словосочетания *в благотворительном концерте для детей*, где вполне может быть использована словоформа *воспитанников*.

Кроме того, по нашему мнению, некорректным является словосочетание *Группе «Н₂О» в лице Холмского Евгения Александровича и Олейник Светланы Васильевны*, поскольку производный предлог *в лице* употребляется при указании на того (то), кто (что), являясь частным по отношению к более общему, представляет это общее. Вероятно, в тексте следовало написать *Группе «Н₂О» под руководством Холмского Евгения Александровича и Олейник Светланы Васильевны.*

В текстах почётных грамот советского времени обнаружены стилистические недочёты, связанные с употреблением слов, несвойственных официально-деловому стилю: *Дирекция и заводской комитет Байковского*

рыбокомбината награждает воспитателя пионерского лагеря рабочих пищевой промышленности т. Лялько Петра Андреевича за организацию хорошего отдыха и воспитания ребят (1959 г.). Считаем, что вместо словоформы *ребят*, несвойственной официально-деловому стилю, было бы уместно использовать устойчивое сочетание *подрастающего поколения*. Приведём ещё один пример: *Отдел народного образования Бийского Горисполкома и горкома профсоюза работников просвещения награждает тов. Понаеву Нину Антоновну – учительницу школы № 4* (1963 г.) – в данном тексте следовало бы вместо словоформы *учительницу* употребить лексику *учителя*, как свойственную официально-деловому стилю, в котором существительные, «обозначающие должности и звания, употребляются в форме мужского рода и в том случае, когда они относятся к лицам женского пола» [10: 107]. По словам А. Н. Гвоздева, в подобных случаях «на первое место выступает социальная и профессиональная характеристика лица, а его пол остаётся на втором плане» [11: 169].

В рассмотренных документах имеются случаи нарушения единообразия в назывании награждаемых в пределах одного текста: *Совет ДСО «Спартак» правления тралового флота награждает спортивную семью работников УТФ Лялько П. А. и Лялько Надежду* (1971 г.).

Как правило, в текстах почётных грамот стараются отметить достижения награждаемых, однако иногда тексты документов лишены конкретики: *Горком партии, исполком городского Совета, ГК ВЛКСМ, оргкомитет награждает коллектив разреза «Южный» производственного объединения «Вахрушевуголь» за высокие показатели по итогам соревнования за звание «Город высокой культуры и образцового общественного порядка»; За активную работу по пропаганде деятельности милиции награждается Коллектив редакции городской газеты «Ленинский путь» г. Миллерово, занявший III место в конкурсе.* Грамоты, содержащие данные тексты, были вручены коллективам, принимающим участие в различных конкурсах. Если в первом случае вызывает вопрос, почему за звание «Город высокой культуры и образцового общественного порядка» борется коллектив разреза «Южный», ведь разрез (спец.) – место, где производится добыча ископаемых открытым способом; открытая горная разработка [12: 1080], то в другом случае нельзя понять, в каком конкурсе победил коллектив газеты «Ленинский путь».

В тексте почётной грамоты *Награждается коллектив ОАО АПК «Ильинка» (руководитель Ларишин Александр Васильевич) заняв-*

ший III место в трудовом соперничестве среди молочно-товарных ферм, получивший наивысшие показатели в 2010 году неуместным кажется использование словосочетания *наивысшие показатели*, так как коллектив данного сельскохозяйственного предприятия занял всего лишь III место. Что же тогда было написано в тексте почётной грамоты победителей?

Допускаются и фактические ошибки. Иногда награждающий не осведомлён о фактах, связанных с конкретным человеком: *Лунинский РК ВЛКСМ награждает настоящей грамотой члена актива районной детской библиотеки ученицу 1 А класса Иващину Лягу за активную пропаганду детской книги (1967 г.)*, школьница училась в 16 классе. Примером фактической ошибки является неправильное написание имени или отчества награждаемого – *Анжелла* вместо *Ангела*: *Награждается Горелова Анжелла, занявшая I место в соревнованиях по лёгкой атлетике (1982 г.)*; *Гюргиевна* вместо *Георгиевна*: *Награждается Соболева Мария Гюргиевна За долголетнюю добросовестную работу в честь 60-тилетия образования СССР (1982 г.)*

К сожалению, тексты почётных грамот не лишены нарушений этических норм, когда, например, указывается только фамилия награждаемого: *Награждается Горелова за 3 место в многоборье (1983 г.)*.

С нарушением этических норм связано употребление в тексте почётной грамоты выражения *со дня рождения* при награждении юбиляра. Данное нарушение характерно для документов как советского, так и настоящего времени. Выражение *со дня рождения* используется по отношению к человеку, ушедшему из жизни, например: *90 лет со дня рождения Евгения Евтушенко*. По отношению к здравствующему юбиляру следует писать так: *в связи с 50-летием* или *в связи с 50-летним юбилеем*.

Анализ ошибок и недочётов, допущенных в текстах почётных грамот, показал, что их причиной может быть как невнимательность и небрежность того, кто составляет текст, так и незнание им орфографических и пунктуационных правил русского языка. Считаем, что готовить текст данного наградного документа должен человек, владеющий нормами правописания и знающий нормы официально-делового стиля.

Заключение

Проведённый анализ текстов почётных грамот позволил прийти к заключению, что, яв-

ляясь жанром письменной речи официально-делового стиля, почётная грамота выступает как средство выражения заслуг отдельного человека или коллектива в той или иной сфере деятельности: в труде, учёбе, спорте, творчестве, общественной работе и т. п., то есть данный жанр используется в коммуникативной ситуации «награждение», в которой адресант и адресат находятся в социальных отношениях «вышестоящий – нижестоящий».

В отличие от большинства официально-деловых документов, текст почётной грамоты размещается на цветном бланке, содержащем графические изображения (портреты, символы) и фрагменты текстов (лозунги, призывы, высказывания политических деятелей). Анализ визуальной составляющей бланка представляется не менее актуальным, чем описание собственно текста почётной грамоты, поскольку визуальная часть является жанрообразующим признаком наградного документа, отражающим время его создания и – реже – личностно-профессиональные качества награждаемого.

Порядок следования постоянных и переменных компонентов текста почётной грамоты закреплён главным образом коммуникативной традицией, поскольку специальных документов, регламентирующих правила составления текстов данного жанра, в настоящее время нет. Кроме того, в постсоветское время в текстах почётных грамот наблюдаются отступления от канонов официально-делового стиля, что делает документы менее строгими и более ориентированными на личность адресата.

Язык текстов почётных грамот, с одной стороны, отражает особенности официально-делового стиля в целом и характеризуется лаконизмом фраз, клишированностью формулировок. С другой стороны, в языковом оформлении текстов почётных грамот наблюдаются особенности, присущие только данному жанру, как-то: преобладание отвлечённых существительных с процессуальным или качественным значением, отражающих заслуги награждаемого, активное использование антропонимов, а также аббревиатур, называющих учреждения или организации.

Являясь наградным документом, почётная грамота требует определённой культуры оформления. Её составитель должен владеть языковыми нормами, знать особенности текстов данного жанра и иметь представление о личности награждаемого.

Исследование различий между грамотами советского времени, с идеологическими текстами, и современными – дело будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–280.
2. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с.
3. Шмелева Т. В. Исследование русского языка: нерешённые задачи и новые перспективы // Профессорский журнал. Серия : Русский язык и литература. 2020. № 1 (1). С. 3–6.
4. Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов: учебное пособие. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012. 256 с.
5. Валгина Н. С. Функциональные стили русского языка: учебное пособие. М. : ИЛЕКСА, 2011. 224 с.
6. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебное пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. пед. институтов. М. : Просвещение, 1977. 223 с.
7. Янковая В. Ф. Документальная лингвистика: учебник для студентов учреждений высш. проф. образования. М. : Академия, 2011. 288 с.
8. Скребцова Т. Г. Новые реалии общественно-политической жизни 1920-х гг. и их отражение в русской литературе и лексикографии (на примере сложносокращённых слов) // Политическая лингвистика. 2021. № 2 (86). С. 146–154. <https://doi.org/10.26170/1999-2629-2021-02-14>
9. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М. : Оникс ; Мир и Образование, 2008. 624 с.
10. Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи: учебное пособие для филол. специальностей ун-тов. М. : Высш. школа, 1982. 223 с.
11. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М. : ФЛИНТА, 2018. 576 с.
12. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskuststvo, 1979, pp. 237–280 (in Russian).

2. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).
3. Shmeleva T. V. Research of the Russian language: Unsolved problems and new perspectives. *Professorskiy zhurnal. Seriya : Russkiy yazyk i literatura*, 2020, no. 1 (1), pp. 3–6 (in Russian).
4. Rakhmanin L. V. *Stilistika delovoy rechi i redak-tirovaniye sluzhebnykh dokumentov: uchebnoe posobiye* [Stylistics of business speech and editing official documents: Textbook]. Moscow, Flinta, Nauka, 2012. 256 p. (in Russian).
5. Valgina N. S. *Funktsional'nyye stili russkogo yazyka: uchebnoe posobiye* [Functional styles of the Russian language: Textbook]. Moscow, Ileksa, 2011. 224 p. (in Russian).
6. Kozhina M. N. *Stilistika russkogo yazyka: uchebnoe posobiye dlya studentov fak. rus. yaz. i lit. ped. in-tov* [Stylistics of the Russian language: Textbook for students of the faculty Russian lang. and literature ped. in-comrade]. Moscow, Prosveshchenie, 1977. 223 p. (in Russian).
7. Yankovaya V. F. *Dokumental'naya lingvistika: uchebnik dlya stud. uchrezhdeniy vyssh. prof. obrazovaniya* [Documentary linguistics: Textbook for students institutions of higher prof. education]. Moscow, Akademiya, 2011. 288 p. (in Russian).
8. Skrebtsova T. G. New realities of social and political life in the 1920s. and their reflection in Russian literature and lexicography (on the example of compound words). *Political Linguistic*, 2021, no. 2 (86), pp. 146–154 (in Russian). <https://doi.org/10.26170/1999-2629-2021-02-14>
9. Rozental' D. E., Telenkova M. A. *Spravochnik po russkomu yazyku. Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Handbook of the Russian language. Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Oniks, Mir i Obrazovanie, 2008. 624 p. (in Russian).
10. Kozhin A. N., Krylova O. A., Odintsov V. V. *Funktsional'nyye tipy russkoy rechi: uchebnoe posobiye dlya filol. spetsial'nostey un-tov* [Functional types of Russian speech: Textbook for philol. specialties of univ.]. Moscow, Vysshaya shkola, 1982. 223 p. (in Russian).
11. Gvozdev A. N. *Ocherki po stilistike russkogo yazyka* [Essays on the style of the Russian language]. Moscow, Flinta, 2018. 576 p. (in Russian).
12. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov* [Kuznetsov S. A., comp. and ed. Big explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg, Norint, 2000. 1536 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 18.10.2022; одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 23.12.2022
 The article was submitted 18.10.2022; approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 23.12.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 330–336

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 330–336

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336>, EDN: XQNGXP

Научная статья

УДК [821.161.1'0'38:002.1]+930.25(470.45)

Жанровая обусловленность грамматического выражения текстового времени в региональных документах XVIII века

О. А. Горбань[✉], Е. М. Шептухина

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград,
просп. Университетский, д. 100

Горбань Оксана Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Шептухина Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Аннотация. Работа находится в русле актуальных проблем документной лингвистики и теории речевых жанров. С применением жанрового подхода описаны грамматические средства выражения текстового времени в официальных документах XVIII в. из фонда Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области. В результате сопоставления распорядительных, информирующих и регистрационно-учетных документов выявлено, что организация и грамматическое представление текстового времени отражают тенденцию к типизации, обусловленной свойствами документа и степенью его нарративности, зависящей от жанра. Установлено, что в большинстве источников точка отсчета времени фиксируемых действий и событий эксплицирована: дата составления документа и соотнесенные с ней глагольные формы в перформативной функции. В текстах с нарративным элементом глагольные формы соотносятся с этой точкой отсчета либо вступают во временные отношения между собой, что реализуется в определенных синтаксических конструкциях: сложных предложениях с придаточными времени, изъяснительными, условия и др. Набор форм варьируется, однако в целом в распорядительных документах представлены три временных плана – предшествующих, одновременных и последующих действий, в информирующих – два – предшествующих и одновременных, предшествующих и последующих. В ненарративных (учетных) документах фиксируются единичные действия либо ряд единичных действий, которые слабо связаны между собой временными отношениями, или эти отношения не эксплицированы. Такие действия относятся к одному временному плану, грамматические средства временной характеристики действий однообразны.

Ключевые слова: история русского языка, жанр, распорядительный документ, информирующий документ, регистрационно-учетный документ, документный текст, темпоральность, региональная деловая письменность

Для цитирования: Горбань О. А., Шептухина Е. М. Жанровая обусловленность грамматического выражения текстового времени в региональных документах XVIII века // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 330–336. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336>, EDN: XQNGXP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre determination of grammatical expression of textual chronotope in regional documents of the 18th century

O. A. Gorban[✉], E. M. Sheptukhina

Volgograd State University, 100 Universitetsky Ave., Volgograd 400062, Russia

Oksana A. Gorban, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Elena M. Sheptukhina, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Abstract. The article reveals several current issues of documental linguistics and genre theory – grammatical means of expressing/actualizing textual chronotope in the 18th cent. official documents from the Archive Fund

of the Mikhailovsky Stanichny ataman of the State Archive of the Volgograd Region, which are described with the procedure of genre related analysis. By comparing organization and grammatical representation of text chronotope in administrative, informative and registration documents, there was revealed a tendency for typological genre implications defined by the document properties and the character of its narrative structure. In most sources, the reference point relative to which the time of recorded actions and events is determined was established as being explicated: the date of the document is coordinated with the associated verb forms in a performative function. In the texts with a narrative element, verb forms correlate with this reference point or enter into temporal relations with each other, which might actualize in some syntactic constructions: complex sentences with a subordinate clause of time, condition, an explanatory object clause, etc. Although the set of forms varies in the documents, some corresponding regulations were noted in administrative documents as three time spans – preceding, simultaneous and subsequent actions (in military certificates), in informing ones – two time spans – preceding and simultaneous (in reports) or preceding and subsequent (in fairy tales). In non-narrative documents (receipts, statements), single actions or a number of single actions are recorded, they are loosely interconnected by temporary relationships or these relationships are not explicated. Such actions are viewed as belonging to the same time span, grammatical means of temporal characteristics of actions are monotonous.

Keywords: history of the Russian language, genre, preceding document, simultaneous document, subsequent actions document, documentary text, temporality, regional official writing

For citation: Gorban O. A., Sheptukhina E. M. Genre determination of grammatical expression of textual chronotope in regional documents of the 18th century. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 330–336 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336>, EDN: XQNGXP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Деловая письменность является одним важнейших лингвистических источников, поскольку ее тексты представляют собой среду функционирования языковых единиц и позволяют охарактеризовать их состав, семантику, закономерности употребления. При этом если источники донационального периода традиционно привлекаются для изучения не книжного языка (в ранние периоды, видимо, близко к живому разговорному), то документы XVIII в. и позднейшие – для исследования языка литературного в его официально-деловой разновидности. В последнее время лингвисты все чаще обращаются к региональной деловой письменности с целью описания процесса формирования национального русского литературного языка в его разнообразии, вариативности норм на всей территории государства.

Документ является и самостоятельным объектом лингвистического анализа, имея особые функции и правила построения. При его изучении могут быть использованы понятия жанра и текстовых категорий. Именно в русле этого подхода нами рассматриваются документы Войска Донского XVIII в. из фонда Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области [1].

В рамках делового стиля жанр понимается как «текстовый способ реализации в документе определенного типа социокультурной деятельности, представленной как система коммуникативных явлений, зависящих от типовых сценариев и фреймов, «обслуживающих» кон-

кретную ситуацию, а также от личностных характеристик субъектов деловой коммуникации» [2: 150]. Его описание возможно через моделирование. В отечественном языкознании известна модель речевого жанра (или анкета жанра), представленная Т. В. Шмелевой, которая выделяет семь конститутивных признаков, принимая во внимание экстралингвистические факторы, влияющие на формирование речевого жанра и выражающиеся в языковых единицах [3].

Эта модель дополняется применительно к новым речевым явлениям и с учетом достижений современной лингвистики (см., например: [4]). По отношению к документному тексту она получила уточнение в наших предыдущих работах, например: [5]. В них предложена типовая модель жанра документного текста, основу которой составляют взаимодействующие параметры: «функция», «адресант», «адресат», «информация», «структура», «модальность», «пространство», «время». Связи параметров, как показала М. В. Косова, могут быть обязательными, сильными, и факультативными, слабыми, а также прямыми и опосредованными. Параметры образуют иерархию, первый уровень которой составляют «адресант», «адресат», «функция»; второй – «информация», «структура», «модальность»; третий – «пространство» и «время». Жанрообразующими представляются параметры первого уровня [6]. Языковые средства выражения параметров в документах рассмотрены в коллективной монографии «Документы Войска Донского XVIII в.: лингвистическое описание и тексты» [7: 23–92].

Реализацию выявленных параметров в документах (конкретные «значения» параметров) можно считать жанровыми признаками. Они имеют различную релевантность для идентификации жанров и по-разному соотносятся с текстовыми категориями. Опыт описания исторических документов в аспекте текстовых категорий представлен, например, в работах Н. В. Глухих, на материале региональных деловых писем XVIII – нач. XIX в. показавшей реализацию текстовых категорий на всех уровнях текста [8]; С. В. Русановой, в Морском уставе 1720 г. выявившей связь языковых средств и приемов с текстовыми категориями аргументативности, императивности, воздейственности [9]. Из отдельных текстовых категорий наиболее полно описана модальность, поскольку именно она актуализируется жанром документа, который часто представлен в названии, передающем тип речевого действия [10: 72; 11: 26].

В связи со сказанным возникает необходимость выявить особенности выражения текстовых категорий в документах разных жанров, поскольку это позволяет, по утверждению А. В. Зиминной, говорить «о типологии документов, их свойствах и функциях в коммуникативных процессах» [12: 167], а также раскрыть тенденции их речевой стандартизации в исторической перспективе.

Грамматическая репрезентация категории темпоральности в войсковых документах разных жанров

Выделенный в предложенной жанровой модели параметр «время» соотносится с категорией текстового времени (темпоральности). Он определяется как неосновной, поскольку обусловлен другими параметрами. Время является реальным; дата создания и этапы движения документа, как правило, точно обозначены реквизитами. В центре внимания в статье находятся грамматические средства репрезентации темпоральности, к которым относятся грамматические формы глагола и некоторые сложные союзные синтаксические конструкции. Падежные и предложно-падежные формы не рассматриваются, поскольку они имеют лексико-синтаксический характер, выражая ту или иную семантику в зависимости от лексического наполнения.

Жанры документов различаются по функции, объему текстов, структуре (композиции, формуляру) и т. д. С точки зрения функции выделяются документы распорядительные, информирующие, учетно-регистрационные и др. Они различаются по нескольким критериям, в том числе по наличию нарративного компонента и, если так можно сказать, степени нарративности.

Понимание нарратива в науке разнится, однако традиционно он трактуется как повествование, как текст, представляющий определенную последовательность событий [13: 86–87; 14], предполагается их временная организация, проявляющаяся в структуре предложений. В информирующих и распорядительных документах XVIII в. нарративный компонент занимает значительное место, следствием чего является объемность, развернутость текста с соответствующими синтаксическими чертами. В учетных документах связный текст, как правило, представлен одним – двумя предложениями. Этими различиями обусловлена последовательность дальнейшего описания документов.

А. Грамматическая репрезентация текстового времени в распорядительных и информирующих документах

К документам, в которых содержится нарратив, относятся войсковые грамоты, доношения, рапорты, сказки, предложения, известия и др.

Войсковая грамота – основной распорядительный документ Войска Донского. Описание этого жанра представлено в ряде наших статей и обобщено в коллективной монографии [7: 23–92]. Текст грамоты состоит из двух композиционных частей: мотивирующей и распорядительной.

В мотивирующей части описываются события, сложившаяся ситуация, которые стали причиной принятия того или иного решения. Эта часть может быть разнообразной по содержанию, в ней могут использоваться спрягаемые и неспрягаемые глагольные формы в абсолютном и относительном употреблении. В распорядительной части содержится предписание исполнения адресатом необходимых действий. В соответствии с композицией документа выстраивается временная перспектива, что находит выражение в грамматике текста. Приведем пример.

*От донских атаманов и казаков...в Михайловскую станицу станицному атаману...и казакам ОБЯВЛЯЕМ; сего года октября 15го дня по поданному...подпоручика Василья Кареева...доношению; которым **объявил** якобы ево отважские крестьяне **живут** в вашей станице а **сошли** после указного времени 710 г(о) году...Смешкины...и **приговорили** мы Воиском Донским...**послать** к вам в станицу сию нашу войсковую грамоту в которой НАПИСАТЬ чтоб вы...ежели подлинно означенныя имянами...Смешкины **живутъ** в станице вашей то б вы их всех...**выслали** для допроса и следствия, к нам...чтоб **явитца** имъ zde сего ж года ноября 5го дня неотменно; и...вам...**ответствовать** к нам писмовно сколь давно у вас станице...Смешкины **живутъ** и откуль **пришли** и скасками о приходе ихъ на Дон в розыски **свидетельствованы** ль и*

те скаски в канцелярию воисковых дел **поданы** ль и ныне оные Смешкины в казачьих списках **написаны** ль и где в службе имянно **бывали** и какои же и ныне о приходе и о житии на Дону свидетельство **имеют** о том бы **привезли б** с собою к нам в Черкасской скаски; почему на поданное от означенного подпоручика Кареево доношение **учинено** от нас, **имеет быть** надлежащее...решение; и как вы...сию нашу воисковую грамоту **получите** и вам...**учинить** по вышеписанному непременно ПИСАНА в Черкасском 1735 года октября 20го дня¹ [1: д. 1, л. 3–3 об.].

В грамоте представлены разнообразные грамматические формы глагола (нулевую связку не отмечаем). Прописными буквами выделены словоформы наст. вр. в перформативной функции, инфинитива в значении, близком перформативному, которые вводят содержание каждой композиционной части, и форма страдат. прич. прош. вр., маркирующая факт создания документа. Они являются точкой отсчета, относительно которой остальные формы распределяются как обозначающие предшествующие, одновременные или последующие действия. Дата создания документа определяет эту точку на оси времени (дата, как реквизит, в большинстве документов указана).

Предшествующие события обозначены формами прош. вр. сов. вида в конкретно-фактическом значении (**объявил, сошли, приговорили, пришли** выражают перфектное значение), прош. вр. несов. вида в общефактическом значении (**бывали** называет действие, которое может трактоваться и как повторяющееся), страдат. прич. прош. вр. сов. вида (**свидетельствованы, поданы, написаны** выражают перфектное значение).

После формы **написать** время переключается в план будущего по отношению к точке отсчета и ведущими становятся формы независимого инфинитива (**явится, ответствовать, учинить**), сослагательного наклонения (**выслали б, привезли б**), обозначающие предписываемые действия. С ними соотносятся форма буд. вр. **получите** и словосочетание **имеет быть учинено**, где **быть учинено** называет должное действие как осуществимое в будущем, а **имеет** связывает наличие долженствования с настоящим (сочетание «имеет + инфинитив» восходит к древней форме буд. сложного I).

План настоящего представлен формами презенса **живут и имеют** в значении настоящего расширенного, которые соотносятся и с **объявил, приговорили**, и с **объявляем, написать, писана**, и с **получите** как называющие одновременные действия.

Все указанные словоформы в тексте выражают сложные временные отношения. Многие из них отмечены в относительном употреблении и вводятся в придаточных предложениях с различными союзными средствами: **объявил якобы...живут, сошли; написать чтоб...ежели живут...то б выслали; ответствовать...сколь давно...живуть, откуль пришли...свидетельствованы ль...поданы ль...написаны ль, где...бывали; как получите...учинить**. Словоформа **послать** предшествует словоформе **написать**, однако в реальности действие «послать» следует за действием «написать»; оно может восприниматься как само собой разумеющееся, не ключевое во временной организации повествования.

В разных грамотах набор форм варьируется в зависимости от содержания, однако в целом можно выделить общую рамку, в которую вписывается развертывание событий. Схему организации временного пространства можно представить следующим образом (здесь и далее в круглых скобках даны факультативные элементы):

объявляем – <описание предшествующих событий или существующего положения дел> – (**предлагаем/приговорили**) – <перечисление последующих и предписываемых действий> – **писана** <дата составления документа>

Темпоральная рамка задается формами глагола в перформативном употреблении (наст. вр., прош. вр. сов. вида в перфектном значении²), которые являются точками отсчета для временных форм в абсолютном употреблении; они совпадают со временем создания документа.

Для сравнения обратимся к **рапорту** – документу, информирующему о каких-либо событиях или состоянии дел:

Сего августа 15го дня...о знани нами...козака Григоря Полетаева пасынка ево Ивана Салавкова о котором...Тимофеи Устинов **свидетелствует** якобы онои Иванъ подлинно Палетаевъ казачей сынъ...на полном нашем станищном зборе мы **справлялис** при сем **явилас** что онои Иванъ...пасынонь...которого казачьим...реченьюи казакъ Устинов **называет** ложно и въ жителстве он Устинов у себе ево Ивана **держжал** до сего времени **не явя** нам станице и онаи Иван у нас в станицы **не родился** а где он **родился** и откуль и давно ль к нам в станицу **пришел** и какъ **взрос** того мы...**не знаем** також в прошлом 1751 м году...мы станицею ево Ивана для написания в козакки никогда **не представляли** а **представлял** ли ево

¹Тексты приводятся в упрощенной графике. Опускаются развернутые именные конструкции, не участвующие в выражении текстового времени.

²Возможность употребления перфекта в данной функции еще в древнерусских грамотах отмечалась А. А. Зализняком [15: 174–176].

бывшей нашъ атаман...мы про то **не знаем** и то онои Иванъ на нас **показалъ** ложно жъ и реченьная сестра ево Иванова Ирина **радилас** ли у нас в станицы или с Руси **сведена** и кто ее **крестил** про то мы...также **не знаемъ** а требуемых ево Ивановыхъ держатели...для дапросовъ к вашему благородию **представляем** а Ефтропъ Кумин и Трифон Калинин **находятца** ныне в службе...такожъ Киприян Шашурин...весь в ранах **находитца** :/ о сем покорнеиши РЕПОРТУЕТ...атаман Григорей Пековъ старики и вся станицы козаки :/ августа 18го дня 1753го году [1: д. 9, л. 9–10].

В рапорте употреблена форма наст. вр. в перформативной функции *репортует*; по времени действие совпадает с датой составления документа, которая является точкой отсчета. Все остальные действия выражают планы прошлого (*справлялис, явилас, держал, явя, родилс, пришел, взрос, представляли, представлял, показал, радилас, сведена, крестил*) и настоящего (*свидетелствует, называет, знаем, представляем, находятца, находитца*). В основном это формы наст. вр. (настоящее актуальное и расширенное), прош. вр. сов. и несов. вида (обозначают единичные и длительные действия) в абсолютном и относительном употреблении. Схему текстового времени можно представить следующим образом:

<описание предшествующих событий или существующего положения дел> – **репортуем / репортуют** – <дата составления документа>

По содержанию и функции к рапортам приближаются **сказки** – документы, в которых фиксировались свидетельские показания по следственным делам.

Сказки состоят из трех композиционных частей. Первая включает сведения об обстоятельствах допроса: когда, кто, при каких условиях, на основании каких полномочий проводил допрос, кто был допрошен; вторая – сведения по делу; третья – указание на адресанта, подтверждение достоверности сведений, подпись. Например:

1749 году февраля 26 дня...станщиною атаман...при собрани полного станичного збору козаковъ **допрашивал**...козаковъ, Ефима Усова Ивана Саранина...про живуущаго в Луковской станицы Селивана Василева которые под темъ обезательством СКАЗАЛИ что отецъ ево Василей Милованов **был** козакъ и козацки службы...**производил** а онъ Селиванъ доподлинно козацки сынъ а отецъ ево **умре** там, назатъ восмнатцать летъ и какъ мать ево Селиванова...**сшед** к намъ в Михайловскую станицу...где ево Селивана и **родила** и по прошествию трех летъ **свела** мать ево Селивана в показанную Луковскую станицу...а ежели мы...всеи своеи скаскои сказали что ложно и впредь кемъ **изобличины будемъ** в такомъ случае **повинны будемъ** как...указы **повелевают** смертнои казни в чемъ сию СКАСКУ ДАЛИ

под которою вместо себя и подписатца ПРОСИЛИ а сию сказку ПИСАЛ...станщиною писарь Иванъ Вешняковъ [1: д. 5, л. 5–5 об.].

В сказке употреблены формы прош. вр. сов. вида *сказали* и (сказку) *дали* в перфектном значении и несов. вида *писал* (действие *просили* второстепенное, входит в процедуру написания документа по устным речам), сближающиеся с перформативом. По времени действия они совпадают с датой проведения допроса (она, видимо, является и датой составления документа). Таким образом, обозначения временной точки отсчета в начале и в конце документа создают темпоральную рамку, внутри которой используются формы прош. вр. (включая архаичный аорист *умре* как устойчивый оборот) для указания на события, предшествующие времени создания документа, формы наст. вр. – на существующее положение дел, буд. вр. – на возможные последствия за дачу ложных показаний. Схему развертывания текстового времени можно представить таким образом:

<дата составления документа> – (допрашивал) **сказали** <описание предшествующих событий и существующего положения дел> – (ежели *сказали*) – <возможные действия в будущем> – **скаску дали**

Рассмотренные документы содержат нарративный элемент, темпоральные отношения и репрезентация их грамматическими средствами разнообразны и сложны, однако обнаруживаются некоторые закономерности организации текстового времени.

Б. Грамматическая репрезентация текстового времени в учетно-регистрационных документах

Учетно-регистрационные документы не содержат нарратива. В качестве примера репрезентации текстового времени в них рассмотрим расписку и ведомость.

Расписка – удостоверительный документ, фиксирующий факт принятия чего-либо в свое распоряжение:

1753го году мая 10 дня в канцелярию Хоперской крепости присланные...колодники Никита Петров сынъ Кулешев...Селиверстъ Яковлевъ города Казлова однадворецъ чрезъ...козака Степана Серкова **приняты** [1: д. 8, л. 25].

Компоненты формуляра имеют жесткую последовательность и образуют одно предложение. Форма страдат. прич. прош. вр. сов. вида в перфектном значении *приняты* называет подтверждаемое действие как отдельный факт и соотносится с датой составления документа. Развертывания событий во временной перспективе не происходит, текстовое время

однопланово. Схема его организации следующая:

<дата совершения действия> – **принят**

Ведомость – учетный документ, содержащий перечень предметов, денежных средств, принятых или отданных в чье-либо распоряжение, регистрирующий факт этих действий:

1753го году марта 20го дня **принято** станишным атаманом Антоном Неменковым...денегъ 120 рублей :/ расход

марта 20го дня **отдано** козаку Тимофею Устинову...**заплачено** 5...**куплено**...железа 3 пудовъ 20 фунтовъ...**заплачено** денегъ...за семь стекол **заплачено** денегъ <...> [1: д. 8, л. 18–18 об.].

Текстовое время в этом документе организуется рядом отдельных действий, совершенных в прошлом и привязанных к определенной дате:

<дата совершения действия> – **принято / отдано / заплачено / куплено**

Можно предположить, что в реальности действия были совершены в определенной последовательности, однако это не эксплицировано в тексте специальными языковыми средствами. Все действия выражены формами страдат. прич. прош. вр. сов. вида, их лексическое наполнение однообразно.

Учетно-регистрационные документы из-за отсутствия в них нарратива характеризуются однообразием средств выражения темпоральности и, следовательно, большей по сравнению с распорядительными и информирующими документами стандартизованностью.

Заключение

Организация и грамматическое представление текстового времени в документах имеют сходство и различия, что определяется общими свойствами документного текста. Выражение темпоральности обусловлено жанром документа, в первую очередь функцией – информировать подробно о сложившейся ситуации, рассказать о событиях, предписать выполнение действий либо зарегистрировать единичный

факт как отдельное действие вне цепи других действий в рамках сложного события. Функция в некоторой степени определяет содержание и форму документа.

Тенденция к стандартизации документного текста проявляется в его структуре. Темпоральность же относится к содержательной стороне текста, которая по-своему реализуется в каждом документе. Однако и здесь наблюдается некоторая типизация, степень ее зависит от жанра документа.

Общим для документов является эксплицированность точки отсчета, относительно которой определяется время фиксируемых действий, событий. Это дата создания документа, с которой соотносится грамматическая форма наст. или прош. вр. сов. вида в перформативной функции, а также форма страдательного причастия прош. вр. сов. вида. Эти глагольные единицы часто связаны со структурой текста: могут входить в устойчивые выражения, образующие формуляр документа, и быть постоянными или обязательными.

Различия заключаются в том, что в текстах с нарративным элементом остальные формы соотносятся с этой точкой отсчета как абсолютные либо вступают во временные отношения между собой как относительные, что может реализоваться в соответствующих синтаксических конструкциях (сложных предложениях с придаточными времени, изъяснительными, условия и др.). Набор этих форм может варьироваться в зависимости от содержания документа (даже в пределах одного жанра), однако в целом в распорядительных документах (войсковой грамоте) представлены три временных плана – предшествующих, одновременных и последующих действий, в информирующих, как правило, два – предшествующих и одновременных (рапорт) или предшествующих и последующих (сказка). В ненарративных документах (расписка, ведомость) фиксируются единичные действия либо ряд единичных действий, которые слабо связаны между собой временными отношениями. Такие действия относятся к одному временному плану, грамматические средства их временной характеристики однообразны: чаще всего это одна грамматическая форма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фонд «Михайловский станичный атаман» // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 332. Оп. 1.
2. Трофимова О. В. Процесс формализации речевых жанров и становление жанров русского документа // Вестник Тюменского государственного университета. 2003. № 4. С. 150–153.
3. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Издательство Госу-

дарственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

4. Дементьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 252–262. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

5. Gorban O. A., Ilyinova E. Yu., Kosova M. V., Sheptukhina E. M. Cossack military charters of the mid18th century: Genre distinction // XLinguae Journal. 2017, June. Vol. 10, iss. 3. P. 123–136. <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.03.10>

6. Косова М. В. Динамика жанровых параметров региональных документов XVIII века // Текст в языке, речи, культуре: сб. науч. ст. Минск: РИВШ, 2017. С. 123–134.

7. Документы Войска Донского XVIII века: лингвистическое описание и тексты: монография / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова, И. А. Сафонова, Е. М. Шептухина; отв. ред. О. А. Горбань. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2020. 464 с.

8. Глухих Н. В. Деловой эпистолярный конец XVIII – начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2008. 169 с.

9. Русанова С. В. Морской устав 1720 г.: о функциональной обусловленности языковых средств // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2022. Т. 21, № 6. С. 90–101. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>

10. Качалкин А. Н. Содержательно-стилевые свойства деловых текстов XVII века // Русская речь. 2014. № 6. С. 69–76.

11. Киреева Е. З. Жанр как актуализатор текстовой модальности (на материале документов регионального законодательства) // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 25–38. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-25-38>

12. Зими́на А. В. Речевая организация документа в аспекте текстовых категорий // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала: сб. ст. ежегодной конференции / гл. ред. И. М. Нохрин. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2020. С. 161–168.

13. Шейгал Е. И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 86–93.

14. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

15. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

REFERENCES

1. Fond “Mikhailovskii stanichnyi ataman” [The Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman]. Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State Archive of Volgograd Region], f. 332, op. 1 (in Russian).

2. Trofimova O. V. The process of formalization of speech genres and the formation of genres of the Russian document. *Tyumen State University Herald*, 2003, no. 4, pp. 150–153 (in Russian).

3. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanyri rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

4. Dementyev V. V. “Questionnaire of a Speech Genre” of T. V. Shmeleva: Past, Present, Future (for the 30th

Anniversary of the Genre Model). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 252–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

5. Gorban O. A., Ilyinova E. Yu., Kosova M. V., Sheptukhina E. M. Cossack military charters of the mid 18th century: Genre distinction. *XLinguae Journal*, 2017, June, vol. 10, iss. 3, pp. 123–136. <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.03.10>

6. Kosova M. V. Dynamics of genre parameters of regional documents of the 18th century. In: *Tekst v iazyke, rechi, kul'ture: sb. nauch. st.* [Text in language, speech, culture: Coll. sci. arts]. Minsk, RIVSh Publ., 2017, pp. 123–134 (in Russian).

7. Dokumenty Voiska Donskogo XVIII veka: lingvisticheskoe opisanie i teksty: monografiia. Otv. red. O. A. Gorban' O. A., ed. Documents of the Don Army of the 18th century: linguistic description and texts]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2020. 464 p. (in Russian).

8. Glukhikh N. V. Delovoi epistolarii kontsa XVIII – nachala XIX v. na Yuzhnom Urale: lingvistika teksta [Business epistolary of the late 18th – early 19th centuries in the Southern Urals: Linguistics of the text]. Cheliabinsk, Poligraf-Master, 2008, 169 p. (in Russian).

9. Rusanova S. V. The Maritime charter of 1720: on the functional conditionality of language means. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2022, vol. 21, no. 6, pp. 90–101 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>

10. Kachalkin A. N. Content and style properties of business texts of the 17th century. *Russian Speech*, 2014, no. 6, pp. 69–76 (in Russian).

11. Kireeva E. Z. Genre as a textual modality actualizer (on the basis of regional legislation documents). *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 25–38 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-25-38>

12. Zimina A. V. Speech organization of the document in the aspect of text categories. In: *Gumanitarnye issledovaniia molodykh uchenykh Iuzhnogo Urala: sb. st. ezhegodnoi konferentsii. Gl. red. I. M. Nokhrin* [Nokhrin I. M., ch. ed. Humanitarian studies of young scientists of the Southern Urals: Coll. sci. arts of the annual conference]. Cheliabinsk, Cheliabinski State University Publ., 2020, pp. 161–168 (in Russian).

13. Sheigal E. I. A multifaceted narrative. *Political Linguistics*, 2007, iss. 2 (22), pp. 86–93 (in Russian).

14. Shmid V. Narratologiya [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. 312 p. (in Russian).

15. Zalizniak A. A. Drevnenovgorodskii dialekt [The Ancient Novgorod dialect]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 872 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 23.12.2022
The article was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 23.12.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 337–348

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 337–348

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-337-348>, EDN: VDURBA

Научная статья

УДК [811.161.1'373.612.2'38'42:327]+929Лавров

Эмотивная метафорика в жанрах дипломатического дискурса: динамический аспект (на материале текстов пресс-конференций и интервью министра иностранных дел С. В. Лаврова 2023 года)

Л. В. Балашова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, balashova53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7009>

Аннотация. Статья посвящена анализу эмотивной метафорики, используемой Министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым в жанрах интервью и пресс-конференций 2023 г., и является продолжением проведенного ранее аналогичного исследования по материалам 2022 г. Актуальность темы обусловлена тем, что данные жанры дипломатического дискурса, совмещая свойства статусно-ролевой и относительно личностной коммуникации, позволяют выявить специфику употребления эмотивных образных средств в достижении главной цели дипломатии – в утверждении курса внешней политики страны в условиях последовательной эскалации «гибридной» (в том числе информационной) войны «коллективного Запада» против РФ в 2023 г. Цель работы – выявить специфику функционирования эмотивных переносов, используемых С. В. Лавровым в исследуемых текстах, в динамическом аспекте (в сравнении с аналогичными переносами в 2022 г.). Материалом исследования послужили 46 стенограмм данной жанровой принадлежности, опубликованных с 01.01.23 по 06.06.23 на официальном сайте mid.ru (mid.ru/ru/press_service/minister_speeches). На основе комплексной методики семантического, дискурсивного, лингвокогнитивного анализа установлено, что в 2023 г., как и в 2022 г., министр регулярно использует эмотивные метафоры с целью акцентировать внимание на наиболее острых и значимых, с государственной точки зрения, проблемах международных отношений (эскалация напряженности в мире, «гибридная» война против России, главным источником которых является агрессивная политика «коллективного» Запада), а также выразить отношение к ним (в статусно-ролевом и личностном аспектах). Для решения этих задач С. В. Лавров не только продолжает систематично использовать сниженные, «недипломатические» переносы («вульгаризмы»), но и более активно привлекает книжно ориентированные («риторические») метафоры. Наиболее полно когнитивная и прагматическая функции эмотивной метафорики, как и в 2022 г., реализуются в системе концептуальных моделей, состав, структура которых и основные тенденции в развитии в 2023 г. напрямую связаны с решением актуальных политико-идеологических задач.

Ключевые слова: жанры интервью, пресс-конференции Министра иностранных дел РФ, экспрессивно-оценочные концептуальные метафоры

Для цитирования: Балашова Л. В. Эмотивная метафорика в жанрах дипломатического дискурса: динамический аспект (на материале текстов пресс-конференций и интервью министра иностранных дел С. В. Лаврова 2023 года) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 337–348. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-337-348>, EDN: VDURBA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Emotive metaphors in the genres of diplomatic discourse: A dynamic aspect (based on the texts of the press conference and interview of Russian foreign minister Sergey Lavrov in 2023)

L. V. Balashova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Lyubov V. Balashova, balashova53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7009>

© Балашова Л. В., 2023

Abstract. The article presents the analysis of emotive metaphors used by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov in the genres of interview and press conference in 2023. The research is a continuation of an earlier similar study based on the materials of 2022. The relevance of the topic is determined by the fact that these genres of diplomatic discourse, combining the properties of status-role and relatively personal communication, allow us to identify the aspects of the use of emotive figurative means in achieving the main goal of diplomacy – in approving the course of the country's foreign policy in the context of a consistent escalation of the “hybrid” (including informational) war of the “collective West” against the Russian Federation in 2023. The purpose of the study is to identify the functional aspects of emotive transfers used by S. V. Lavrov in the studied texts in the dynamic aspect (in comparison with similar transfers in 2022). The research is based on 46 transcripts of the two genres, published from 01.01.23 to 06.06.23 on the official website mid.ru (mid.ru/ru/press_service/minister_speeches). Based on the complex methodology of semantic, discursive, linguocognitive analysis, it was found that in 2023, as in 2022, the Minister regularly uses emotive metaphors in order to draw attention to the most acute and significant, from the state point of view, problems of international relations (escalation of tension in the world, “hybrid” war against Russia, the main source of which is the aggressive policy of the “collective” West), as well as to express the attitude towards them (in status-role and personal aspects). To solve these problems, S. V. Lavrov not only continues to systematically use reduced, “undiplomatic” hyphenations (“vulgarisms”), but also more actively attracts book-oriented (“rhetorical”) metaphors. The cognitive and pragmatic functions of emotive metaphors are most fully realized, as in 2022, in a system of conceptual models, the composition, structure of which and the main trends in development in 2023 are directly related to the solution of topical political and ideological problems.

Keywords: genres of interview, press conference of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, expressive and evaluative conceptual metaphors

For citation: Balashova L. V. Emotive metaphors in the genres of diplomatic discourse: A dynamic aspect (based on the texts of the press conference and interview of Russian foreign minister Sergey Lavrov in 2023). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 337–348 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-337-348>, EDN: VDURBA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Данная статья является продолжением исследования эмотивной метафорики (включая фразеологизмы, формируемые на базе таких переносов) [1–3] в жанрах интервью и пресс-конференций Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова после начала специальной военной операции (с 24.02.22 по 01.07.22) [4]. Объектом этой работы стали экспрессивные и эмоционально-оценочные метафоры, зафиксированные в его выступлениях той же жанровой принадлежности год спустя (с 01.01.23 по 06.06.23). Актуальность темы обусловлена следующим. Во-первых, особый статус жанров дипломатического дискурса, совмещающих в себе свойства статусно-ролевой и относительно личностной коммуникации [5–8], позволяет выявить специфику использования образных средств в достижении главной цели дипломатии – в утверждении «курса внешней политики страны и ее проведении в жизнь мирными средствами», в «защите интересов государства и его граждан» [9: 15–16]. Во-вторых, когнитивная и прагматическая значимость эмотивных метафор в речи министра в 2023 г. усиливается в связи с изменением внешнеполитической обстановки – в условиях последовательной эскалации «гибридной» (в том числе инфор-

мационной) войны «коллективного Запада» (далее КЗ) против РФ: «Сегодня США и их сателлиты осуществляют против нас ... всеохватную гибридную войну, используя в качестве тарана украинских национал-радикалов. Цель этой войны не скрывается: это не только нанести поражение нашей стране на поле боя, разрушив российскую экономику, но и окружить нас санитарным кордоном, превратить в некое подобие страны-изгоя» (С. В. Лавров. 15.02.2023). Цель работы – выявить специфику функционирования эмотивных переносов в текстах интервью и пресс-конференций Министра иностранных дел РФ в 2023 г. в динамическом аспекте (в сравнении с аналогичными переносами в 2022 г.). Материалом исследования послужили 46 стенограмм данной жанровой принадлежности, опубликованных с 01.01.23 по 06.06.23 на официальном сайте mid.ru (mid.ru/ru/press_service/minister_speeches). Методологической базой исследования стало широкое понимание метафоры [10–12] как модели смыслопроизводства, формирования и продуцирования картины мира этноса в целом, а также конкретных участников коммуникации в конкретной коммуникативной ситуации. При анализе применяется комплексная методика системного семантического, функци-

онально-стилистического, дискурсивного и когнитивного анализа языковых явлений.

1. Основная часть

1.1. Общая характеристика исследуемого материала

Как показал анализ, С. В. Лавров в 2023 г., как и в 2022 г., активно использует метафоры, причем среди них по-прежнему преобладают языковые общеупотребительные нейтральные генетические и живые переносы. Однако не менее регулярно министр употребляет **эмотивные** метафоры, усиливающие политико-публицистическую составляющую его речи. Нами зафиксировано 490 употреблений таких переносов, из которых 224 – ориентированы на книжный тип литературного языка, формально оставаясь в рамках «дипломатических» (мы условно обозначили их как «риторические»), а 266 – относятся к сниженным (разговорным, просторечным, сленговым) и формально выходят за рамки институциональных (мы условно обозначили их как «недипломатические», или «вульгаризмы» (ср.: *Запад решил в очередной раз сделать для России угрозу, пестуя нацистскую теорию и практику*. 28.03.2023¹; *Запад ... продолжает свой неправомерный «наезд» (извините за это слово) на всех и вся*. 02.03.2023).

Более активно по сравнению с 2022 г. С. В. Лавров прибегает к **оказиональным, речевым, развернутым метафорам, трансформированным идиомам**, которые акцентируют внимание на наиболее значимых для министра аспектах описываемых ситуаций и усиливают личностно-оценочную составляющую его речи (ср.: *События в Грузии «оркестрируются» извне*. 10.03.2023; *Россия ... ускорила [расширение НАТО], так видится с Вашей «колокольни»*. У нас тоже есть свои «колокольни». 26.04.2023; *Устав ООН ... нельзя исполнять выборочно. Это не меню, откуда можно выбирать*. 02.03.2023; *Россия отказалась следовать толстовскому принципу о непротивлении злу насилем и решила на Украине вторую «щеку» не подставлять*. 15.02.2023; *Но никто и пальцем не пошевелил (ни мизинцем, ни средним пальцем), когда на Украине полностью отменили русский язык*. 03.03.2023).

В ряде случаев основой для развертывания метафор становятся переносы, зафиксированные в речи политических оппонентов России, представителей КЗ. Таким способом

С. В. Лавров подчеркивает несостоятельность позиции идеологических противников (ср.: *У них [США] даже есть выражение «плавильный котел». Всех бросали в него. Оттуда все выходили, как им казалось, одинаковыми. ... После революции Советский Союз ... никогда не бросал в общий «плавильный котел» присоединившиеся или присоединенные народы. Наша страна всегда сохраняла ... их этническую и историческую идентичность*. 12.02.2023; *Американцы (как они «переплавили» всех тех, кто «понаехал» в Америку в свое время через «плавильный котел»), так же хотят всех остальных «переплавить», чтобы все были по сути дела американцами*. 02.02.2023). Воздействующий эффект развертывания подобных метафор усиливается за счет использования этого приема в конкретных ситуациях. Так, на пресс-конференциях после переговоров с представителями стран Африки С. В. Лавров неоднократно возвращается к «расистской», по определению министра, цитате из речи Верховного представителя Европейского союза (ЕС) по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля (ср.: *[Ж. Боррель] не умеет скрывать расистской сущности своего видения мира. ... Он публично, не стесняясь, рассказывал, что Европа – это «цветущий сад», он, стало быть, садовник. Европу окружают «джунгли», из которых протекают угрозы для «цветущего сада», поэтому «цветущий сад» должен быть аккуратнее с «джунглями» и оберегать свое благополучие от их негативного влияния*. 07.02.2023; *Ж. Боррель уже говорил, что в Европе «цветущий сад», а все остальное «джунгли», от которых нужно отгораживаться*. 23.01.2023; *[Ж. Боррель] покинул «цветущий сад» и отправился в то, что он называет «джунглями» [о визите в ЮАР]*. 09.02.2023; *А. Гутерреш должен в силу своего мандата представлять все международное сообщество, а не ... выступать хранителем, как выразился Ж. Боррель, «райского сада, окруженного джунглями»*. 09.06.2023).

В целом **ситуации**, при описании которых Министр иностранных дел РФ регулярно использует эмотивные метафоры, отражают общую эскалацию напряженности в международных отношениях в 2023 г.

Абсолютное большинство таких переносов по-прежнему сосредоточено на негативной оценке агрессивной по сути политики КЗ по отношению к России и другим госу-

¹Для сокращения объема статьи при цитировании исследуемых текстов указывается только дата данного документа.

дарствам мирового сообщества, основанной на идеологии «однополярного» мира, а также на неравноправных, во многом конфликтных отношениях США со своими союзниками и Украиной (ср.: [США] сразу же стали сколачивать вместе со своими сателлитами группу стран, которых они рассчитывают заставить проголосовать против нашей резолюции. 23.03.2023; Вашингтон науськивает своих европейских сателлитов на Российскую Федерацию, считая, что ему все сойдет с рук. 26.05.2023; В альянсе [НАТО] «палочная дисциплина». 17.05.2023; Все бремя этой поддержки (экономической, финансовой) [Украины – по требованию США] легло на плечи Евросоюза. О какой-то дружбе говорить сложно. 12.02.2023; Запад категорически требует от В. А. Зеленского продолжать бросать украинских бойцов в «топку» развязанной против нас войны. 02.03.2023).

Вместе с тем в 2023 г. возрастает доля экспрессивных и эмоционально-оценочных переносов, позитивно характеризующих стремление стран мирового сообщества проводить независимую от КЗ политику, основанную на идеологии «многополярного» мира и учете собственных интересов. Примечательно, что такого рода ситуации, отражая реальную обстановку в современном мире, регулярно включены в контексты с отрицанием, модально-оценочными показателями, подчеркивающими противодействие государств возрастающему диктату со стороны КЗ (ср.: В России есть устойчивое словосочетание – **«не на того напали»**. Алжирцы – **не тот народ**, которому **можно** что-то «диктовать», ожидая, что «по щелчку пальцев» из-за океана он будет послушно выполнять указания, напрямую противоречащие его национальным интересам. 01.02.2023; [Алжир] выстраивает свою политику, не опираясь на закулисные договоренности с теми, кто сулит «пряники», а на самом деле пытается лишь ущемлять законные интересы своих «партнеров». 01.02.2023; **Нет, ни в коем случае нельзя** пускать все это на самотек. Считаю, что было бы предательством по отношению к нашей культуре, к участию в развитии мира. 15.02.2023; **Жертвовать коренными интересами** ради Вашингтона и его **прихвостней**, таскать «каштанов из огня» для бывших колониальных метрополий **желающих все меньше**. 04.04.2023; У нас [с Белоруссией] **нет** диктата, палочной дисциплины. 15.02.2023; Все больше и больше стран начинают понимать, что играть в игру Запада и слепо следовать в его фар-

ватере может быть на каком-то этапе опасно для них самих. 30.03.2023).

Описываемые министром ситуации и их оценка непосредственно коррелируют с используемым типом экспрессивных метафор («риторизмов» или «вульгаризмов»).

1.2. «Риторические» эмотивные метафоры

Как отмечалось, в исследуемых текстах зафиксировано 224 употребления «риторических» экспрессивных и эмоционально-оценочных переносов, что указывает на усиление их роли в трансляции позиции Российского государства и его представителя, Министра иностранных дел РФ, по актуальным международным проблемам (ср.: Никакие усилия ООН не способствовали тому, чтобы Евросоюз и США сняли препоны на пути нашего экспорта 23.01.2023; Второй проблемой является полный паралич работы того самого органа по разрешению споров в ВТО. 15.02.2023; Наутро эти гарантии растоптали, и к власти пришел откровенно нацистский режим, включая партию «Свобода». 02.02.2023; Запад заставляет всех только об этом [о своем мандате] и говорить. Нечистоплотны, конечно. 02.03.2023).

Многие «риторизмы» можно отнести к публицистическим штампам, но от этого они не утрачивают своей экспрессии и воздействующей силы: Его [КЗ] приверженность исключительно варварской, звериной «формуле В. А. Зеленского» означает, что они готовы поддерживать геноцид. 29.05.2023; Этот кризис [на Украине] как гнойник вызревал при прямом потакательстве со стороны [КЗ]. 23.01.2023 (ср. использование этих клише в публицистике: [Надо] ликвидировать опасный гнойник в сердце Европы. Д. Уманский. Изнанка блистательных улыбок // «Огонек». № 11, 1959; Крымский прецедент стал возможен только после того, как открылся украинский гнойник, много лет набухавший под самым носом... . О. Бондаренко. Жизнь после Крыма // Московский комсомолец, 2016.03; Ещё не забыты их варварские обработки вьетнамских джунглей дефолиантами. Э. Геворкян. «Птицы-2» – не по Хичкоку // «Наука и религия», 2011; Капитализм – это звериное общество. А. Андреев. Будущее принадлежит нам! // «Завтра», 22.08.2003).

Примечательно, что министр активно использует патетику советского периода (ср.: Все больше и больше стран начинают понимать, что играть в игру Запада и слепо следовать в его фарватере может быть на каком-то этапе опасно для них самих.

С. В. Лавров. 30.03.2023. – Они совершенно прозрачно намекают, что ЦК КПСС, идя «в фарватере политики югославских ревизионистов», стремится ликвидировать социалистический лагерь». Р. Г. Назиров. Дневниковые записи; 1963). Не менее показательно то, что делает он это осознанно (ср.: *Западная элита обнажила свою [агрессивную] сущность, которую долго скрывали под этими личинами. Это не возвращение к советской терминологии. Это убежденность, подтвержденная множеством фактов.* 15.02.2023). Можно даже выявить определенную закономерность в употреблении таких экспрессивных советских штампов.

С одной стороны, с их помощью С. В. Лавров акцентирует внимание на негативной оценке агрессивной политики «коллективного Запада» и киевского режима. Не случайно наиболее востребованными в речи министра оказываются советские идеологические штампы эпохи холодной войны, а также Великой Отечественной войны; например:

- Судя по такому милитаристскому хору голосов, которые все громче звучат на Западе..., путь к миру лежит через вооружение Украины «до зубов». С. В. Лавров. 09.02.2023. – Мы разгромили на Курской дуге огромнейшую армию гитлеровцев, вооруженную до зубов самым современным оружием. Н. Хрущев. Воспоминания; 1971; Мне хотелось, чтобы ответ «Хору зачинщиков войны» был поострее. С. Маршак. Письма; 1950–1964;
- Наша дипломатия будет делать всё, чтобы ... приуроченные к годовщине начала специальной военной операции антироссийские «шабаши» в Нью-Йорке и на других площадках..., не оказались единственными мероприятиями, которые будут привлекать внимание мирового сообщества. С. В. Лавров. 02.02.2023. – Проводить их готовятся как шумные антикоммунистические шабаши, тесно увязав их с попыткой создания новой международной демократической – понятно, в западном понимании демократической – организации молодежи. В. Аксенов. Ждем тебя, форум юности! // «Студенческий меридиан», 1984;
- Сейчас В. А. Зеленский, его камарилья при поддержке Европы, США и в целом «коллективного Запада» требуют возвращения территорий, определявших границы Украины в 1991 г. С. В. Лавров. 28.03.2023. – Он мучительно хотел порвать с окружавшей его камарильей авантюристов и начать ... борьбу за сво-

боду Испании. Р. Кармен. Но пасаран! 1972;

- Видим в этом попытку [КЗ] ... вбить клин в дружбу между Москвой и Пекином. 04.04.2023. – У США был план в конце года: вбить клин между СССР и Германией. Р. Назиров. Дневниковые записи, 1957.

С другой стороны, с помощью советских патетических клише С. В. Лавров подчеркивает преемственность политики российского руководства в отношении тех государств, с которыми СССР поддерживал дружественные отношения (ср.: *Новая редакция Концепции внешней политики России предполагает существенное повышение внимания к Латинской Америке. ... С приоритетным отношением к нашим давним стратегическим партнёрам, среди которых близкая нашему сердцу Куба.* 20.04.2023; *В поездках по Африке ... убеждаюсь в том, насколько глубоко и хорошо не только старшие поколения, но их дети и внуки (воспитаны были правильно) помнят о дружбе, предоставившей возможность их странам «сбросить» иго колониализма, стать независимыми.* 12.02.2023; *Состоявшийся 20–22 марта с.г. государственный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию... – важная веха в современной истории российско-китайских отношений.* 04.04.2023. Безусловно, у нас [руководителей дипломатических ведомств РФ и Китая] есть и чувство локтя, и готовность «плечом к плечу» выступать в защиту коренных интересов друг друга, осуществляя стратегическую координацию усилий на мировой арене. 04.04.2023).

В целом «риторические» метафоры в речи С. В. Лаврова выполняют несколько функций.

Во-первых, с их помощью министр резко негативно оценивает агрессивную и деструктивную политику США и КЗ в целом; нацистскую и милитаристскую сущность киевского режима (ср.: *Запад сам отвернулся [от России], наступив на горло своим интересам.* 17.05.2023; *Канцлер ФРГ А. Меркель сказала, еще в 2015 г., когда были подписаны Минские соглашения, никто их не собирался выполнять. Если не признать, что именно тогда были посеяны зерна кризиса, значит быть политиком, отказывающимся видеть правду.* 02.02.2023; *Все эти принципы были поруганы и отброшены нынешней американской Администрацией.* 28.03.2023). Для усиления воздействующей функции «риторизмов» регулярно используется прием развертывания метафор (ср.: *Его [В. А. Зеленского] совет тем, кто ... ощущает себя сопричастным русской культуре..., убираться в Россию. ... Кто-нибудь не увидел здесь не то что*

«ростки», а «махровый цвет» нацизма? Никто. 02.02.2023; Если именно в этом Запад видит ценности, которые сейчас защищает режим В. А. Зеленского, – называйте это «занавесом». Железный, не железный. Этот занавес может уже упал, может им уже что-то «прищемил». Это будет их проблема. 17.05.2023).

Во-вторых, «риторизмы» с изначально позитивной оценкой могут включаться в иронические контексты, что влечет за собой изменение их оценочной составляющей на противоположную. Такого рода употребления регулярно характеризуют властную верхушку современной Украины и «коллективного Запада» (ср.: Эти [колониальные и расистские] оценки и этот менталитет регулярно пробиваются у тех или иных западных ораторов, постоянно твердящих о том, что они «свот демократии». 23.01.2023; Этот «лидер всемирной демократии» [В. А. Зеленский] как-то сказал, что если кто-то на Украине ощущает себя частью русской культуры, его совет, ради будущего их детей и внуков они должны убираться в Россию. 26.04.2023).

Таким образом, риторические метафоры в жанрах пресс-конференции и интервью 2023 г. Министр иностранных дел РФ употребляет исключительно для того, чтобы четко обозначить государственную и его личную позицию по тому или иному вопросу международных отношений, прямо указать на их оценку и усилить воздействие на адресата. Примечательно, что ни разу не было зафиксировано использования риторизмов в эвфемистической, «смягчительной» функциях, столь типичных для дипломатического дискурса в целом.

1.3. «Недипломатические» эмотивные метафоры

Характерной особенностью исследуемых текстов пресс-конференций и интервью С. В. Лаврова, как и текстов 2022 г., является наличие большого числа экспрессивных метафор из сниженного «спектра» лексико-семантической системы («вульгаризмов») – 256 употреблений.

В частности, министр продолжает активно пользоваться метафорами из «пограничной» зоны между институциональными и не институциональными, причем часть из них были представлены уже в 2022 г. – при характеристике тех же или аналогичных ситуаций:

- языковые и речевые литературные разговорные (без явного сниженного оттенка) оценочные метафоры (ср.: Разве это дипломатия? ... Это полное непонимание ... той реальности, сложившейся

и закрепляющейся на земле. 17.05.2023; Параллельно расширяется сеть НПО..., которые в целом ряде стран постсоветского пространства чувствуют себя всё более вольготно и даже пытаются «заказывать музыку». 17.05.2023; [П. А. Порошенко, А. Меркель, Ф. Олланд] прямо заявили, что им нужно было выиграть время, чтобы «накачать» Украину оружием. 07.04.2023;

- экспрессивные языковые и речевые разговорные метафоры с личностной оценкой характеризуемых ситуаций (ср.: Когда в современных условиях угрожают Китаю, это не укладывается в голове. У наших западных коллег сильно испортились манеры. 02.03.2023; Но как только начинается разговор о демократии на международной арене, то западники сразу «уходят в кусты». 12.02.2023; Индию [США] «обхаживают» со всех сторон. В ней видят противовес Китаю. 10.03.2023).

Более того, С. В. Лавров расширяет состав такого рода переносов, усиливая экспрессивную составляющую своей речи (ср.: Но каждый такой случай обязательно используется для ... постоянных «причитаний», «какие плохие русские». 23.01.2023; «Украинская сделка» худо-бедно выполняется. ... Есть проблема с фрахтом, со страховкой. А. Гутерреш ... обозначил эти проблемы. ... Но «воз и ныне там». 23.01.2023; Есть решение Правительства России о гармонизации всех наших подходов, чтобы мы «не били растопыренной пятернёй». 15.02.2023; При формировании [США] они хотели, чтобы все были одинаковы – «всех под одну гребёнку». 12.02.2023; Наша дипломатия естественно обращала ... внимание соответствующих органов ООН, ОБСЕ и (печальной памяти) Совета Европы [на русофобские высказывания В. А. Зеленского]. Нигде Запад не пошевелил пальцем, чтобы хотя бы угрожать своему подопечному и его режиму. 02.02.2023; Мы реагируем на любые новые «выкрутасы» тех, кто хотел бы исказить картину реального. 02.02.2023).

Достаточно активно в 2023 г. министр продолжает использовать собственно «вульгаризмы» (просторечные, сленговые переносы), а также образованные на их основе окказиональные, развернутые метафоры, причем и здесь обнаруживаются единицы, зафиксированные уже в текстах 2022 г. (ср.: Это всё, что с 1999 г. было подписано в ОБСЕ. Потом на это наплевали. 10.03.2023; Очевидно, что Запад думает о текущей ситуации. Украину используют как расходный матери-

ал. 14.04.2023; [А. Г. Лукашенко] прекрасно видит не просто бессмысленность, а откровенную провокационность такого рода «заходов». 02.02.2023; Среди решений будет ряд проектов, посвящённых повышению нашей общей технологической независимости от «беспредела», который творит Запад. 14.04.2023). Как и в 2022 г., основная цель таких переносов – усилить экспрессию речи и эмоциональную оценку (институционально и личностно ориентированную) характеризующих социально-экономических и политических процессов.

Ту же функцию выполняют новые разнообразнейшие «недипломатические» метафоры (ср.: [Дипломаты некоторых стран из Африки, Латинской Америки] жалуются на то, что Запад просто их «достал» (по-русски говоря), требуя присоединиться к санкциям. 17.05.2023; [На переговорах в Турции в конце марта 2022 г.] украинская сторона получила сигналы из Вашингтона, Лондона, Брюсселя. ... Говорили, что, если русские согласились на переговоры, значит они чувствуют слабость, и их надо «дожимать». 23.01.2023; Дружба между странами, национальное примирение между ними, как это произошло между русскими и немцами, стало «костью в горле» тем..., кто будет конкурировать с главным гегемоном, каковым объявили себя США. 12.02.2023; То, что сделал Киев, «забавно». Показывает «креативность» руководителей киевского режима. Они «способные» люди. Это даже не «двухходовка». 02.02.2023; [О позиции КЗ и киевского режима по отношению к РФ]: Еще один момент, поскольку надо окончательно «разобраться с Россией». ... Пусть не в газовых камерах, но сделать так, чтобы Россия прекратила существование как великая держава, отодвинуть ее на задворки, разрушить экономику. 02.02.2023; Наши следующие действия будут направлены на то, чтобы не давать этим национальным расследованиям [подрыва «Северных потоков»] и тем, кто клятвенно заявлял, что их будет достаточно для установления истины, «соскочить с крючка». 30.03.2023).

Вместе с тем новые, не зафиксированные в 2022 г. «недипломатические» метафоры не приобретают той регулярности, что была свойственна некоторым переносам 2022 г. Главным же представляется то, что новые и «старые» переносы, «дипломатические» и «недипломатические» выполняют как прагматическую, так и когнитивную функции, и имеют тенденцию к формированию концептуальных метафорических моделей.

1.4. Концептуальные модели метафоризации, в репрезентации которых активно используются эмотивные переносы

Анализ показывает, что в ответах на вопросы журналистов в 2023 г. С. В. Лавров по-прежнему придает большое значение не только экспрессивно-оценочной, но и «смыслообразующей» функции метафор. При этом, как и в 2022 г., все типы переносов образуют единые подсистемы, позиционирующие взгляд Министра иностранных дел РФ на тот или иной аспект международных отношений, где эмотивные метафоры выполняют различные функции, прежде всего – быть идеологическим, эмоционально-экспрессивным и оценочным центром в реализации когнитивных матриц.

Вместе с тем весьма показательным в динамическом аспекте является востребованность конкретных моделей метафоризации.

Так, в текстах 2023 г. активно развиваются три базовые концептуальные метафоры 2022 г.: пространственная модель целенаправленной деятельности; деструктивная и социально-иерархическая модели.

В частности, **пространственная модель целенаправленной деятельности** по-прежнему наиболее последовательно представлена двумя частями общей когнитивной матрицы, характеризующими безуспешность попыток КЗ сохранить гегемонию в мире и уничтожить суверенитет РФ.

В первой из них используются лексемы и фразеологизмы, первичные и буквальные значения которых указывают на невозможность свободно двигаться в избранном направлении, достичь избранной точки в пространстве. В текстах 2022 г. в этой функции наиболее последовательно употреблялись сочетания с субстантивом *тупик*. В 2023 г. значительно расширяется не только состав используемых метафор, но и вариативность отображенных во внутренней форме переносов ситуаций (ср.: [Проблема] заведена в тупик нашими западными коллегами. 26.04.2023; Насколько Запад осознает тупиковость своей нынешней линии? 02.03.2023; Санкции – путь в никуда. 14.04.2023; Запад..., как в печально известных сказках, с каждым шагом все больше «завязает» в известной субстанции (в болоте). 02.02.2023. Они [западные страны] уже потеряли ориентиры в том, что касается их действий. 21.03.2023; Они [западные страны] «рулят» не в том направлении и подрывают все то, что они сами же обязались выполнять. 02.02.2023; Эта геополитическая «инженерия» до добра не доводит.

26.04.2023; *И такое поведение [Вашингтона] до добра не доведёт*. 22.03.2023).

Во второй части данной модели непоступательное, беспорядочное перемещение в пространстве ассоциировалось с многочисленными визитами представителей КЗ в страны Азии, Африки и Латинской Америки с целью убедить их присоединиться к антироссийским санкциям. Для реализации этого варианта когнитивной матрицы в 2022 г. С. В. Лавров регулярно использовал глагол *бежать* – с частичной актуализацией и первичного ЛСВ глагола ('быстро перемещаться в различных направлениях, а также взад и вперед'). В 2023 г. состав метафоризируемых по тому же принципу лексем становится значительно разнообразнее, что усиливает экспрессивно-оценочную (ироническую и пренебрежительную) составляющую таких употреблений (ср.: *Если вы уважаете другие страны, то ... не бегайте и не угрожайте и не требуйте присоединиться к вашим оценкам*. 23.01.2023; *Западные коллеги с таким упорством (я бы сказал «нахрапом») гоняются по всему миру практически еженедельно, требуя осуждения Российской Федерации*. 09.02.2023; *Они [США и их союзники] «носятся» по всему миру, пытаясь убедить развивающиеся страны в необходимости осуждать Российскую Федерацию*. 09.02.2023; *США, руководители НАТО и Евросоюза колятся по всему миру и требуют осудить Россию*. 02.03.2023; *Ж. Боррель, министры европейских стран путешествуют по всему миру и говорят другим странам как себя вести – поддерживать санкции, голосовать, как им велят и т. д.* 03.03.2023).

Деструктивная модель по-прежнему остается одним из главных способов резкой негативной оценки деятельности США и их союзников, направленной на дестабилизацию международных отношений, на одностороннюю отмену достигнутых ранее соглашений, на уничтожение экономической, социально-политической стабильности в независимых от КЗ государствах и т. п. При этом С. В. Лавров не только продолжает активно использовать те лексемы, что фиксировались в 2022 г. (ср.: *разрушить, подорвать, разорвать, растоптать*), но и включает в свою речь новые экспрессивно-оценочные переносы различной функционально-стилистической принадлежности, причем многие из них используются неоднократно (ср.: *Условия безопасности РФ последовательно разрушались Западом*. 30.03.2023; *Инициатива, продвигаемая нашими американскими коллегами, ... – открыто нацелена на разрушение Восточноазиатского саммита*. 03.03.2023; *Все, что сейчас происходит, направлено ... на подрыв конкурентно-*

способности европейских стран и, очевидно, на разрушение экономических связей по линии Россия – ЕС. 03.03.2023; *Плохо бывает, когда кто-то из тех, кто может влиять на мировые процессы, решает не помогать отношениям дружбы, а подрывать ее перспективы и насаждать вражду*. 12.02.2023; *Западные коллеги всячески пытаются сломать их, подорвать полномочия СБ ООН*. 07.02.2023; *[Международный уголовный суд] используется для «подрыва» всех мыслимых норм международного права*. 21.03.2023; *Но их [принципы безопасности в Европе] Запад растоптал. ... Это всё, что с 1999 г. было подписано в ОБСЕ. Потом на это наплевали, растоптали и сказали, что это – «политические обязательства»*. 10.03.2023; *Эти политические обязательства Запад «растоптал»*. 29.05.2023; *Раскалывать мировое сообщество на «миллиард» и «семь миллиардов» неправильно*. 26.04.2023; *[Страны НАТО] взяли разбомбили страну [Ливию], которая сейчас «в клочьях»*. 26.04.2023; *Неприкосновенность собственности, презумпцию невиновности американцы и их союзники могут «разорвать» в одночасье, если им нужно кого-то наказать за «непослушание»*. 19.04.2023; *Все это [права русскоязычных граждан Украины] сейчас перечеркнуто и отдано на растерзание неонацистам, которые «правят бал» в Киеве. ... Мы не имеем никакого права оставить этих людей на растерзание нацистам и расистам*. 28.03.2023).

Весьма показательным в концептуальном плане становится развитие в 2023 г. **социально-иерархической модели**, которая сохраняет за собой функцию быть «основным способом выражения неравноправных отношений коллективного Запада с большинством развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, с Украиной, а также США – со странами ЕС и партнерами по НАТО» [4: 281]. С одной стороны, с этой целью продолжают регулярно использоваться такие риторизмы, как: *суверен, гегемон, хозяин, сателлит*; фиксируются и новые (ср.: *вассал*). Данные переносы приобретают статус практически терминологических, но экспрессивных обозначений определенных участников современных международных отношений (ср.: *Структуры будущего сотрудничества не будут зависеть от прихоти лишь одной группы стран, тем более одного суверена, как это происходит с США*. 01.02.2023; *Сегодня США и их натовские сателлиты сделали крайне рискованную ставку на дальнейшую эскалацию конфликта*. 04.04.2023; *Намерение Дании и Нидерландов быть в первых рядах тех, кто тренирует украинских пилотов...*

говорит о желании понравиться гегемону. 29.05.2023; США и их вассалы делают все возможное, чтобы добиться международной изоляции России. 04.04.2023; [Э. Макрон] ощущает себя вассалом Соединенных Штатов. Ему от этого неуютно. 17.05.2023). С другой стороны, в 2023 г. не зафиксирован целый ряд риторизмов и вульгаризмов, устойчиво функционировавших в 2022 г. (ср.: мальчик на побегушках, слуга, прислужник, старшие/младшие товарищи).

Вместе с тем стабильной остается используемая когнитивная матрица, сам принцип формирования переносов, что проявляется в достаточно последовательном употреблении С. В. Лавровым косвенных указаний на различные проявления неравноправных отношений и их принудительный характер: принудительный характер подчинения в авторитарных типах сообществ, использование специальных мер наказания и поощрения в них и т. п. (ср.: Многие правящие круги правительств недружественных государств действуют совсем не по своей воле или желанию, а исключительно из блоковой солидарности, «палочной дисциплины», утвердившейся в НАТО и Евросоюзе. ... Консенсус в Евросоюзе и в НАТО весьма специфический – «палочный». 15.02.2023; Возникают и серьезные нюансы в позиции некоторых членов НАТО – возьмите Турцию, Венгрию. Но там-то их заставляют следовать «линии партии», там реальная «палочная дисциплина». Этот консенсус – оксюморон, потому что решают там США. 17.05.2023; США искусственно блокируют назначение необходимого количества участников кворума. Так «простенько». Прямо как партийное собрание. 15.02.2023; Американцы просто блокируют назначение новых членов Органа на имеющиеся вакансии. ... Чисто бюрократический, в худшем смысле этого слова «советский партийный подход». 02.02.2023; США ... могут спокойно «наказать» тех, кто подвергает сомнению их право диктовать всем и вся свою волю. 22.03.2023; В любой момент эти принципы ... американцы и их союзники могут «разорвать» в одночасье, если им нужно кого-то наказать за «непослушание». 19.04.2023).

Наиболее экспрессивным и одновременно ироничным способом выражения «диктаторских» замашек США и их союзников становятся развернутые метафоры, в которых данные страны позиционируют себя высшей силой, Демиургом, которому подвластны все и вся (ср.: Достаточно серьезное открытое признание того, какие блага хочет нести Америка всем остальным. А она хочет привести всех в состояние, которое

будет понятно самим американцам, и будет формировать другие народы по своему образу и подобию, подавляя, как прямо было сказано, их историческую и этническую идентичность. 12.02.2023; Соединенные Штаты присвоили себе право определять, кто демократ, кто автократ, они еще в случае с саммитом с африканскими странами присвоили себе право определять географию Африканского континента. ... То есть Соединенные Штаты даже и здесь берут на себя функции (по большому счету) Господа Бога, создавшего нашу грешную землю. 22.03.2023).

Не менее показательным в концептуально-идеологическом аспекте оказывается состав тех метафорических моделей, что несколько снизили свою востребованность по сравнению с текстами 2022 г. Это прежде всего театральная модель; модели асоциального поведения и психического расстройства. Причины и проявления утраты прежней активности каждой из них разные.

В частности, театральная модель в 2022 г. регулярно использовалась при негативной и часто иронической характеристике действий киевского режима, возглавляемого бывшим членом команды КВН В. Зеленским. Обострение военного конфликта в 2023 г. делает такого рода переносы менее актуальными. Но сохраняет значимость та часть театральной матрицы, которая подчеркивает политическую несамостоятельность киевского режима, его зависимость от США, Евросоюза и НАТО, что сближает данный вариант модели с социально-иерархической (ср.: Это всё решается, конечно, не с В. А. Зеленским, который является марионеткой в руках Запада, а непосредственно с его хозяевами. 05.05.2023; Почему люди отказываются видеть нацистскую идеологию, которая сейчас лежит в основе киевского режима? Все заявления, которые звучат со стороны его «поклонников» и «кукловодов», не вижу возможности расценивать их иначе чем, как попытка окончательно решить русский вопрос. 02.02.2023; Вы же знаете, что один из главных «кукловодов», тех, кто поджуживает весь Запад на всё более открытую и серьезную поддержку Украины, – это Лондон. 31.05.2023).

В условиях резкой эскалации конфликта РФ с Украиной и «коллективным Западом» менее востребованными оказываются иронические переносы на базе модели психического расстройства, хотя эпизодически такие фиксируются и в 2023 г. – обычно при характеристике действий киевского режима (ср.: Мол, пусть Запад обеспечит Украине успешное контрнаступление и потом попросит её и Президента В. А. Зелен-

ского начать переговоры. Это шизофреническая логика. 26.04.2023). Примечательно, что театрально-иерархический вариант модели и модель психического расстройства могут контаминироваться в одном контексте (ср.: Есть, безусловно, маниакальное стремление Киева и тех, кто им «кукловодит» из, прежде всего, Евросоюза, ... ослабить наши связи с Гагаузией. 15.02.2023; Это [киевский режим] террористическое государство. Они сами себя «вводят» в это качество. Нисколько не сомневаюсь, что кукловоды, сидящие в Вашингтоне и в Лондоне, начинают задумываться о том, насколько эти люди адекватны. 27.05.2023).

Несколько иное положение в 2023 г. занимает **модель асоциального поведения**. Значительно сокращается число употреблений лексем, именующих противоправное присвоение чужой собственности, коррупцию (воровать, украсть, грабеж, подкуп и т. п.), которые использовались в основном при характеристике санкций по блокированию российских активов и методов воздействия КЗ на другие страны и международные организации. Но в целом такие переносы встречаются. Более того, эпизодически представлены новые, формируемые по тому же принципу речевые переносы, причем, как и в 2022 г., многие употребления фактически совмещают в себе метафорическое и прямое значения (ср.: Аресты наших государственных резервов, частных денег. ... Год прошёл. А они всё ломают голову, как же украсть так, чтобы подвести под какой-то закон. 15.02.2023; Объявление западными странами «потолка цен» на нефть – это не что иное, как воровство чужих природных ресурсов. 02.03.2023; Они [США, ЕС, НАТО] по большому счету занимаются тем, что я назвал бы «дипломатическим рейдерством»: пытаются «подмять» под себя трехсторонние договоренности между Россией, Арменией и Азербайджаном. 20.03.2023; ОЗХО давно приватизирована Западом через меры, принятые в грубейшее нарушение Конвенции о запрете химического оружия. 30.03.2023; Сейчас наблюдаем попытки убрать политические аспекты палестинского вопроса и сконцентрироваться на предложении каких-то экономических выгод для палестинцев. Судя по всему, это своего рода взятка. 26.04.2023; Вы начали интервью с того, что спросили: где западная дипломатия? Нет больше этой дипломатии. Есть прямой подкуп. 17.05.2023).

При характеристике политики диктата США и их союзников в международных отношениях в 2023 г. практически не используются такие экспрессивные сниженные метафоры

с компонентом 'физическое насилие', как: выкручивание рук, нравы Дикого Запада, право сильного и т. п. Вместе с тем эпизодически (в том числе и в иронических контекстах) С. В. Лавров употребляет обычно речевые метафоры из той же части когнитивной матрицы «асоциального поведения» (ср.: Американцы не дают этому органу работать уже много лет. Блокируют назначение лиц, необходимых для кворума. Такое элементарное, «мелкое хулиганство». 10.03.2023; Многие страны, чтобы отделаться от этих «домогательств» и «приставаний», на международных форумах соглашаются голосовать по западным правилам. 31.05.2023; Запад никогда не уважал этот принцип и продолжает свой неправомерный «наезд» (извините за это слово) на всех и вся. 02.03.2023; Мы знаем, какими нечистоплотными, буквально бандитскими методами часто добываются эти голоса. Знаем это прекрасно. Шантажируют всем: наличием банковских счетов в США и тем, что дети соответствующих послов, деятелей обучаются на Западе. Это нельзя назвать дипломатией. Это чистой воды шантаж ниже пояса. 30.03.2023; С тех пор произошло немало событий, раскрывающих подоплеку происходящего на Украине, включая «явку с повинной» трех подписантов Минских договоренностей (помимо Президента России В. В. Путина), которые устами бывшего канцлера ФРГ А. Меркель, бывшего Президента Франции Ф. Олланда и бывшего Президента Украины П. А. Порошенко прямо сказали, что они не собирались выполнять их. 02.03.2023).

Наконец, в речи Министра иностранных дел РФ в 2023 г. обнаруживается тенденция к регулярному использованию **милитаристской модели**, практически не представленной в текстах пресс-конференций и интервью 2022 г. С. В. Лавров прямо указывает на эскалацию агрессии против России со стороны КЗ, обозначая это термином «гибридная война». Возможно, именно этим обусловлено внимание к милитарным метафорам (ср.: Мы находимся в эпицентре геополитической битвы. 02.02.2023). Однако такого рода употребления не охватывают всех вариантов реализации данной когнитивной матрицы. Более того, они часто включены в состав развернутых речевых метафор с ироническим оттенком (ср.: Запад действительно для себя решил, что это война не на жизнь, а на смерть. Вот эта гибридная война, которую он задолго до прошлого года готовил сразу после госпереворота 2014 г., воспринимается как «это есть наш последний и решительный бой». Примерно так. У них есть свой запад-

ный «Интернационал». Можно посмотреть, как гимн под названием «Интернационал» отражает стремление Запада не уступить «ни пяди». Так они (по крайней мере) говорят. 10.03.2023; Буду цитировать его премьер-министра и министров, которые в ответ на беспрецедентное давление [со стороны КЗ] с требованием присоединиться к санкциям, открыть «второй фронт» (даже такая терминология пошла в ход), говорят, что они руководствуются своими национальными интересами. 02.02.2023; Были попытки втянуть грузинское руководство в создание «второго фронта». ... Были сообщения о том, что и из Молдовы собираются сделать «второй», «третий», «полуторный» фронт. 14.04.2023; Все знают и понимают, что американцы объявили «крестовый поход» против Российской Федерации, ее законных интересов, русской культуры, традиций, избрав киевский нацистский режим в качестве «боевого законечника», накачивая его все новыми системами вооружения. 20.04.2023).

Таким образом, изменения в международной обстановке оказывают непосредственное влияние на выбор экспрессивной метафоры в речи Министра.

Выводы

1. Комплексный анализ текстов интервью и пресс-конференций Министра иностранных дел РФ, данных им с 01.01.23 по 06.06.23, показывает, что С. В. Лавров в 2023 г., как и в 2022 г., продолжает регулярно использовать экспрессивные и эмоционально-оценочные переносы (490 употреблений), усиливающие политико-публицистическую составляющую его речи. Более активно по сравнению с 2022 г. министр прибегает к окказиональным, речевым, развернутым метафорам, трансформированным идиомам, которые увеличивают экспрессивную и личностно-оценочную составляющую его речи, а также акцентируют внимание адресата на наиболее значимых, по мнению В. В. Лаврова, аспектах характеризуемых ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Балашова Л. В. Русская метафора. Прошлое. Настоящее. Будущее. М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica).
3. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Темля. М. : Наука, 1988. С. 11–26.
4. Балашова Л. В. «Дипломатичное» и «недипломатичное» в жанрах дипломатического дискурса:

2. В целом данные ситуации отражают усиление общей напряженности в международных отношениях, эскалацию «гибридной» войны против России, главным источником которых является агрессивная политика КЗ. Вместе с тем, в отличие от 2022 г., министр регулярно использует эмотивную метафорику при характеристике стремления ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки противостоять диктату КЗ, отстаивать свои национальные интересы, более активно сотрудничать с Россией.

3. Именно эти экстралингвистические факторы обуславливают динамику в используемых С. В. Лавровым моделях метафоризации. С одной стороны, сохраняют устойчивость и последовательно развиваются (в соответствии с изменением международной обстановки) три базовые концептуальные метафоры 2022 г. (пространственная модель целенаправленной деятельности; деструктивная и социально-иерархическая модели), основная цель которых – акцентировать внимание на агрессивной политике КЗ по утверждению своего диктата в мире, на усилении противоречий между КЗ и остальным миром, между США и его союзниками. Экстралингвистические причины (эскалация общей напряженности, военного конфликта на Донбассе и Украине, принципиального идеологического противостояния России и киевского режима, России и КЗ) обуславливают, с одной стороны, заметное снижение активности в использовании министром театральной когнитивной матрицы, а с другой – усиление продуктивности милитаристской концептуальной модели.

4. В реализации всех основных концептуальных моделей участвуют эмотивные метафоры разной функционально-стилистической принадлежности. Вместе с тем в употреблении риторизмов, доля которых в 2023 г. заметно возрастает, и сниженных «недипломатических» переносов есть определенная специфика. Но именно контаминация в 2023 г. данных, традиционно противопоставленных типов переносов делает речь С. В. Лаврова более экспрессивной и выразительной, что усиливает их смыслообразующую и воздействующую силу.

на материале метафор в текстах пресс-конференции и интервью Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, посвященных военной спецоперации на Украине // Жанры речи. 2022. Т. 17. № 4 (36). С. 272–284. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-272-284>

5. Кравец Т. Н. Дискурсивные особенности современной дипломатической коммуникации // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2017. Т. 12. № 5. С. 54–63.

6. Кукатова О. А. Речевая стратегия оппозиционирования и репрезентирующие ее тактики в диплома-

тическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 4 (64). С. 76–81.

7. Попкова Е. М., Палагина О. М. Дипломатический дискурс в современной парадигме подходов к преподаванию иностранных языков // Казанский лингвистический журнал. 2023. Т. 6, № 2. С. 257–270. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.257-270>

8. Терентий Л. М. Перспективность исследования дипломатического дискурса // Вопросы психолингвистики. 2016. № 29. С. 270–275.

9. Попов В. И. Современная дипломатия: теория и практика: дипломатия – наука и искусство. 2-е изд., доп. М. : Международные отношения, 2010. 572 с.

10. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М. : Рукописные памятники Древней Руси ; Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica).

11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : УРСС, 2004. 252 с.

12. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука, 1988. С. 26–52.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Metaphor and discourse. In: *Teoriya metafory : sb.* [Theory of metaphor : Coll. arts]. Moscow, Progress, 1990, pp. 5–32 (in Russian).

2. Balashova L. V. *Russkaya metafora: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [Russian metaphor: Past, present, future]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 496 p. (Studia Philologica) (in Russian).

3. Gak V. G. Metaphor: Universal and specific. In: *Metafora v yazyke i tekste. Otv. red. V. N. Teliya* [Teliya V. N., ex. ed. Metaphor in language and text]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 11–26 (in Russian).

4. Balashova L. V. “Diplomatic” and “undiplomatic” in the genres of diplomatic discourse: based on metaphors of

Russian foreign Minister Sergey Lavrov used during press conferences and interviews on the special military operation in Ukraine. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 272–284 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-272-284>

5. Kravets T. N. Discursive features of modern diplomatic communication. *Theoretical and Applied Aspects of the Study of Speech Activity*, 2017, vol. 12, no. 5, pp. 54–63 (in Russian).

6. Kukatova O. A. Opposition speech strategy and tactics representing it in diplomatic discourse. *Political Linguistics*, 2017, no. 4 (64), pp. 76–81 (in Russian).

7. Popkova E. M., Palagina O. M. Diplomatic discourse in the modern paradigm of approaches to teaching foreign languages. *Kazan Linguistic Journal*, 2023, vol. 6, no. 2, pp. 257–270 (in Russian). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.257-270>

8. Terenty L. M. Prospects for the study of diplomatic discourse. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], 2016, no. 29, pp. 270–275 (in Russian).

9. Popov V. I. *Sovremennaya diplomatiya: teoriya i praktika: diplomatiya – nauka i iskusstvo. 2-ye izd., dop.* [Modern diplomacy: Theory and practice: Diplomacy – science and art. 2nd ed., add.]. Moscow, International Relations, 2010. 572 p. (in Russian).

10. Balashova L. V. *Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitii: XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, Znak, 2014. 632 p. (Studia Philologica) (in Russian).

11. Lakoff J., Johnson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [The metaphors we live by]. Moscow, Yeditorial URSS, 2004. 256 p. (in Russian).

12. Teliya V. N. Metaphor as a model of meaning production and its expressive and evaluative function. In: *Metafora v yazyke i tekste. Otv. red. V. N. Teliya* [Teliya V. N., ex. ed. Metaphor in language and text]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 26–52 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.06.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 03.08.2023
The article was submitted 10.06.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 03.08.2023

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 349–357

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 349–357

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-349-357>, EDN: DCZDVU

Научная статья

УДК 811.111'38'42+821.111-31+929Диккенс

Категория дискурсивной диалогичности как реализация жанрового потенциала романа

Е. В. Дзюба^{1✉}, И. Ю. Рябова²

¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

²Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Россия, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, elenacz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Рябова Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, i.y.ryabova_3012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5904-8971>

Аннотация. Рассматривается категория дискурсивной диалогичности, отображенной в художественном тексте, который функционирует на стыке двух социальных дискурсов – литературы и права. Смысловая область интердискурса, как гетерогенного лингвосоциокультурного пространства, открыта, подвижна, диалогически обусловлена. Цель работы заключается в реконструкции кооперативной модели диалогического взаимодействия заявленных дискурсов, т. е. модели, позволяющей максимально сблизить в сознании реципиента две концептуальные области: правовую и художественную. Предмет исследования – специфика реализации категории дискурсивной диалогичности в художественном тексте с доминантной юридической сюжетной линией, а также своеобразие языковых средств и приемов речетворчества, релевантных для социального романа – жанровой разновидности, которая позволяет раскрыть внутреннюю диалогичность формально монологических высказываний, обнажить противоречивость социальных позиций и сознаний. Категория дискурсивной диалогичности объединяет иерархически организованные типы: прагма-диалог (первый уровень), автодиалог и диалог-игра (второй уровень), нашедшие выражение на внутритекстовом, внетекстовом и интертекстуальном уровнях порождения смысла. Материал исследования — роман «Холодный дом» Ч. Диккенса. Категория дискурсивной диалогичности, отраженная в романе, представляет собой сложноорганизованную систему разных типов диалогичности, в которой формируется личность читателя. Сближение двух концептуальных областей в сознании реципиента – художественной и правовой – осуществляется на уровне интеграции языковых маркеров юридического дискурса и единиц художественного текста, кооперации конвенциональных и индивидуально-авторских приемов художественной выразительности с элементами официально-делового стиля. В работе подчеркивается, что жанр романа позволяет отобразить категорию диалогичности во всей ее многоплановости.

Ключевые слова: роман как жанр, интердискурс, диалогичность, категория дискурсивной диалогичности, прагма-диалог, автодиалог, диалог-игра

Для цитирования: Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Категория дискурсивной диалогичности как реализация жанрового потенциала романа // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 349–357. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-349-357>, EDN: DCZDVU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The category of dialogicality as realization of novel genre potential

E. V. Dziuba¹✉, I. Y. Ryabova²

¹Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Polytekhnicheskaya St., Saint Petersburg 195251, Russia

²Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, 21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg 620137, Russia

Elena V. Dziuba, elenacz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Irina Yu. Ryabova, i.y.ryabova_3012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5904-8971>

Abstract. The category of discursive dialogicality is considered, represented in a literary text that exists on the border of two social discourses – literature and law. The semantic domain of the interdiscourse, as a heterogeneous linguosociocultural space in which two different discourses interact, is open, mobile and dialogically conditioned. The aim of the paper is to reconstruct the cooperative model of dialogical interaction of the stated discourses, i.e. such a model that allows a recipient to bring together two worldviews in the recipient's mind: legal and artistic. The subject of the research is the implementation of the category of discursive dialogicality in a literary text with a dominant legal storyline, as well as the peculiarity of linguistic means and speech-making techniques relevant for a social novel – the genre type that allows to reveal the inner dialogicality of formally monological statements, to expose social positions and worldviews. The category in question unites hierarchically organized types: pragma-dialogue (first level), auto-dialogue and dialogue-game (second level) which find expression at the intra-textual, extra-textual and intertextual levels of meaning generation. The category of discursive dialogicality in the novel “Bleak House” by Ch. Dickens is a complex system of several types of dialogicality in which the reader's personality is formed. The convergence of two conceptual areas in the recipient's mind – artistic and legal – is carried out at the level of integration of linguistic markers of legal discourse and units of artistic text, cooperation of conventional and individual author's techniques of artistic expression with elements of official business style. In fact, novel genre displays the category of dialogicality in all its diversity.

Keywords: novel as a genre, interdiscourse, dialogicality, category of discursive dialogicality, pragma-dialogue, auto-dialogue, dialogue-game

For citation: Dziuba E. V., Ryabova I. Yu. The category of dialogicality as realization of novel genre potential. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 349–357 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-349-357>, EDN: DCZDVU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вводные замечания

Художественная литература (далее – ХЛ) во всем многообразии жанров существует не только как форма изящной словесности, но и как основа духовного бытия нации. Роман как эпический жанр способен осветить жизнь широкоформатно: поставить, раскрыть, решить социальные, политические, правовые вопросы, возникающие в обществе. Романное слово способно проникать в самые глубины общественного сознания, приобретать статус универсального средства построения диалогических отношений между автором текста, знатоком многих скрытых от поверхностного взора реалий, и читательской аудиторией, между героями – выразителями разных мировоззрений. Социально обусловленные дискурсы (например, открытый широкой аудитории дискурс ХЛ и дискурс одной из узкоспециальных областей – права) способны сосуществовать в одном (интердискурсивном)

пространстве и обогащать друг друга концептуальными смыслами.

По замечаниям Р. Водак, «дискурс следует рассматривать как форму социального действия, которая определяется ценностями и социальными нормами» [1: 8–10]. Писатель, обличающий в художественном тексте (далее – ХТ) несовершенство социально-политического и/или правового устройства общества, позиционирует право «выступить человеком говорящим», в т. ч. – демонстрирующим собственно правосознание, как безусловную нравственную ценность. М. М. Бахтин подчеркивает: «Все существеннейшие категории этического и правового суждения и оценки относятся именно к говорящему человеку, как к таковому: совесть, правда и ложь, ответственность, право голоса и проч.» [2: 104–105].

П. Серио высказывает мысль о культурной обусловленности любого дискурса и о его связи с интересами и характеристиками конкрет-

ного социума. Он замечает: «...социальные дискурсы... никогда не бывают «невинными» (простодушными, не ведающими сложности жизни), и любое высказывание литературного характера ... идеологично» [3: 21]. Представляя собой результат авторской дискурсии в лице «человека говорящего», демонстрирующего свое правосознание, нарратив художественного произведения становится также стимулом к формированию «человека думающего».

Л. Магнуссон, рассматривая ХТ как социальный диалог, подчеркивает: «To understand discourse as a social phenomenon is to imagine a multi-linguaged world – a plenitude of colliding and overlapping discourses... Discourses are specific to their historical, institutional... and other contexts, but they are also migratory, hybridizing, shape-shifting, continuously changing» [4: 8]. Co-существование двух дискурсов в одном смысловом поле, смоделированном автором-создателем произведения для решения конкретной социально значимой задачи, порождает особый формат – интердискурс, под которым понимается единое гетерогенное лингво-социокультурное пространство, маркированное включением элементов из других дискурсов и обусловленное исторической реальностью. Именно интердискурс, по замечаниям В. Е. Чернявской, «реинтегрирует в целостную систему человеческое знание, рассеянное в различных социокультурных дискурсивных формациях» [подробнее см.: 5: 106–111].

Изучение интердискурса как сложноорганизованного, интегрированного смыслового пространства целесообразно соотносить с категорией диалогичности, которая проявляется в созданном в данном дискурсивном поле ХТ. Роман как жанр ХЛ, обладающий гибкой образной системой, стройной и выверенной формально-содержательной организацией высказываний, пластичным пересечением сюжетных линий, способен вскрыть внутреннюю диалогичность языковых форм и структур, апеллирующих к социально-идеологической природе интердискурса. В одной из своих работ В. В. Дементьев указывает на наличие в произведениях искусства прямой (авторской) и не прямой (мировоззренческой, ценностной и т. д.) коммуникативной рефлексии, которая реализуется в диалоге. При этом диалог следует понимать широко: речь идет не только о жанрово-ролевых сценках, но также о «взаимодействии коммуникативных компетенций персонажей, ... старых и новых, общенациональных и специфических групповых норм ... и систем ценностей» [6: 57]. С учетом именно широкого подхода к понятию диалогичности проводится и данное исследование.

Актуальность работы состоит в комплексном изучении феномена диалогичности, проявляющейся в интердискурсе и ХТ, репрезентирующем своеобразие жанровой формы и структуры. Цель исследования – выявление категории дискурсивной диалогичности (далее – ДД) и создание кооперативной (интегративной) модели диалогического взаимодействия заявленных дискурсов, сближающей в сознании реципиента концептуальные области: правовую и художественную. Предмет исследования – специфика реализации категории ДД в ХТ с юридическими проблемами и особенностями языковой актуализации каждого типа ДД в аспекте его тесной связи с самобытностью конкретного литературного жанра – романа.

Теоретико-методологическая база исследования. Работа проводится в рамках дискурсивно-диалогического подхода. Зародившееся в литературоведении на основе теории диалога М. М. Бахтина направление получило новый виток своего развития в Минской и Мюнстерской лингвистических школах дискурс-анализа [2, 7, 8]. Разрабатываемая концепция дополнена результатами научных трудов П. Серио, М. Пешё [9].

Для достижения поставленных задач применяются общенаучные методы (гипотетико-дедуктивный, таксономический, метод анализа и синтеза), а также лингвистические и лингвокогнитивные методы (концептуальный и контекстуальный анализ, метод когнитивного моделирования). Гипотетико-дедуктивный метод позволяет выдвинуть гипотезу о функционировании категории ДД в пространстве, сформированном на пересечении двух дискурсов, позволяющей рассматривать ХТ – результат их кооперации – в аспекте диалога двух культур: правовой и гражданской (читательской, общественной, массовой). Таксономический метод дает возможность выделить типы ДД в рамках данной категории. Концептуальный анализ позволяет выявить новые смыслы и коннотации, интегрированные в концептуальное пространство интердискурса. Контекстуальный анализ призван описать взаимодействие языковых средств в аспекте кооперации двух дискурсов в тексте романа, обладающего инновационной жанровой структурой. Метод когнитивного моделирования используется для реконструкции модели диалогического взаимодействия дискурсов и верификации этой модели на языковом материале романа.

Материалом исследования является роман Ч. Диккенса «Холодный дом» (1853 г.). Выбор произведения обусловлен тем, что категория ДД в романе «Холодный дом» представляет собой сложноорганизованную систе-

му разных типов диалогичности, позволяющих раскрыть интегративный потенциал взаимодействующих в социальной среде дискурсов. Роман описывает кризисное положение дел в Канцлерском суде Англии в середине XIX в. События разворачиваются на фоне бесконечной судебной тяжбы, рассматриваемой Канцлерским судом более 50 лет. Бездействие чиновников, всеобщая путаница, несправедливость судопроизводства – все это Канцлерский суд, он становится символом формализма и бюрократизма в стране. Судьба всех персонажей романа связана с «этим зловреднейшим из старых грешников» – Канцлерским судом. В романе не только прослеживаются эстетические коммуникативные стратегии, но также формируются репрезентативные и регулятивные принципы диалогического взаимодействия с читателем. Категория ДД находит здесь выражение на разных уровнях: внутритекстовом, внетекстовом, интертекстуальном. Переплетение сюжетных линий (бытовой, романтической, юридической) создает предпосылку для глубинного анализа сопряжения элементов полярных дискурсов в ХТ.

Онтологические и идеологические основания выявления феномена диалогичности в интердискурсе

Суть диалогического взаимодействия дискурсов не сводится к простому обмену знанием между концептуальными областями, а предполагает скорее формирование «квантов» нового знания и применение знания одной области для решения остросоциального вопроса – в другой. К феномену ДД следует подходить с позиции интердисциплинарного подхода, включающего философский, социологический, литературоведческий, лингвистический аспекты рассмотрения объекта. Кооперация разных точек зрения на одно явление позволит выявить его значимость в интердискурсе как лингвосоциального конструкта.

М. М. Бахтин освещает категорию диалогичности многоаспектно, вводя, например, понятие гибрида и гибридизации. Ученый определяет гибридизацию как «смешение двух социальных языков в пределах одного высказывания, встреча на арене этого высказывания двух разных, разделенных эпохой или социальной дифференциацией (или тем и другим) языковых сознаний» [10: 170]. М. М. Бахтин вводит понятие «чужого голоса», существующего между «Я» и «Другим», и утверждает наличие внутренней диалогичности в слове: «Слово как бы живет на границе своего и чужого контекста... Из этого смешанного контекста своих и чужих слов реплику нельзя изъять, не утратив ее смысла

и ее тона... Она – органическая часть разноречивого целого» [2: 37].

Внесем важное уточнение: необходимым условием для построения многообразных диалогических отношений, отраженных в жанре романа, является гетерогенность смыслового, концептуального пространства, т. е. интердискурса, который становится основой взаимодействия разных концептуальных областей, разных текстов, временных и пространственных планов произведений, голосов героев и авторов, высказываний и значений слов.

Интердискурс, как интегративная, гибридная область, обладает при этом эмерджентной природой. Процесс возникновения новых смыслов при попадании «других» элементов в дискурс способствует появлению «зон диалогического контакта», в которых «хаос под влиянием принимающей системы упорядочивается: происходит конвергенция (сближение) разнородных элементов, и появляются новые элементы» [11: 28]. Континуальность процедуры обновления интердискурса обусловлена его онтологией – открытостью, способностью к реорганизации, эмерджентностью.

Неразрывна связь интердискурса с исторической реальностью, которую он отражает [см.: 12: 69–98]. Обусловленность далекой, не всегда до конца ясной исторической реальностью, делает диалог, в терминологии М. М. Бахтина, «незавершимым» [2: 75].

Именно в диалоге «Я» и «Другого» такие дискурсивные характеристики смыслового пространства: открытость, гетерогенность, эмерджентность, способность к обновлению и самоорганизации – создают условия для порождения нового знания. В силу континуальности и «незавершимости» процесса диалогизации новое знание по своей структуре динамично.

Категория ДД сквозь призму теории прагма-диалога

Диалогичность рассматривается как категориальный феномен, т. е. такой, который обобщает на основании существенных признаков однородные явления, организующиеся в рамках категории в иерархическую систему [см. об этом: 13: 5–12]. Категория ДД объединяет различные ее типы внутри иерархической системы на внутритекстовом, внетекстовом, интертекстуальном уровнях смыслопорождения. Охарактеризуем эти типы ДД.

В одной из своих работ Э. Вайганд вводит понятие прагма-диалога, ориентированного на кооперацию иницируемого действия адресанта и ответной реакции адресата: «individual actions and reactions are organized into a dialogic sequence by their interdependence»

[8: 80]. Используемый здесь термин *прагма-диалог* понимается как диалогический обмен смысловыми интенциями представителей разных социальных областей, что обнажает связь двух дискурсов (т. е. формирует интердискурс) и проявляется в тексте на разных уровнях.

Выделим следующие формы диалогического взаимодействия в ХТ: диалог двух языковых кодов – правового и художественного (на лексико-семантическом уровне); диалог двух голосов – «своего» и «чужого» (на синтаксическом и графическом уровне); диалог двух ценностных систем (на аксиологическом уровне); диалог сознаний – правового и лингвокреативного (на когнитивном уровне). Выявленные формы диалогического контакта реализуются в ХТ в автодиалоге (термин Т. Ф. Плехановой) или диалоге автора с читателем [7: 58]. Автодиалог и диалог-игра подчинены прагма-диалогу, т. е. обмену интенциями и прагматическими установками. Разноречивые формы диалогичности «входят в роман и организуются в нем в стройную художественную систему» – в этом, по М. М. Бахтину, и есть «специфическая особенность романного жанра» [10: 113]. Взаимодействие типов диалогичности (прагма-диалога, автодиалога, диалога-игры) можно представить в виде *кооперативной модели диалогического обмена*, позволяющей сблизить в сознании читателя две концептуальные области: права и художественного творчества.

1. Автодиалог

Автодиалог находит выражение на двух уровнях тексто- и смыслопорождения: внетекстовом (взаимодействие предисловия и текста) и внутритекстовом (в конструкциях, маркированных двумя типами информации: фактуальной и модальной).

1.1. Внетекстовый автодиалог

Данный тип диалогичности существует в паратексте (по И. В. Арнольд): в нем заключается «не только центробежная диалогическая связь..., но еще и композиционно существенная центростремительная связь частей, находящихся «рядом» с основным текстом» [14: 429]. Цельнооформленное текстовое пространство романа представляет собой коллажно-рамочную конструкцию, включающую предисловие (рамку) и коллаж (комплекс разрозненных фрагментов конкретной тематики). Если предисловие выполняет вокативную и синтезирующую функции (голос автора декларирует остросоциальные проблемы), то текст романа имитирует и обличает (голос автора приобретает иронически-саркастическую окраску).

Так, в предисловии Ч. Диккенс заявляет о правдоподобию в описании дела Гридли: «*The case of Gridley is in no essential altered from one of actual occurrence, made public by a disinterested person who was professionally acquainted with the whole of the monstrous wrong from beginning to end*» [15: 6]. О достоверности фактов, используемых автором для создания идейно-фабульной структуры романа, писал его друг Дж. Фостер. Критика в адрес юристов и судов у Ч. Диккенса была основана на его собственном опыте работы в правовой системе [12: 69–98]. Именно поэтому Диккенсу удалось выстроить в романе диалог автора-юриста и автора-литератора, т. е. диалог двух сознаний, проявляющийся в интенции писателя занять разные позиции: во внетекстовом и текстовом пространстве.

Рассказ о перипетиях судебной тяжбы героя Ч. Диккенс вкладывает в уста самого персонажа (обозначим лишь некоторые фрагменты его истории): «*I have been dragged for five and twenty years over burning iron... in being unjustly treated by this monstrous system... I mustn't go to Mr. Tulkynghorn, the solicitor... when he makes me furious by being so cool and satisfied – as they all do, for I know they gain by it while I lose, don't I? – I mustn't say to him*» [15: 295–298]. Факты из правовой области (точная сумма в исковом заявлении, включение пространственно-временных маркеров, личные данные о судящихся и др.) подаются автором сквозь призму собственного видения реальности: речь идет не о «многих тысячах, только о сотнях», имя Гридли от англ. 'greedy' – 'жадный'. Смех автора становится действенным оружием обличения. Вкладывая рассказ в уста героя, писатель транслирует и свой жизненный опыт: он дважды столкнулся с нарушением авторских прав [12]. В единстве «голосов» автора – «чужого», беспристрастного (в предисловии), основанного на показаниях друга-эскайра, и «своего», обличающего (в тексте романа), создается возможность сформировать ретроспективную и проспективную точки зрения на одно явление действительности.

Посредством приема скрытой цитации (в виде «инкрустированной» авторской речи) писатель обезличивает героя – «человек из Шропшира» (о Гридли). С помощью приемов иронически «заряженной» инверсии и черного юмора (*be dragged for five and twenty years over burning iron*) автор не только образно и ярко описывает суть процесса хождения по судам, словно «по мукам», но и подчеркивает пассивность субъекта посредством слова *drag*: pull along forcefully [16].

Столкновению двух «индивидуальных, профессиональных языков» способствует имма-

нентное свойство романного жанра пользоваться разными видами стилизации и пародирования: сквозь призму чеканного слога канцелярской речи (фрагмент предисловия) прослеживается стратегия автора создать контрастное по экспрессии, образности и объемности описание затянувшегося судебного процесса.

1.2. Внутритекстовый автодиалог

Данная разновидность автодиалога строится на интеграции двух диалогических «Я»: «the dialogical «self» houses many partly different voices defined different «I-positions»» [об этом: 8: 111]. Обе «Я-позиции» (фактуальная информация и точка зрения на эту информацию) заключены в одну конструкцию (по М. М. Бахтину, «гибридную»), границы которой «намеренно зыбки и двусмысленны, часто проходят внутри одного синтаксического целого; ...и этой внутренней диалогичности присуща стихийность» [2: 61]. По замечаниям Ж. Отье-Ревю, «говорящий на мгновение раздваивается, за ним возникает другая фигура, фигура наблюдателя» [17: 54].

Ремарка, заключенная в представленном выше текстовом фрагменте – *as they all do, for I know they gain by it while I lose, don't I?*, – представляет собой рамочную конструкцию, выражающую авторское мнение и репрезентирующую в сочетании с предшествующей фактуальной информацией на синтаксическом уровне внутритекстовый автодиалог. Дискурсивный маркер «don't I» объективирует абсолютную убежденность писателя в истинности высказываемой точки зрения.

В обоих типах автодиалога прослеживается условная вопросно-ответная форма коммуникации, заключающаяся в утверждении и ответной реакции. В качестве ключевой черты юмористического романа, обладающего новаторской формально-содержательной структурой, следует выделить минимизацию элементов нейтральных, не включенных в диалог; каждый элемент приобретает смысловозначительную и диалогическую суть: «Диалог уходит в молекулярные и, наконец, внутриатомные глубины» [10: 113].

2. Диалог-игра

Диалог автора с читателем разворачивается в виде лудической деятельности. Разрабатывая интегративную модель игры, Э. Вайганд замечает: «The complex whole has its own architecture which basically rests on two premises: the whole is more than the sum of the parts, and integration is the name of the game» [18: 187, 192]. На основании выдвигаемого актором намерения выявляет-

ся игра разной природы: репрезентативной, объяснительной, директивной, декларативной. Литературную диалогическую игру исследователь относит к первому типу, выделяя в нем эмотивно-экспрессивной подтип: «the literary action game can be classified as a sub-type of the representative action game, or more precisely as a sub-type of the expressive-emotive action game» [18: 256]. На стыке концептуальных областей: обезличенной правовой и богатой образами художественной – литературная игра приобретает оттенки серьезности и развлекательности.

Диалог-игра осуществляется как просветительская деятельность. Обладая определенным уровнем компетентности, читатель способен увидеть то, что было скрыто от автора произведения как непосредственного участника событий, так как у зрителя появляется возможность соизмерять каждое частное явление и действие с целым. Установка автора на взаимодействие с читателем сводится к решению последним ряда задач: решению графических «головоломок», пониманию коммуникативных стратегий автора текста, извлечению «косвенной» информации из интертекстуальных вкраплений. Наличие в романе Ч. Диккенса таких интерактивных стратегий демонстрирует отход от основных канонов романного жанра, читателю предлагается опыт литературного эксперимента.

2.1. Повествовательный диалог-игра

Неординарная для ХЛ XIX в. коммуникативная стратегия автора передавать право голоса персонажу находит отражение в игре диалогической природы на повествовательном уровне. Прием «перебивки повествовательных ракурсов» («перепорученная» речь) становится способом перспективизации, позволяющим сместить фокус внимания в сторону личностного восприятия мира. Данный прием создает мощный эффект неожиданности и усиливает потенциал ХТ в своей способности формировать /изменять точку зрения читателя на объект действительности.

Так, на стыке двух глав, II и III, писатель отдает право голоса Эстер: «I have a great deal of difficulty in beginning to write my portion of these pages, for I know I am not clever... I used to say to my doll when we were alone together, "Now, Dolly, I am not clever, you know very well, and you must be patient with me, like a dear!"» [15: 26–27]. На первый взгляд, «исчезновение» автора инсценируется ради читательского интереса: «ведет беседу» другой человек, с иным мировосприятием и кругозором. Историческая реальность (общественная и правовая) предстает в своем живом и динамичном образе, увиденном гла-

зами подростка, который не имеет большого жизненного опыта, но уже вынужден знакомиться с социальной структурой общества. В этом постоянном переключении голосов со «своего» (автора) на «чужой» (соавтора) находит выражение прием карнавализации ХТ и – шире: карнавализации сознания.

Данный прием, выражающийся в феноменах лабиринта, коллажа, ризомы, карнавала, является отражением плюрального видения мира. Карнавализация сознания отражает процесс трансфера и усвоения новых смыслов, представлений, идей; здесь – из закрытой области права в широкие общественные круги. По М. М. Бахтину, «карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление» [19: 12]. В этом «фамильярном общении», пронизанном иронической неоднозначностью, присущей ХТ пародийной направленности, у реципиента появляется возможность обрести целостный взгляд на окружающий мир и стать активным участником социального действия.

ДД «малопластичного» романного жанра, проявляющаяся в «дневниковой» природе повествования, может стать формотворческой силой, позволяющей «поместить» в единую плоскость романа разноречивые мировоззрения.

2.2. Графический диалог-игра

С той же интенцией – сформировать карнавализованное сознание реципиента – реализуется графический диалог-игра, ее средством являются элементы графического «дизайна». Э. Вайганд замечает: «writers actively design their language-in-use to help the reader engage in the situating meaning task and the integration task... readers... use them as guides (clues) in context» [8: 67].

Так, в письме юристов к Эстер Ч. Диккенс с помощью нетипичного для романного жанра приема – акронимизации – кодирует информацию для читателя: «*Our clt Mr. Jarndyce being abt to rece into his house, under an Order of the Ct of Chy, a Ward of the Ct in this cause, for whom he wishes to secure an elgble compn, directs us to inform...*» [15: 43]. Графические окказионализмы, трансформирующие элементы официально-делового стиля, подвергаются «эволюции» в романном жанре, функционирующем на стыке дискурсов: элементы официально-делового стиля становятся объектом инотолкования (ср: их первичные функции), так как связаны с общей идеей романа рядом авторских интенций. Во-первых, на идейно-тематическом уровне текста тонкая игра смыслов подчинена идее общей неразберихи в правовой сфере. Во-вторых,

на когнитивном уровне литературная игра – способ реализации фатической и суггестивной функций автора по отношению к читателю. В-третьих, в прагматико-аксиологическом ключе, воспитывая «человека думающего», автор старается деавтоматизировать восприятие реципиента. Сведущий читатель мог бы также связать языковой код Ч. Диккенс с его профессиональными навыками: работая стенографистом, он в юности для ускорения записи освоил особый способ письма с сокращениями.

Интертекстуальный диалог-игра

Интертекстуальный диалог-игра в рамках теории прагма-диалога апеллирует к когниции и рецепции читателя: интертекстуальность, как источник «косвенности» в теории непрямой коммуникации, актуализирует «домысливание» информации реципиентом, являясь «одним из наиболее эффективных и распространенных средств лингвокреативности» [20: 9–26]. Включенные в ХТ интертекстуальные вкрапления (аллюзии, реминисценции, скрытые цитаты) способствуют не только аккумуляции смыслов, но и выполняют функцию сохранения и поддержания осведомленности реципиента в литературном и историко-культурном наследии.

Обратимся к иллюстрации того, как конвергенция интертекстуальных средств и приемов речетворчества, используемых автором, сближает образ типичного судебного исполнителя и представителя высшего сословия: «*Both the world of fashion and the Court of Chancery are things of precedent and usage: oversleeping Rip Van Winkles who have played at strange games through a deal of thundery weather; sleeping beauties whom the knight will wake one day, when all the stopped spits in the kitchen shall begin to turn prodigiously!*» [15: 17].

Интеграция в одном текстовом фрагменте ономастической аллюзии (указание только имени героя) и тематическая отсылка-реминисценция на сказку о спящей красавице иронически подчеркивает апатичность представителей судебной системы и пресыщение беззаботно-скупной жизнью представителей буржуазного общества. Такого рода интертекстуальная буффонада (гротескная, сатирически выстроенная игра), с одной стороны, становится формой выражения «цитатного» сознания автора: сделать умозаключение, утвердиться в своем мнении и постараться убедить в этом читателя; с другой – пробудить к жизни ассоциативно-образное, лингвокреативное мышление самого реципиента.

Таким образом, категория диалогичности, отражающая рефлексивную работу автора и его просветительскую деятельность по отно-

шению к читателю, находит выражение в палитре языковых средств и приемов речетворчества; среди них – традиционные (метафора, сравнение, цитация, аллюзия и др.) и индивидуально-авторские (прием карнавализации сознания, графические окказионализмы, перебивка повествовательных ракурсов). Жанр романа у Ч. Диккенса претерпел трансформации, обусловленные функционированием в текстовом пространстве категории ДД.

Заключение

Взаимодействие дискурса права и дискурса ХЛ находит выражение в теории прагма-диалога: любое действие ориентировано на реакцию от этого действия. Прагма-диалог в романе «Холодный дом», функционирующем на стыке полярных концептуальных областей, актуализируется в автодиалоге и диалоге-игре на разных текстовых уровнях. Ч. Диккенс выступает «человеком говорящим», реципиент в процессе осмысления художественной картины мира примиряет роль «человека думающего» в такой же степени, как и эстетически, эмоционально и интеллектуально развитого. Интеграция смысловых коннотаций, возникающих как новое знание на пересечении разнородных концептуальных областей, позволяет выявить уникальную сущность кооперативной

модели диалогического взаимодействия. Данная модель не только сближает в сознании реципиента две концептуальные области – права и художественного творчества, но и способствует формированию новых типов сознания: цитатного и карнавализованного – как явлений двух областей (консервативной и лингвокреативной). М. М. Бахтин пишет: «... это глухое и темное смешение языковых мировоззрений в органических гибридах – исторически глубоко продуктивно: оно чревато новыми мировоззрениями», новыми «внутренними формами» словесного сознания мира» [10: 172]. «Холодный дом» Ч. Диккенса, так называемый «романный гибрид», призванный изменить социально-правовую реальность, полноценно отразил в своем идейно-тематическом и структурно-синтаксическом единстве разные виды диалогических форм. И новый иронический стиль, для которого характерно намеренное смешение элементов художественного, разговорного и официально-делового стиля, и новая – многоголосая – манера повествования писателя должны были стать этой новой формой «словесного сознания мира», которая была бы способна изменить сложившуюся несправедливую социально-правовую ситуацию в Англии середины XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Водак Р. Язык, дискурс, политика. Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3 : Теория романа (1930–1961 гг.). М. : Языки славянских культур, 2012. 880 с.
3. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс, 1999. С. 12–53.
4. Magnusson L. Shakespeare and social dialogue. Dramatic language and Elizabethan letters. Cambridge University Press, 2004. 233 p.
5. Чернявская В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1 (001). С. 106–111.
6. Дементьев В. В. О некоторых содержательных тенденциях в современной отечественной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 42–73. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/3>
7. Плеханова Т. Ф. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов. Минск : ТетраСистемс, 2011. 368 с.
8. Weigand E. The Routledge Handbook of Language and Dialogue. New York ; London : Routledge Taylor and Francis Group, 2017. 391 p.
9. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс, 1999. 416 с.
10. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. 504 с.

11. Диалогическая лингвистика : коллективная монография. Барнаул : АлтГПУ, 2019. 320 с.
12. Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Категория ситуативности в нарративной модели художественно-правового дискурса // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 5. С. 69–98. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-69-98>
13. Dziuba E. V. Methodological principles of cognitive research of lexical categorization // Issues of Cognitive Linguistics. 2015. № 2 (43). P. 5–12.
14. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сборник статей. СПб. : Издательство С.-Петербург. университета, 1999. 444 с.
15. Dickens Ch. Bleak House I. М. : T8RUGRAM / Original, 2018. 812 p.
16. ABBYY Lingvo x6 [Электронный ресурс] : англо-русский электронный словарь. М., 2014.
17. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс, 1999. С. 54–94.
18. Weigand E. Dialogue: The mixed game. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2010. 320 p.
19. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья. М. : Художественная литература, 1965. 545 с.
20. Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 9–26.

REFERENCES

1. Vodak R. *Jazyk, diskurs, politika* [Language, Discourse, Politics]. Volgograd, Peremena, 1997. 139 p. (in Russian).
2. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij. T. 3 : Teorija romana (1930–1961 gg.)* [Collection of Works. Vol. 3 : Theory of Novel]. Moscow, LRC Publishing House, 2012. 880 p. (in Russian).
3. Serio P. How Texts Are Read in France. In: *Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa* [Quadrature of Meaning: French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress, 1999. 416 p. (in Russian).
4. Magnusson L. *Shakespeare and social dialogue. Dramatic language and Elizabethan letters*. Cambridge University Press, 2004. 233 p.
5. Chernjavskaja V. E. Intertext and interdiscourse as realization of textual openness. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2004, no. 1 (001), pp. 106–111 (in Russian).
6. Dement'ev V. V. O About some content-centric tendencies in modern domestic linguistics. *Journal Tomsk State University. Philology*, 2021, no. 72, pp. 42–73 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/19986645/72/3>
7. Plekhanova T. F. *Diskurs-analiz teksta : posobie dlja studentov* [Discourse-analysis of the Text : Manual for Students]. Minsk, TetraSistems, 2011. 368 p. (in Russian).
8. Weigand E. *The Routledge Handbook of Language and Dialogue*. New York, London, Routledge Taylor and Francis Group, 2017. 391 p.
9. *Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa* [Quadrature of Meaning: French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress, 1999. 416 p. (in Russian).
10. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznykh let* [Issues of Literature and Aesthetics. Research of Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504 p. (in Russian).
11. *Dialogicheskaja lingvistika: kollektivnaja monografija* [Dialogical Linguistics: Collective Monograph]. Barnaul, Altay State Pedagogical University Publ., 2019. 320 p. (in Russian).
12. Džuba E. V., Ryabova I. Yu. Category of situationality in the narrative model of a literary-legal text. *Scientific Dialogue*, 2022, vol. 11, no. 5, pp. 69–98 (in Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-69-98>
13. Dziuba E. V. Methodological principles of cognitive research of lexical categorization. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2015, no. 2 (43), pp. 5–12.
14. Arnol'd I. V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost': sbornik statej* [Semantics. Stylistics. Intertextuality : Coll. of arts]. Saint Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1999. 444 p. (in Russian).
15. Dickens Ch. *Bleak House I*. Moscow, T8RUGRAM, Original, 2018. 812 p. (in Russian).
16. *ABBY Lingvo x6 : English-Russian Electronic Dictionary*. Moscow, 2014 (in Russian).
17. Ot'e-Revju Zh. Explicit and Constitutive Heterogeneity : To the Problem of the Other in the Discourse. In: *Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa* [Quadrature of Meaning: French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress, 1999, pp. 54–94 (in Russian).
18. Weigand E. *Dialogue: The mixed game*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2010. 320 p.
19. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja* [Creative Works by François Rabelais and Folk Culture of Middle Ages]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1965. 545 p. (in Russian).
20. Dementyev V. V. Intertextual Aspect of Speech Genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 9–26 (in Russian).

Поступила в редакцию 09.09.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 27.11.2022
 The article was submitted 09.09.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 27.11.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 358–364

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 358–364

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-358-364>, EDN: CVVHKK

Научная статья

УДК [811.161.1'38'42:2-534.35]+821.161.1-94+929Толстой

Жанр молитвы в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого

Г. В. Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Россия, 300026,
г. Тула, пр. Ленина, д. 125

Токарев Григорий Валериевич, доктор филологических наук, профессор кафедры
документоведения и стилистики русского языка, grig72@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению жанра молитвы, представленного в дневниках Л. Н. Толстого. В ходе анализа записей выявлено, что на протяжении своей жизни Толстой записал несколько десятков сочинённых им молитв. Записанные обращения к Богу рассмотрены в синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах. В исследовании использованы методы описания, концептуального и прагматического анализа. В ходе изучения выяснено, что Толстой нарушает сложившиеся каноны, моделирует индивидуальное обращение к Богу. В дискурсе Толстого преобладают краткие молитвы, что является следствием действия прагматических намерений адресанта: быть лаконичным, смиренным, ничего не просить. Установлено, что ключевой аксиологической доминантой для Толстого является любовь, с которой он отождествляет Бога. В своих обращениях к Богу Толстой просит о твёрдой вере, надежде, спокойной совести. Большая группа молитв Толстого имеет ситуативно ориентированный характер. В молитвах сформулированы императивы поведения. Сделаны выводы о том, что молитва в дискурсе Толстого становится средством индивидуальной программы самосовершенствования. Молитва Толстого носит камерный, регулярный характер. Адресатом обращения выступает Бог, причём часто не персонифицированный, а пустота, нечто, нравственный принцип. Роль адресанта определена номинациями послушного сына, слуги, работника, посланника Всевышнего, который должен смиренно принимать всё то, что хочет Бог. Доказано, что молитвы Толстого неоднородны по своим интенциям: просьба, благодарность, констатация. По своему аксиологическому содержанию и интенциональному вектору молитва Толстого полностью соответствует христианской идеологии, выражающейся в смирении и любви.

Ключевые слова: Лев Толстой, дневник, молитва, Бог, жанр, синтаксис, семантика, прагматика

Для цитирования: Токарев Г. В. Жанр молитвы в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 358–364. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-358-364>, EDN: CVVHKK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The genre of prayer in the diary discourse of Leo Tolstoy

G. V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenina Ave., Tula 300026, Russia

Grigoriy V. Tokarev, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Abstract. The article is aimed to consider the genre of prayer presented in the diaries of Leo Tolstoy. An analysis of the entries reveals that over the course of his life Tolstoy recorded several dozen prayers he made up. The article examines recorded appeals to God in syntactic, semantic and pragmatic terms. The research uses methods of description, conceptual and pragmatic analysis. The study reveals that Tolstoy violates the accepted canons, modelling an individual appeal to God. Tolstoy's discourse is dominated by short prayers, which is a consequence of the addressee's pragmatic intentions: to be concise, humble, not to ask for anything. The article establishes that the key axiological dominant for Tolstoy is love, with which he identifies God. In his appeals to God, Tolstoy asks for firm faith, hope, and a calm conscience. A large group of Tolstoy's prayers has a

situationally oriented nature. The imperatives of behavior are formulated in the prayers. The article concludes that prayer in Tolstoy's discourse becomes a means of an individual programme of self-improvement. Tolstoy's prayer is chamberlike, regular in nature. The addressee of the appeal is God, and often not personified, but as emptiness, something, a moral principle. He defines the role of the addressee through the nominations of an obedient son, servant, worker, messenger of the Almighty, who must humbly accept everything that God wants. The article identifies that Tolstoy's prayers are heterogeneous in their intensions: a request, a thanksgiving, a statement. According to its axiological content and intentional vector, Tolstoy's prayer fully corresponds to the Christian ideology, expressed in humility and love.

Keywords: Leo Tolstoy, diary, prayer, God, genre, syntactics, semantics, pragmatics

For citation: Tokarev G. V. The genre of prayer in the diary discourse of Leo Tolstoy. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 358–364 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-358-364>, EDN: CVVHKK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Дневник Толстого представляет собой сложное полижанровое образование (см. об этом подробнее в [1]), в структуру которого входит молитва. Религиозное мировоззрение Л. Н. Толстого, его отрицание сложившихся ритуалов нашло своё отражение не только в многочисленных художественных произведениях, философских трактатах, публицистических статьях, но и в прямых обращениях к Богу. Дневниковые записи свидетельствуют о том, что диалог с Богом был актуален для Толстого на протяжении всей его сознательной жизни. Незадолго до своей смерти он пишет: *Да будет со мною не то, чего я хочу, и не так, как я хочу, но то, чего Ты хочешь и как Ты хочешь. Не хочу в будущем ни успеха деятельности, ни славы людской, ни телесных сил, ни продления жизни. Одного хочу: хочу для того, чтобы быть в Тебе и Тебя сознать в себе, любить всех и в мыслях, и в словах, и в делах.* (9 февраля 1909) [2, т. 57: 24–25]. Отрицание церковной идеологии, последующее отлучение Толстого от церкви не повлияли на его стремление обращаться к Богу. На протяжении своей жизни он записал в дневник несколько десятков сочинённых им молитв.

Основная часть

Молитва как жанр религиозного дискурса комплексно изучается в современной филологии. Определим основные аспекты её исследования.

- 1) формальный – рассматривает фонетико-просодические, архитектонические аспекты молитвы;
- 2) концептуальный – изучает особенности содержания молитвы, ценности, которые в ней воплощаются;
- 3) лингвокультурологический – исследует активацию системы норм, культурных уста-

новок и принципов, которых придерживается конфессиональная группа;

- 4) гендерный – определяет актуальность молитвы для дискурсов мужчин и женщин, а также зависимость содержания молитвы от гендерных ролей;
- 5) коммуникативно-прагматический – изучает особенности адресанта и адресата молитвы, экстралингвистические условия её реализации, интенциональное разнообразие и др.

Молитва Льва Толстого мало изучена в современной филологии. Целью настоящей статьи является комплексное рассмотрение данного жанра, представленного в дневниковом дискурсе мыслителя. В задачи исследования не входит освещение вопросов отношения Толстого к Богу, религии, вере. (см. об этом подробнее в [3]).

Под молитвой мы понимаем монологический жанр религиозного дискурса, в котором адресант обращается к сверхъестественной силе.

Семиотический подход к жанру предполагает его рассмотрение в трёх аспектах: синтаксическом, семантическом и прагматическом. Комплексный подход к данному жанру определяет разнообразие использованных методов исследования: описание, концептуальный и прагматический анализ.

Толстой нарушает сложившиеся каноны и, по сути, моделирует индивидуальное обращение к Богу, не прибегая к сложившейся столетиями структуре и устойчивым выражениям.

Синтаксический подход предполагает изучение формальных особенностей жанра. По объёму молитвы Толстого можно разделить на краткие: *Отец! Помози, настави и прими.* (2 января 1888) [2, т. 50: 19] и пространные: *Отец наш, да святится сущность Твоя, любовь, с тем, чтобы наступило царство любви, и воля Твоя о том, чтобы всё управлялось любовью (Тобою), со-*

вершалась здесь на земле, как она, в моих глазах, совершается на небе. И дай мне жизни, т. е. участия в совершении этого сейчас здесь. И уничтожь последствия моих ошибок, которые могут мешать мне, так же как я уничтожаю в своём сознании последствия видных мне ошибок других людей, могущих мешать мне любить их. И не введи меня в искушение – физическое страдание, отупление, соблазн, которые препятствуют осуществлению любви, и, главное, избавь меня от главного препятствия во мне самом – от зла в моём сердце. Да, только одно, одно нужно для этой жизни и для всей жизни, одно – любовь, увеличение её. (28 марта 1890) [2, т. 51: 32]. В дневниковых записях преобладают краткие молитвы, что является следствием действия прагматических намерений адресанта: быть лаконичным, смиренным, ничего не просить. Такие молитвы Толстой сопровождает определениями: короткий, простой и т. п. Короткая молитва: Знаю, что если я в любви, то я с Тобою. А если я с Тобою, то всё благо. Так буду же всегда любить всех в делах, словах и мыслях. (18 июня 1909) [2, т. 57: 85]. Молюсь просто: Отец, Бог, помоги мне. И он помогает. И он помогает. Нельзя Ему не помогать. Он, кого я прошу, во мне, так что молитва это значит только то, что я хочу жить Им. (4 сентября 1909) [2, т. 57: 132]. Толстой считал, что молитва может и не находить вербального выражения. Она должна объективироваться в делах, в общем любовном настрое к миру. Тенденция к сокращению находит своё выражение в создании иконической молитвы (состоящей только из букв, по смежности указывающих на слова, включённые в молитву), которая была воплощением одного из приёмов коммуникации в дискурсе Толстого: *Завтра 17 августа 1893. Хочу писать, если б.ж. (если буду жив. – Г. Т.). Это та же молитва. Надо больше молиться. Если будет трудно, то чем же поддержать себя, как не этим.* [2, т. 52: 98]

Нарративная структура молитвы Толстого отчасти соответствует традиционной: в её основе лежит императив (*даруй, помоги, настави, прими* и др). При этом функционируют высказывания с иной нарративной структурой. Например, молитвы со структурой рассуждения, которая не характерна для её обычной речевой организации: *Хочется помощи Бога. Понимать же Бога могу только любовью. Если люблю, то Он во мне и я в Нём. И потому буду любить всех, всегда, в мыслях, и в словах, и в поступках. Только в такой любви найду помощь от Бога.* (6 февраля 1909) [2, т. 57: 24].

Семантический аспект молитвы охватывает преимущественно систему ценностей языковой личности. Ключевой аксиологической доминантой для Толстого является любовь, с которой он отождествляет Бога. Ведущий принцип, отражённый в молитве: впустить внутрь себя Бога, то есть жить любя. Знаю, что если люблю, то Ты во мне и я в тебе. И потому хочу любить всегда и всех и в мыслях, и в словах, и в делах. Хочу не думать о суде людском, а делать только то, что мне перед живущим во мне Тобою должно и можно делать. Внешние события будущего скрыты от меня, но я знаю, что они совершаются по Твоей воле, и потому не хочу желать в будущем тех или иных, зная, что то, что совершается по твоей воле, всегда благо. (6 февраля 1909) [2, т. 57: 24].

Молитва относится к тем жанрам, в которых ценности эксплицированы. То, о чём просит молящийся, составляет для него самое важное в актуальный момент. В исследовании концептуальной стороны молитвы, проведённом А. С. Князевой, утверждается, что «для мужчины важными качествами являются честь, ум и физическая сила» [4: 94]. Для Толстого это твёрдая вера, надежда, спокойная совесть. Всё это формирует понятие блага в картине мира Толстого.

Большая группа молитв Толстого имеет ситуативно ориентированный характер.

А молитвы должны быть сообразны положениям – встречаю.

Так когда один и выбор что делать?:

1) помни, что жизнь только в служении, увеличении разума и любви.

2) Когда один и грустно, скучно, горько: помни, что если можешь делать дело служения, не делай противного и

3) и помни, что ты посланник.

4) Когда сходишься с человеком, помни, что наступил самый важный момент дела.

5) Когда женщина, помни, что она мать и дочь и главное человек сестра, а не самка.

6) Когда тебя оскорбили радуйся, это на пользу.

7) Когда раздражаешься, помни, что это нарушение самого святого – это себя губишь.

8) Не осуждай.

9) Когда обсуждаешь, помни свои грехи. (19 марта 1900) [2, т. 54: 17–18].

Толстой составил перечень молитв, в которых сформулировал императивы своего поведения. Тем самым, молитва в дискурсе Толстого становится средством индивидуальной программы самосовершенствования:

Вчера думал о том, что надо молиться – делать себе самовнушение, но нужно не давать молитве делаться механической и для

того надо составить ряд молитв, которые читать по очереди, хоть на 12 дней. А кроме того составить себе молитвы короткие на каждый час – при каждом бое часов вспоминать. Так например, при бое вспоминать:

1) Помни смерть: что жизнь переход к смерти, т. е. перемене;

2) Что смысл её только служение, что служения есть два: дело мысли, разума, и дело любви.

3) Что лучше ничего не делать, чем делать ничего – ложь.

4) Что присутствие всякого человека есть призыв к высшей осторожной и важной деятельности.

5) Что униженным, смиренным быть выгодно, а восхваляемым, гордым – обратное.

6) Что теперешняя минута никогда не повторится.

7) Что ничего неприятного тебе быть не может – если неприятно, то значит ты спутался.

8) Что всякое дурное, даже пустое дело вредно тем ещё, что накатывает дорожку привычке, и всякое доброе дело – наоборот.

9) Не осуждай.

10) Обсуждая поступки других людей, вспоминай свои.

11) Помни, что духовное – мир, любовь – важнее миллионов материального мира. (19 марта 1900) [2, т. 54: 16].

Ещё одним важным императивом, отражённым в молитве, является уверенность Толстого, что будущее принесёт только хорошее, поскольку всё в мире совершается по воле Бога. Бояться будущего – значит не доверять Богу, противиться его воле: *Ничего не желаю в будущем, зная, что всё, что будет, будет благо; не желаю и похвалы людской, зная, что назначение моё не в любви людей ко мне, в моей любви к ним, любви в делах, в словах, в мыслях.* (11 февраля 1909) [2, т. 57: 25].

Содержание молитв Толстого показывает, что обращение к Богу постепенно трансформируется в диалог со своим я. В молитве Толстой приходит к краткому императиву *делать что должно. Господи! Хочу, ничего не хочу для себя. Готов на страдания, на унижения, только бы знать сам с собой, что делаю то, что должно. Какое лёгкое или страшно трудное слово: что должно. Кажется, ничего больше не нужно и не хочется писать.* (11 января 1909) [2, т. 57: 9].

Прагматический аспект предполагает рассмотрение особенностей реализации высказывания, роли адресата и адресанта, типичные образцы и т. д. Толстой придавал молитве большое значение. Он считал, что молитва не должна быть механическим обра-

щением к Богу, поэтому отступал от принятых образцов. 6 ноября 1890 года он записывает: «Молитва всё усложняется и всё живая». (6 ноября 1890) [2, т. 51: 101].

Говоря о реализации молитвы, Т. В. Ицкович отмечает: «Жанры, входящие в подсистему протожанра молитвы, реализуются как в пространстве церкви во время Богослужения, так и вне церкви в личном обращении. Соответственно, оказываются задействованы категории места (церковь / не церковь), времени (Богослужение/ не Богослужение) и количества молящихся (коллективная/личная молитва)» [5: 89]. Толстой считал, что общение с Богом должно быть наедине, поэтому для себя определял единственно возможной камерную молитву, которая произносится вне церкви. Он пришёл к пониманию того, что молитва должна быть ежедневной и при этом неоднократной. Им написаны молитвы на каждый день, которые должны повторяться с определённой регулярностью. Приведём пример утренней и вечерней молитвы.

Утренняя молитва. Верю, что Бог живёт во мне и в каждом человеке, и потому хочу любить и почитать его в себе и в других и для этого не делать ничего противного Ему. Никого не обижать, не бранить, не осуждать, всем уступать, всем делать то, что себе хочешь, всех любить.

Вечерняя молитва: Верю в то, что Бог во мне и во всех людях, и потому хочу ничего не делать противного Ему, а вот сделал то-то и то-то. Подумаю, от чего я сделал это и как сделал, чтобы опять не сделать того же? (5 июня 1909) [2, т. 57: 79].

Рассматривая содержание этих молитв, мы понимаем, что в утренней молитве Толстой предупреждает себя от нарушения установленных для себя нравственных принципов, а в вечерней – пытается проанализировать совершённые поступки. Молитва для Толстого становится формой саморефлексии, самовоспитания и самосовершенствования.

В толстовской молитве специфичны представления об адресанте и адресате. В узальных православных молитвах молящийся обращается к Иисусу Христу, Богородице, святым, Богу-отцу. В молитве Толстого адресат один – Бог, причём часто не персонифицированный, а пустота, нечто, нравственный принцип. *Молитва: Хочется просить помощи у Бога. Но Бога никто же нигде же не видел, т. е. Бога мы не можем понять; не можем понять, но можем вступить в общение с Ним любовью. Если мы любим, то мы в Нём и Он в нас. Так будем же любить всех и ближних, и дальних, и любящих, и ненавидящих нас. И будем всегда любить всех и мыслью,*

и словом, и делом. В этом одном и помощь от Бога и в этом высшее благо, которое Он даёт нам. (6 февраля 1909) [2, т. 57: 23]. Для того же, чтобы жить перед Богом, нужно необходимо обращение к Нему, общение с Ним, как с личностью, хотя знаешь, что Он не личность. (3 января 1909) [2, т. 57: 4].

В случае персонифицированного обращения Толстой чаще всего прибегает к номинации Отец: Отец, помоги мне не переставая радоваться, исполняя в чистоте, смирении и любви волю твою. (13 февраля 1890) [2, т. 50: 36]. Для Толстого Бог – это отец, наставник, хозяин. Соответственно, свою роль он определяет как роль послушного сына, слуги, работника, посланника Всевышнего, который должен смиренно принимать всё то, что хочет Бог. Молитва, которой молится всегда, чтобы не впасть в напасть, для меня такая: помни, что ты посланник Бога – любви – от него исшёл и к нему идёшь. (3 ноября 1890) [2, т. 51: 102]. Молитва так же радостна, несмотря на то, что стала привычной. ... В молитве уяснилось то, что лучшую молитву, которую я теперь мог найти для того, чтобы молиться всегда, «чтобы не впасть в напасть», молитву короткую и действующую на душу, это то, что я посланный Тобой работник (раб), именно работник Твой, хочу работать Тебе Твоё дело, любить, и чтобы Ты, когда придёшь за мной, застал бы меня на работе. (18 ноября 1890) [2, т. 51: 106]. Эти представления сформировали некий инвариант, эталон молитвы. Я неверно записал сегодня 12 молитв. Не надо помолиться под ряд. Каждый час нужна только одна молитва: помоги мне служить тебе Богу. Господи, пробудись во мне и освяти меня и мою жизнь. Такой должна быть молитва ежечасная. (6 апреля 1900) [2, т. 54: 22] Помоги мне быть только Твоим работником. (10 декабря 1909), [2, т. 57: 185] Помни, ты работник дела Божьего. (15 апреля 1889) [2, т. 50: 67].

В современной коммуникативистике принята попытка классификации молитвы в соответствии с реализуемой интенцией. Т. В. Ицкович говорит о трёх видах интенций, реализуемых в молитвах: просьба (с покаянием), благодарность, хвала [2: 89]. И. В. Бугаева выделяет «...пять основных типов молитв: хвалебные, просительные, покаянные, благодарственные, ходатайственные» [6: 159], В. А. Мишланов определяет молитву-хваление, молитву-покаяние, молитву-оптатив [7: 295–296]. В. И. Карасик говорит о прощении, покаянии, восхвалении, благодарении [8: 225].

Молитвы Толстого неоднородны по своим интенциям. В дневнике он пишет: Молитва

не может быть одна и та же на все дни, на все часы. Нынче мне нужно: «помоги». А иногда нужно: «благодарю». Иногда нужно только созерцание, и иногда память о Нём и о Себе. (14 февраля 1909) [2, т. 57: 28]. Данная запись подтверждает, что Толстой чётко определял для себя интенциональные виды молитвы: просьба, благодарность, констатация. Примечательно, что последняя интенция не характерна для узуальных молитв.

Наиболее распространённый интенциональный вид молитвы Толстого – просительный. Он отличается от узуального тем, что Толстой не просит для себя материальных благ, что часто наблюдается в обычных обращениях к Богу. Главное содержание просьбы заключается в ожидании помощи от Бога в том, чтобы он принял и наставил молящегося на правильный путь. Даруй мне в твердой вере и надежде на Тебя, в любви к другим и от других с спокойной совестью и пользой для ближнего жить и умереть. Даруй мне творить добро и избегать зла; но будет со мной добро или зло, да будет пресвятая воля твоя! Даруй мне добра, истинного!» (13 июля 1854) [2, т. 47: 12]. Ключевым средством выражения данной интенции являются глаголы с семантикой просьбы в побудительных предложениях.

Второй интенциональный вид молитвы – констатация. Она связана с утверждением принципов жизни в согласии с Богом, подтверждении следования им, объективации своих намерений. Не людям, а Тебе и перед Тобою работаю, и не этой жизнью хочу жить, а всею – тою истинною, бессмертною. (21 ноября 1890) [2, т. 51: 109] Хочу жить не себе, не людям, но Тебе. (23 ноября 1890) [2, т. 51: 109]. Не хочу, или, лучше, хочу не жить для (своей похоти) своего тела теперь, не хочу жить для славы людской, хочу жить для любви божеской всегда и везде. (28 ноября 1890) [2, т. 51: 110]. Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя Твоё. Имя Твоё есть любовь. Бог есть любовь. 2) да придёт царствие Твоё. (21 июля 1890) [2, т. 51: 64]. Эта интенция выражена повествовательными предложениями, в которых утверждается какое-либо положение дел.

Третий вид молитвы – благодарственная. Заметим, что в чистом виде данная интенция не реализуется. Чаще к ней присоединяется просительная, поэтому следует говорить о полиинтенциональности молитвы этой группы (термин предложен Т. В. Ицкович) [5, с. 206]. «Боже! Благодарю тебя за Твое постоянное покровительство мне. Как верно ведёшь ты меня к добру. И каким бы я был ничтожным созданием, ежели бы ты оставил меня. Не остави меня, Боже! Напутствуй мне и не

для удовлетворения моих ничтожных стремлений, а для достижения вечной и великой неведомой, но создаваемой мной цели бытия» [2, т. 47: 42].

Во всём да будет не то, чего я хочу, и не так, как я хочу, а то, чего Ты хочешь и как Ты хочешь. Не хочу желать и ожидать чего-либо в будущем, ни успеха в деятельности, ни славы людской, ни сил телесных, ни самой жизни. Одного хочу, хочу, чтобы быть в Тебе и с Тобою, любить всегда и всех и в мыслях, и в словах, и в делах.

Таким образом, хотя молитва Толстого демонстрирует отступление от канонов православного обращения к Богу, по своему аксиологическому содержанию и интенциональному вектору она полностью соответствует христианской идеологии, выражающейся в смирении и любви. На протяжении всей жизни молитва стала для Толстого инструментом самосовершенствования, саморефлексии, выражения нравственных правил и запретов, объяснения самому себе неукоснительного следования им: *Знаю, что умираю, и в виду смерти не могу желать ничего внешнего в той жизни, из которой уйду; не могу тоже желать и похвалы от людей, потому что она не нужна умершему. Но не могу не желать и желаю одного: любить всегда одинаково всех и делом, и словом, и мыслью, всякую минуту и до последней минуты.* (11 февраля 1909) [2, т. 57: с. 25].

Заключение

Итак, Толстой под влиянием собственных религиозных взглядов переосмыслил жанр мо-

литвы. Тексты различаются по объёму: от иконических до обстоятельных, развёрнутых высказываний. Главной ценностной доминантой является любовь. Среди написанных Толстым молитв преобладают ситуативные. В них Толстой формулирует для себя нравственные императивы. Молитва становится средством самосовершенствования Толстого. Обращения к Богу эксплицируют представления Толстого о себе самом как сыне, слуге, посланнике Бога. В молитвах Толстого реализуются три интенции: просьба, благодарность, констатация. И. В. Бугаева назвала основные признаки канонической молитвы: «1) скрытая диалогичность при специфической адресности; 2) строгая тематическая обусловленность; 3) четкая композиция текста; 4) повтор и параллелизм как принцип организации текста; 5) возвышенная, устаревшая и специальная лексика, позволяющая выразить сакральное представление о мире; 6) языковая клишированность (обращения, славословие, прошения); 7) грамматическая и синтаксическая архаизация, придающая стилистическую отличительность текстам; 8) желательность-молитвенная модальность; 9) особая ритмическая организация; 10) часто анонимное авторство» [6: 163]. Молитва Толстого не соответствует ни одному из названных признаков. В молитве он обращается не только ко Всевышнему, но и к себе. Высказывания не имеют определённой композиции, они ориентированы на обывденный лексикон и грамматикон. Молитва Толстого представляет уникальный феномен объективации индивидуальной интерпретации отношения к Богу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Токарев Г. В. Диалоговая основа дневника Л. Н. Толстого // *Жанры речи*. 2022. Т. 17. № 2(34). С. 140–145. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-140-145>
2. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : РГБ, 2006.
3. Токарев Г. В. Представления Л. Н. Толстого о религии-вере // *Вестник Костромского государственного университета*. 2018. Т. 24. № 2. С. 108–110.
4. Князева А. С. К вопросу о гендерной дифференциации православных молитвенных текстов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 3, вып. 1 (69). С. 93–95.
5. Ицкович Т. В. Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы // *Жанры речи*. 2016. № 1 (13). С. 87–93.
6. Бугаева И. В. Молитва как особый жанр современной православной публицистики // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвузовский сборник научных трудов*. Орёл : ОГУ, 2006. С. 157–164.
7. Мишланов В. А. Молитва как речевой жанр // *Прямая и непрякая коммуникация : сб. науч. ст. / под*

ред. В. В. Дементьева. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 290–302.

8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

REFERENCES

1. Tokarev G. V. The dialogue basis of the diary of L. N. Tolstoy. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 140–145 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-140-145>
2. Tolstoj L. N. *Polnoe sobranie sochinenij : v 90 t.* [Complete Works : in 90 vols.] Moscow, RGB, 2006 (in Russian).
3. Tokarev G. V. Representations of L. N. Tolstoy about religion-faith. *Bulletin of the Kostroma State University*, 2018, vol. 24, no. 2, pp. 108–110 (in Russian).
4. Knyazeva A. S. On the issue of gender differentiation of Orthodox prayer texts. *Philology. Theory and Practice*, 2021, vol. 3, iss. 1 (69), pp. 93–95 (in Russian).
5. Itskovich T. V. Religious functional style in the genre aspect: To the formulation of the problem. *Speech Genres*, 2016, no. 1 (13), pp. 87–93 (in Russian).
6. Bugaeva I. V. Prayer as a special genre of modern Orthodox journalism. In: *Zhanry i tipy teksta v nauchnom*

i mediinom diskurse : mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Genres and types of text in scientific and media discourse. Interuniversity collection of scientific papers]. Orel, Orel State University named after I. S. Turgenev Publ., 2006, pp. 157–164 (in Russian).

7. Mishlanov V. A. Prayer as a speech genre. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya : sb. nauch. st. Pod.*

red. V. V. Dementyeva [Dementyev V. V., ed. Direct and indirect communication. : coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Koledzh", 2003, pp. 290–302 (in Russian).

8. Karasik V. I. *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 477 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 28.08.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 17.11.2022

The article was submitted 28.08.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 17.11.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 365–374

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 365–374

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-365-374>, EDN: BUXXJG

Научная статья

УДК 821.19-191.'04

Сюжетная символика иносказаний (на материале средневековых армянских басен)

В. И. Карасик

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Смоленский государственный университет, Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ¹профессор кафедры общего и русского языкознания; ²главный научный сотрудник Центра квантитативной филологии, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Аннотация. Рассматриваются назидательные нарративы, отражающие распространенные ситуации выхода из затруднительного положения, взаимоотношения народа и власти, а также парадоксальность и непредсказуемость бытия. Проанализированы средневековые армянские басни (XII–XIII вв.). Отношение к мироустройству в назидательных текстах сводится к напоминанию о недопустимости предательства своих, к подчеркиванию взаимосвязи между причиной и следствием событий, к ответственности за свое поведение. Значимое место в аллегориях занимают нарративы об отношении к власти. В качестве персонажей в баснях фигурируют дикие и домашние животные, воплощающие в себе узнаваемые типы людей. Показано, что сильные часто бывают жестокими, но хитростью можно одолеть их и, по крайней мере, сохранить себе жизнь. Повествования об отношении к власти в целом весьма критичны. Но когда враг угрожает стране, то народ не критикует власть, а защищает свою родину. В нарративах о человеческой природе осуждаются зависть и глупость, при этом критически оцениваются не только обманщики, но их легковверные жертвы. Основные выводимые смыслы средневековых армянских басен сводятся к важнейшим этическим и утилитарным предписаниям поведения – трезво оценивать положение дел, не поддаваться легковверию, избегать тщетных попыток изменить мироустройство и сохранять верность основным принципам достойного поведения. Содержание этих притч интертекстуально пересекается с назидательными нарративами разных народов, но отличается несомненной самобытностью, которая состоит прежде всего в призыве выжить в тяжелейших условиях существования.

Ключевые слова: аллегория, средневековая армянская басня, назидание, предписание поведения, выживание

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00339 «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”: репрезентация локального текста русской литературы» «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”»).

Для цитирования: Карасик В. И. Сюжетная символика иносказаний (на материале средневековых армянских басен) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 365–374. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-365-374>, EDN: BUXXJG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Subject plot symbolism in allegories (on the material of mediaeval Armenian fables)

V. I. Karasik

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Academician Volgin St., Moscow 117485, Russia

²Smolensk State University, 4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Abstract. The paper deals with edifications expressed in Armenian fables of the XII–XIII centuries. These narratives describe common situations of overcoming serious difficulties, interrelations between authorities and people, and paradoxical unpredictability of existence. Three main topics presented in the narratives have been analyzed – the attitudes to the world, to authorities and to human character. The general principles of the world-view comprise loyalty to one's own people, understanding the connection of cause and consequence, and emphasizing responsibility of one's actions. The attitude to authorities is mainly critical. The fables show that power makes people cruel, but sober-minded shrewd people may win or at least remain alive. In times of war people should put aside their criticism and defend their country. The narratives about human nature describe envy and stupidity, and victims of fraud are not given sympathy to. The main inferences of the mediaeval Armenian fables may be summarized as fundamental ethical and utilitarian prescriptions of behavior – a realistic evaluation of complicated situations, impermissibility of credulousness, rejection of futile attempts to change the world, and loyalty to the principles of estimable life. The content of the fables reflects universal observations as expressed in similar narratives of other cultures, but has a vivid originality which manifests itself in the appeal to survive in almost unbearable circumstances.

Keywords: allegory, mediaeval Armenian fable, edification, prescription of behavior, survival

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00339 entitled “Electronic resource “Armenian text of Russian poetry” representation of local text in Russian literature”).

For citation: Karasik V. I. Subject plot symbolism in allegories (on the material of mediaeval Armenian fables). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 365–374 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-365-374>, EDN: BUXXJG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На протяжении многих веков развивался жанр иносказательных нравоучений. Назначение таких аллегорических текстов состоит в передаче подрастающим поколениям ценного опыта выживания в неблагоприятных обстоятельствах. Известно, что прямо сказанное нравоучение часто отвергается слушателями, которые считают его самоочевидным, с одной стороны, и унижающим их достоинство, с другой стороны. Учитывая это обстоятельство, воспитатели стремились сделать свои нравоучения интересными, запоминающимися и требующими некоторых усилий для понимания. Изучение назиданий в лингвистике направлено на определение характеристик ценностной языковой картины мира [1–9].

Аллегория как способ косвенного обозначения ценностно маркированного смысла неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, обычно в качестве прототипного жанра иносказаний рассматриваются притчи [10–19]. Установлено, что основным содержанием аллегорических нравоучений является констатация правильного и неправильного поведения, при этом затруднение для их осмысления является дидактически дозированным, а их интерпретация сводится к единственному выводу. Разновидностью назидательных нарративов являются басни [20–24]. Под символом понимается ценностно насыщенный образ [25–34].

Предполагается, что сюжеты нарративных иносказаний можно разбить на определенные типы назиданий, тематически соответствующих этическим и утилитарным нормам поведения.

В качестве материала для анализа были взяты средневековые армянские басни (XII–XIII вв.)¹. Авторами этих текстов являются выдающиеся мыслители Мхитар Гош и его младший современник Вардан Айгекцский.

Отношение к мироустройству в средневековых армянских аллегориях

Приведем пример нарративного выражения главной этической нормы, содержанием которой является запрет приносить вред своим:

КУРОПАТКА И ОХОТНИК

Охотник поймал куропатку и хотел ее резать. Говорит куропатка, плача: «Не режь меня, я пригоню для тебя очень много куропаток и предам их воле твоей». И говорит ей охотник: «Сейчас ты умрешь от руки моей, ибо предаешь на смерть ближних своих и племя свое».

Поведение куропатки – это позиция трусливого предателя, который должен получить наказание. Охотник воплощает в себе коллективного носителя норм общества.

Другим выражением этой нормы является глубокое наблюдение мудрецов относительно

¹Орбели И. Басни средневековой Армении. М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1956. URL: <https://facetia.ru/node/5479>

того, что источник зла рано или поздно пострадает от этого зла:

ТОПОРЫ И ДЕРЕВЬЯ

Дровосеки взяли топоры, пошли в лес и стали рубить деревья. И говорят деревья: «Что это они делают?». А кипарис говорит: «Горе нам, братья, ибо рукоятки того, чем нас рубят, – от нас же».

Положенные в основу этой аллегории образы прослеживаются в фольклоре разных народов: *Вырос лес – выросло и топорище* (рус.), *Когда сотворено было железо, трепет страха прошел по деревьям. Но железо сказала: «Не давайте рукоятки для топора – и ни одно из вас повреждено не будет»* (Агада). В приведенной басне содержится не только констатация связи между причиной и следствием, но и совет учитывать в будущем последствия своего поведения. Аналогичный вывод содержится в следующем тексте:

ГИБЕЛЬ ОРЛА

Орел летел по небу, и поразили его стрелой. Он изумился, кто это сделал. Посмотрел, увидел стрелу и на ней свое перо, и говорит: «Горе мне, ибо вот – от меня же причина моей смерти».

Здесь речь идет не о поведении человека, а о всеобщей парадоксальной взаимосвязи вещей.

Интересный аргумент относительно ограниченности зла мы видим в следующем нарративе:

БОДЛИВЫЙ БУЙВОЛ

Буйвол пожелал забодать своего хозяина, но не смог, и роптал на бога: «Он рога мои сделал не прямыми, а развернутыми». А хозяин, отвечая, сказал: «Бог знал твой дурной нрав, ради того и придумал так вырастить тебе рога».

Из этой притчи вытекает вывод о том, что в мире есть высшая сила, препятствующая распространению зла. Этот оптимистический вывод может вызвать возражение наших современников, но он соответствует общей установке видеть смысл в жизни. Сравним: *Бодливой корове бог рог не дает* (рус.).

Заслуживает внимания сказание о том, что причиной большого зла может быть малое происшествие:

КАПЛЯ МЕДУ

Была у человека лавка и продавал он мед. Упала на землю одна капля меду, и села на нее оса, а кот прибежал и схватил осу,

а за ним погнался пес и схватил кота, а хозяин лавки ударил пса и убил его. Поблизости от этой деревни была другая, и пес был из той деревни. Как узнал хозяин пса, что лавочник его убил, прибежал и убил лавочника. Тут поднялись крестьяне обеих деревень и начали между собой великую войну, и произошло такое побоище, что остался в живых всего лишь один человек. И всё это – из-за одной капли меду.

Этот сюжет соответствует английскому фольклорному стихотворению, блестяще переведенному С. Маршаком:

For want of a nail the shoe was lost, For want of a shoe the horse was lost, For want of a horse the rider was lost, For want of a rider the battle was lost, For want of a battle the kingdom was lost, And all for the want of horseshoe nail.

ГВОЗДЬ И ПОДКОВА

Не было гвоздя – Подкова пропала. Не было подковы – Лошадь захромала. Лошадь захромала – Командир убит. Конница разбита – Армия бежит. Враг вступает в город, Пленных не щадя, Оттого, что в кузнице Не было гвоздя.

Интересно, что близкий смысл о значимой мелочи в развитии событий мы находим в сюжете фантастического рассказа Р. Брэдли о путешествии в прошлое: герой раздавил бабочку, и вся история на Земле изменилась. Назидательный смысл приведенных притч характеризует историю человечества в целом.

Заслуживает внимания призыв мудреца видеть ситуации в их развитии:

БАБОЧКИ

Бабочки, пока они порхают в воздухе, не приносят никакого вреда, но, спустившись на землю, рожают гусениц, разорителей страны.

Не все могут вовремя определить грядущую опасность, тем более, если она эстетически привлекательна.

В баснях остро осуждается претенциозное поведение:

ОСЕЛ В ЛЬВИНОЙ ШКУРЕ

Был осел, а прикинулся львом, ибо накиннул на себя львиную шкуру и издал навесел страх и даже обратил в бегство стада коров и отары овец. А когда подул сильный ветер и сорвал с него львиную шкуру, обман его стали обличать, и все приложились к нему, – одни стегали, другие били его. Ибо то был осел, а перед всеми прикидывался львом.

Мы видим, что рано или поздно обман будет раскрыт. Стремление выглядеть значительнее других вызывает осуждение, комплекс превосходства психологически свидетельствует о неадекватности мировосприятия, этически

это принижение других людей, в утилитарном плане это – ошибочное поведение, таких людей презируют. Строго осуждается и шарлатанство – обман, в основе которого лежит стремление получить выгоду, выдавая себя за специалиста:

ЛЯГУШКА-ВРАЧ

Лягушка навесила на себя ступку и банку для мази, бродила всюду и говорила: «Я врач, ученый, и от всех болезней я знаю лекарство». И собрались к ней все животные для лечения. Пришла лиса и, увидев этого врача, говорит: «Ты сама вся, от головы до пят, в бородавках и прыщах, а других врачуешь».

Заметим, что в этой басне осуждается не только лягушка, но и все животные, которые собрались для лечения. Мы видим совет: не следует быть лежачим. Различные мошенники были и будут обманывать людей, и мошенничество наказывается, но не так строго, как нам порой хочется. Причина такого положения дел – требование быть умным и внимательным. В этом нарративе разоблачителем выступает лиса, обычно изображаемая в фольклоре как хитрое животное.

Отношение к власти в средневековых армянских аллегориях

Тема равенства и неравенства всегда волновала людей:

ЛЬВИЦА И ЛИСИЦА

Львица родила львенка, и собрались все животные, чтобы повидать его и принять участие в празднестве. Приходит лиса и во время торжества, среди всего этого собрания, громко упрекнула львицу и поносила ее: «В этом ли твоя мощь, что рождаешь одного детеныша, а не многих?». Львица спокойно ответила: «Да, я рожаю одного детеныша, но рожаю льва, а не лисицу, как ты».

В этой притче наглядно показано, что качество важнее количества. Эта идея весьма актуальна и для нашего времени.

Фольклорная лиса способна учиться на чужом опыте:

ЛЕВ, ВОЛК И ЛИСА

Лев, волк и лисица побратались и, выйдя на охоту, нашли барана, овцу и ягненка. Говорит лев волку, испытывая его: «Раздели этих животных между нами». И говорит ему волк: «О царь, это сам бог разделил: баран тебе, овца – мне, а ягненок – лисе». Лев рассердился, дал пощечину волку, и выскочил у того глаза, и, присев, он горько плакал.

И говорит лев лисе: «Раздели этих животных между нами». Говорит лиса: «О царь, это сам бог разделил: баран – тебе на обед, овца – тебе на завтрак, а ягненок – тебе на ужин». И спросил лев: «О жалкая плутовка, кто тебя научил этому справедливому разделу?». Говорит лиса: «Глаза волка, что выскочили наружу, научили меня».

В этой горькой притче несколько уровней назидания. Сначала мы видим, что первый персонаж стремится справедливо разделить ресурсы, затем царь наказывает его, наконец хитрый участник этого действия говорит то, что хочет услышать хозяин положения. Первый вывод – нет смысла бороться с противником, который превосходит тебя по силам. Второй вывод – надо уметь выкручиваться из сложной ситуации. Конечно, хитрая лиса в этой басне – не пример для подражания. Не случайно лев называет лису жалкой плутовкой. Но важен третий вывод – учиться на чужом опыте лучше, чем на своем.

Впечатляет аргументация лисы в следующей притче:

ЛИСА И СОБАКИ

Спросили лисицу: «Сколько ты знаешь различных уловов?». И говорит лиса: «Сто различных уловов хвостом я применяю перед собакой. Но самая высшая моя уловка в том, чтобы ни я не видала собаки, ни собака меня».

Этот текст соответствует известному анонимному изречению: *В чем разница между умным и мудрым? Умный может найти выход из безвыходной ситуации, а мудрый в нее не попадет.*

Лиса в этих средневековых притчах часто выступает своеобразным носителем житейских истин:

МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Лев заболел, и звери спешили его проведать. Лиса запоздала, и медведь стал на нее наговаривать льву, а друзья сказали ей. Говорит лев: «Не в добрый час ты, дрянь, пришла, скажи, почему опоздала?», «Не гневайся, добрый царь, ибо, клянусь тобою, радея о здоровье твоём, посетила многих лучших врачей и узнала лекарство». И говорит лев: «Добро пожаловать, умница, что же это за лекарство?». – «Оно очень доступно и полезно! Врачи сказали: Шкуру с медведя сдерите, и, еще теплую, набросьте на льва, и тотчас боль вытянет». Лев повелел, схватили медведя, стали сдирать шкуру. Он выл, ревел, а лиса говорит: «Вот тебе, да и всем, кто, войдя во дворец, будет на Другого наговаривать».

Мы видим, что мудрец призывает признать власть царя, каким бы жестоким ни был правитель. Показательны обращения льва к лисе: сначала «дрянь», и затем «умница». Лиса сурово наказывает медведя. Мораль этой басни выражена предельно прямолинейно – не следует наговаривать на других.

Попытка освободиться от притеснений часто бывает тщетной:

СТРОПТИВЫЙ КОНЬ

Закинулся конь, не пожелал повиноваться всаднику и ускакал. И пока он блуждал, встретился ему лев, а когда он убежал от льва, повстречался медведь, а спасшись от него, конь наткнулся на волка и других подобных. И, смирившись, он возвращается к хозяину, покоряясь не ради корма, а чтобы избавиться от лютой смерти.

Мы видим, что этот персонаж смиряется со своей участью. Вероятно, такой призыв вызывает протест у многих наших современников, для которых свобода является высшей ценностью. Эта тема была очень актуальной для авторов этих басен:

ВОЛ

Вол убежал из-под ярма плуга и, будучи пойман землепашцем, был приведен на гумно, сбежав от него, был запряжен в арбу, а сбежав и от нее, – использован на многие работы, пока не убедился в невозможности бегства и, примирившись, забыл думать о нем.

Вол в этом тексте, как и строптивый конь в предыдущем, символизирует тех, кто занимает нижнюю ступень на социальной лестнице. Мудрец констатирует, что изменить несправедливое мироустройство невозможно. Вероятно, такой призыв к смирению и терпению был обусловлен как принципами патриархального порядка вещей, так и стремлением отговорить простых людей от бессмысленных и тщетных попыток восстать против такого порядка.

Заставляет задуматься следующая горькая притча:

ВДОВА И КНЯЗЬ

Был один князь, очень злой и нечестивый. Жила в том же городе вдова, и князь, требуя податей, притеснял ее, а вдова молилась, чтобы бог хранил князя от напастей. Пошли, сказали князю: «В ответ на твое зло вдова за тебя молится!». Пришел князь и сказал: «Я тебе не делал добра, почему же ты молишься за меня!». Она сказала: «Твой отец был дурной человек, я его проклинала, и он умер; ты сел на его место, а ты еще злее

его; я боюсь, что если умрешь, твой сын будет еще злее тебя».

Этот сюжет правдиво отражает развитие многих событий в прошлом и в наши дни.

Особенность цитируемых притч состоит в их трезвой оценке реальности:

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ

Собрались однажды тридцать зайцев, посоветались и сказали: «Давайте пойдем все вместе, кинемся в море, чтобы избавиться от этой горькой жизни; слишком уж слабыми создал нас бог, звери ли, птицы ли, все едят нас; лучше нам умереть, чем жить такой жизнью». Когда они бежали к морю, увидели множество лягушек, и, подняв крик, лягушки ускакали, попрыгали в воду и притаились. И, увидев еще более слабых, чем они сами, зайцы возблагодарили бога.

Действительно, какой бы трудной ни казалась нам наша жизнь, всегда есть те, кому хуже.

Вместе с тем в притчах можно найти сюжет, который противоречит обыденной логике смирения и трезвого расчета:

ДОБЛЕСТНЫЙ ВОИН

Один мудрый воин, хромою на обе ноги, шел на войну, и кто-то из воинов говорит ему: «О несчастный, достойный плача, куда ты идешь? Тебя сейчас же убьют, так как ты не можешь убежать!». А он сказал: «Брат, на войне надлежит не пускаться в бегство, а стоять, сражаться и победить».

Хромою воин, несомненно, понимает, что вряд ли уцелеет в бою. Но долг чести предписывает ему идти на войну. И хотя гибель неизбежна, его подвиг не будет напрасным, подобно тому, как в памяти человечества сохранились те 300 спартанцев, которые вступили в бой с огромной армией и спасли свой народ.

Отношение к человеческой природе в средневековых армянских аллегориях

Зависть лежит в основе многих грехов и преступлений:

ЗАВИСТНИК

Знал некий царь о своих воинах, что они втайне питают зависть друг к другу. И говорит царь одному из них: «Проси у меня какого хочешь возвеличения, чтоб я тебе воздал, но с тем, что твоему товарищу я дам вдвойне по сравнению с тобой». Говорит тот в мыслях своих: «Если я попрошу себе какого-либо блага, то он тому даст вдвойне!». И говорит царю: «Выколи мне один глаз!». Это – чтобы другому он выколол оба.

Этот сюжет повторяется в фольклоре разных народов. Вывод ясен: завистник, желая зла другому, наказывает себя в первую очередь.

Сурово осуждается глупость:

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Волки, отправив к овцам послов, говорят: «Причина непрестанных войн и упорной распри между вами и нами – собаки, ибо раздражают они нас и возбуждают против воли нашей вражду; но если они будут изъяты, то наступит мир между вами и нами и зла от нас больше не будет!». Согласились овцы, ибо они неразумны, и отвергли песью стражу, а волки, найдя их без собак, набросились и всех истребили.

У этой притчи есть несомненный политический смысл: не могут овцы жить без стражи. И не всегда в стаде есть опытный баран, который даёт мудрый совет.

Весьма важным следует признать вывод, вытекающий из следующей басни:

ПАВЛИН И ГОЛУБЬ

Собрались птицы, избрали павлина, ради красоты его, и помазали царем. Приходит голубь и говорит: «Добрый царь, если будут притеснять нас орлы, какую ты можешь дать нам помощь?».

От руководителя требуется прежде всего сила.

Оправдание несовершенства мира, в котором мы живем, не способствует радости. Но другого мира нет:

ВЕРБЛЮЖОНОК И ОСЛИК

Верблюжонок и осленок плакали и говорили своим родителям: «Горе нам голодным, снедает нас зависть: свинкам дают много ячменя, а нас прочь отгоняют». А их родители говорят: «Потерпите, придет время, когда вы их пожалеете». Настало зимнее время, стали колоть свиней. Осленок и верблюжонок услышали ужасный визг, дрожь охватила их, спросили они родителей: «Чего они визжат?». Родители повели их и показали им освежеванных свиней, а они подняли свои копытца и говорят: «Ой, посмотрите, не пристало ли хотя бы зернышко ячменя к нашим ногам, и, если пристало, снимите».

Дети, как можно видеть, оказались смывшими и сделали правильные выводы.

Распространенным сюжетом в назиданиях является нарратив, в котором показано, что нельзя терять бдительность и отказываться от своего права на защиту:

ЕЖ И ХОМЯК

Хомяк убеждал ежа: «Сына я твоего возьму на воспитание, и будем мы друзьями». А когда еж, после долгих уговоров, согласился, хомяк сказал: «Трудно его целовать, так сними же с него иголки, чтобы можно было его ласкать». И, поддавшись обману, еж сделал это, а когда отдал хомяку своего сына, тот сожрал ежика, и ничего уже нельзя было поделать. И ушел еж в великом горе.

Мы осуждаем хомяка, который обманул ежа, но и еж достоин осуждения за то, что поддавался обману.

Распространенным заблуждением является отождествление слов и дел. Весьма точно подобная ситуация показана в следующей басне:

ОВЦЫ И ВОЛК

Поднялся волк на гору и, увидев у подножья отару овец, сказал: «Мир вам!». А старейший баран говорит товарищам: «Братья, хотя и благовествуют нам мир, но – спасайтесь, кто и как может!».

Обратим внимание на то, что призыв к стаду обращает старейший баран. Действительно, мудрость приходит с опытом.

Глупость часто связана с гордыней:

ПЕТУХИ

Два петуха дрались на улице, и один победил другого. Возгордившись, он взлетел, взобрался на высокую кровлю, стал там надменно расхаживать, петь и топорщиться по случаю своей победы, гордясь ею. Но вдруг налетел орел, подхватил его и унес в небеса.

В приведенной басне четко выражен призыв к скромности.

Иногда мудрец чуть заметно улыбается, поведывая о человеческой природе:

ПЕТУХ И ЦАРЬ

Принесли петуха во дворец, чтобы пел по ночам. Царь, увидев петуха, сказал: «Все, что тебе нужно, я тебе дам, а ты пребывай чистым во дворце». Увидел царь, что петух ходил и копался во всякой грязи ногами и клювом, и говорит: «Глупец, разве я тебе не сказал: «чистым пребывай», а ты постоянно копаешься в навозе и во дворце топчешься и пачкаешь». А тот говорит: «Трудно бывает оставить привычное дело».

Отсюда следует, что нужно реалистически оценивать людей и не ждать от них безупречного поведения. Близкий выводной смысл содержится в следующей басне:

ВОЛЧОНОК И АЗБУКА

Поймали однажды волчонка, написали буквы и велели ему читать. И говорят: «Скажи Аз», а он: «Агнец». Говорят: «Скажи Буки»,

а он: «Баран». Говорят: «Скажи Глаголь», а он: «Гусь». Говорят: «Скажи Добро», а он: «Добыча». Говорят: «Скажи Есть», а он отвечает: «Если не поспешу, пройдет стадо, и не догнать будет».

Волчонок ведет себя в соответствии со своей природой.

Обратим внимание на интересный вывод о проверке соображения:

УМНЫЕ ВОРОНЯТА

Ворона собрала воронят и поучала их, говоря: «Дети мои, будьте осмотрительны, остерегайтесь человека и особенно, когда он наклоняется, чтобы поднять камень». И спрашивают ее птенцы: «Матушка, а что нам делать, если человек заранее взял камень в руку?». Мать ответила: «Ну, теперь я знаю, что вы не пропадете».

Птенцы, как можно заметить, готовы к жизни. Критерием такой готовности является их вопрос, развивающий назидание.

Интересно назидание о бессмысленности неуместных аргументов:

СОКОЛ И ГОЛУБЬ

Сокол погнался за голубем, и тот возопил: «Я ведь дар господу, не причиняй мне вреда!». А сокол ему говорит: «Дар господу пусть будет на престоле у господина, а не мотается здесь в воздухе!». И, поразив, съел его.

Не следует думать, что хищник прислушивается к упоминанию о высоких материях.

Нарративы в средневековых армянских притчах интертекстуально пересекаются по своей тематике с вечными сюжетами о том, как слабому удастся перехитрить сильного:

ВОЛК И ЯГНЕНОК

Был в хлеву прелестный ягненок, вот забрался волк и схватил его, чтобы съесть. А тот упал ему в ноги и говорит: «Бог отдал меня во власть тебе, так помилуй меня и сначала сыгрой на своей трубе, чтобы я послушал и исполнилось мое желание; ибо слышал я от отцов моих, что волчий род – великие трубачи». А тот поверил этим нелепым словам, присел и во всю глотку завыл, и вот проснулись собаки и искусали его. И убежал он, а выбравшись оттуда, присел на холме, плача и бия себя, и говорил: «Достоин я этой напасти: ну кто же сделал меня трубачом, ведь я же всегда был мясником и сыном мясника».

Волк и ягненок – традиционные образы хищника и жертвы. И хотя мы знаем, что обычно хищник пожирает свою добычу, хочется увидеть иное развитие событий. Вывод

ясен: слабому нужно быть умным, чтобы выжить. Аналогичный сюжет прослеживается и в китайской культуре: обезьяне удалось стравить двух свирепых тигров, и она наблюдает за их схваткой, сидя на дереве. Такие приемы, именуемые стратагемами, с древних времен использовались в военной и политической практике. Обратим внимание на самокритику волка, он тоже сделал для себя нужные выводы.

В цитируемых баснях можно увидеть искреннее сочувствие к тем, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы:

ОСЕЛ НА СВАДЬБЕ

Осла почтили и пригласили его на свадьбу царского сына. И говорит осел: «Я не музыкант и не мастер плясать, а потому – горе мне: знаю я, что тяжелый вьюк припасен для меня, или же нужно воды натаскать для свадьбы».

Этот персонаж не питает иллюзий в связи с приятным предстоящим событием. Он трезво оценивает свои перспективы.

Интересен текст, в котором показано решение весьма актуальной этической проблемы – следует ли наказывать за причиненный вред того, кто слишком мал:

БЛОХА И ЦАРЕВИЧ

Один царевич был ужасно измучен блохой и искусно поймал ее. Блоха говорит: «Молю, не убивай меня, ибо так мал тот вред, который я тебе причинила». А тот говорит: «Все, что в твоих силах, – ты сделала!».

Вывод ясен – блоху нужно раздавить.

В книге басен есть текст, который допускает неоднозначное толкование:

ПТИЦА И КОНЬ

У индийского царя была птица, сносившая, как яйца, жемчуг и драгоценные камни. Услыхал об этом греческий царь и пожелал ее иметь; отправил послов и просил ее себе. Тот дал, но со своей стороны попросил себе его коня, быстротой превосходившего птиц. Хотя были тяжелы эти взаимные просьбы, оба тотчас их выполнили. Но птица, прибыв в Грецию, стала сносить яйца, подобно другим птицам, а конь, достигнув Индии, захромал и вовсе не стал скакать. Царь индийский возвращает коня с резкими укорами, и, точно так же возмущенно отсылают назад птицу. А конь и птица, возвратившись на свое место, стали такими же, как и прежде.

Мы стремимся изменить обстоятельства, вторгаемся в природу и думаем, что подчиняем ее себе. Но, по словам Ф. Энгельса,

природа мстит нам за каждую одержанную над ней победу. И вернуть ситуацию в прежнее состояние, перезагрузив ее, в реальной жизни невозможно. Понятно, что люди меняют реальность. Но всегда следует учитывать, какова цена, которую приходится за это платить.

Заключение

Назначение иносказания – изложить назидание в форме, требующей некоторых усилий для понимания. По своей тематике такие нарративы отражают распространенные ситуации выхода из затруднительного положения, отношения между народом и властью, а также парадоксальность и непредсказуемость бытия. Отношение к мироустройству в проанализированных назидательных текстах сводится к напоминанию о недопустимости предательства своих, к подчеркиванию взаимосвязи между причиной и следствием событий, к ответственности за свое поведение. Значимое место

в аллегориях занимают нарративы об отношении к власти. Показано, что сильные часто бывают жестокими, но хитростью можно одолеть их и, по крайней мере, сохранить себе жизнь. Повествования об отношении к власти в целом весьма пессимистичны. В нарративах о человеческой природе осуждаются зависть и глупость, но при этом критически оцениваются не только обманщики, но их легковверные жертвы. Мудрецы, составившие свод таких басен, стремились убедить своих слушателей в необходимости трезво оценивать положение дел, не поддаваться легковверию, избегать тщетных попыток изменить мироустройство и сохранять верность основным принципам достойного поведения. Содержание средневековых армянских басен интертекстуально пересекается с назидательными нарративами разных народов, но отличается несомненной самобытностью, которая состоит прежде всего в призыве выжить в тяжелейших условиях существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абушенко В. Л. Аксиология // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / под ред. А. А. Грицанова. М. : АСТ ; Минск : Харвест ; Современный литератор, 2002. С. 21–23.
2. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta : монография. Волгоград : Парадигма, 2014. 331 с.
3. Губман Б. Л. Ценности // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб. : Университетская книга, 1998. С. 342–343.
4. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.
5. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
6. Кэган М. С. Философская теория ценности. СПб. : Петрополис, 1997. 205 с.
7. Микишина Л. А. Современное развитие понятия «ценность» // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 6–17.
8. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York : The Free Press, 1973. 438 p.
9. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. P. 1–65.
10. Аверинцев С. С. Притча // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М. : Советская Энциклопедия, 1964. С. 20–21.
11. Грасс Е. П. Аллегорический смысл в обиходном, художественном и религиозном типах дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 22 с.
12. Данилова Т. В. Архетипические корни притчи // Рациональность и семиотика дискурса. Киев : Наукова думка, 1994. С. 59–73.
13. Кушнарёва Л. И. Притча как жанр // Язык. Этнос. Сознание : материалы междунар. науч. конф. (24–25 апреля 2003 г.) / гл. ред. С. К. Беданова : в 2 т. Майкоп : Адыг. гос. ун-т, 2003. Т. 2. С. 205–208.
14. Михайлова М. Символ, аллегория, притча: На пути художественного познания мира // Знамя. 1966. № 11. С. 213–229.
15. Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Притча как средство инициации живого знания // Философские науки. 1989. № 9. С. 101–104.
16. Пихтовникова Л. С. Притча как жанр и как тип текста: проблема дефиниции // Нова філологія. 2001. № 2(11). С. 216–224.
17. Товстенко О. О. Специфика притчи как жанра художественного творчества: Притча как архетипическая форма литературы // Вестн. Киев. университета: Романо-германская филология. 1989. Вып. 23. С. 121–124.
18. Тумина Л. Е. Притча как школа красноречия: учебное пособие. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 368 с.
19. Тюпа В. И. Грани и границы притчи // Традиция и литературный процесс / отв. ред. А. Б. Соктоев. Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 1999. С. 381–387.
20. Битарова М. М. Становление и развитие жанра басни в осетинской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2010. 22 с.
21. Микова С. С. Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни: диахронический аспект исследования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 16 с.
22. Полуянова Л. Н. Лингвостилистические особенности текста басни (на материале англоязычной литературной басни) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 24 с.
23. Рудов М. А. Пути развития жанра басни в советской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1964. 23 с.
24. Холматов Ш. К. История и поэтика жанра басни в литературах народов Средней Азии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1991. 48 с.
25. Аверинцев С. С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 607–608.

26. Барляева Е. А. Символические смыслы в англоязычной лингвокультуре : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2012. 40 с.

27. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. : Искусство, 1995. 320 с.

28. Лотман Ю. М. Между эмблемой и символом // Лотмановский сборник. Т. 2 / сост. Е. В. Пермяков. М. : Издательство РГГУ, 1997. С. 416–423.

29. Пророков М. В. Категория художественного образа и проблема символа // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1987. № 4. С. 39–47.

30. Пэн Вэньжао. Символы текста и текст символа – о построении и интерпретации символики художественного текста: монография. М. : МАКС Пресс, 2016. 120 с.

31. Радионова С. А. Символ // Всемирная энциклопедия : Философия XX век. М. : АСТ ; Минск : Харвест ; Современный литератор, 2002. С. 674–675.

32. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. 128 с.

33. Шейкин А. Г. Символ // Культурология. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. М. : РОССПЭН, 2007. С. 457–458.

34. Шелестюк Е. В. Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной поэзии XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 24 с.

REFERENCES

1. Abushenko V. L. Axiology. In: *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya XX vek. Pod red. A. A. Gritsanova* [Gritsanov A. A., ed. The World Encyclopedia: Philosophy XX century]. Moscow, AST, Minsk, Harvest, Sovremennyy literator, 2002, pp. 21–23 (in Russian).

2. Vorkachev S. G. *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta : monografiya* [Implementation of Meaning: Conceptualia Selecta : A Monograph]. Volgograd, Paradigma, 2014. 331 p. (in Russian).

3. Gubman B. L. Values. In: *Kul'turologiya. XX vek. Entsiklopediya. T. 2* [Culturology. XX Century. Encyclopedia. Vol. 2]. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, 1998, pp. 342–343 (in Russian).

4. Dementyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of the Russian Culture: The category of Personality in Lexis and Pragmatics]. Moscow, Global Com, 2013. 336 p. (in Russian).

5. Zinchenko V. P. Values in the structure of consciousness. *Journal of Philosophy*, 2011, no. 8, pp. 85–97 (in Russian).

6. Kagan M. S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [A Philosophical Theory of Value]. Saint Petersburg, Petropolis, 1997. 205 p. (in Russian).

7. Mikeshina L. A. A modern development of the notion "value". *Values and Meanings*, 2009, no. 1, pp. 6–17 (in Russian).

8. Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York, The Free Press, 1973. 438 p.

9. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1992, vol. 25, pp. 1–65.

10. Averintsev S. S. Parable. In: *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. T. 6* [Concise Literary Encyclopedia.

Vol. 6]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1964, pp. 20–21 (in Russian).

11. Grass E. P. *Allegoric meaning in everyday, artistic and religious types of discourse*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2012. 22 p. (in Russian).

12. Danilova T. V. Archetype roots of a parable. In: *Ratsional'nost' i semiotika diskursa* [Rationality and Semiotics of Discourse]. Kiev, Naukova dumka, 1994, pp. 59–73 (in Russian).

13. Kushnareva L. I. Parable as a genre. In: *Yazyk. Etnos. Soznanie: materialy mezhdunar. nauch. konf. : v 2 t. Gl. red. S. K. Bedanokova* [Bedanokova S. K., ch. ed. Language Ethnicity. Consciousness: Materials of International scientific conference : in 2 vols.]. Majkop, Adyghe State University Publ., 2003, vol. 2, pp. 205–208 (in Russian).

14. Mihajlova M. Symbol, allegory, parable: Approaching artistic cognition of the world. *Znamya* [Banner], 1966, no. 11, pp. 213–229 (in Russian).

15. Muskhelishvili N. L., Shrejder Yu. A. Parable as an instrument of initiation of a living knowledge. *Philosophical Sciences*, 1989, no. 9, pp. 101–104 (in Russian).

16. Pikhtovnikova L. S. Parable as a genre and a text type: The problem of definition. *New Philology*, 2011, no. 2 (11), pp. 216–224 (in Russian).

17. Tovstenko O. O. Specificity of a parable as a genre of artistic creativity: A parable as an archetype form of literature. *Journal of Kiev University: Romaic and Germanic Philology*, 1989, no. 23, pp. 121–124 (in Russian).

18. Tumina L. E. *Pritcha kak shkola krasnorechiya: uchebnoe posobie* [Parable as a school of Rhetoric: A manual]. Moscow, Izdatel'stvo LKI, 2008. 368 p. (in Russian).

19. Tyupa V. I. Facets and borders of parable. In: *Traditsiya i literaturnyj protsess. Otv. red. A. B. Sortiev* [Sortiev A. B., ch. ed. Tradition and Literary Process]. Novosibirsk, Sibir Section of Russian Academy of Sciences Publ., 1999, pp. 381–387 (in Russian).

20. Bitarova M. M. *Formation and development of the genre "parable" in Ossetian literature*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Vladikavkaz, 2010. 22 p. (in Russian).

21. Mikova S. S. *Linguistic means of expression of cultural information in the text of Russian parable: A diachronic aspect of investigation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2011. 16 p. (in Russian).

22. Poluyanov L. N. *Linguostylistic peculiarities of the text of parable (on the material of English literary parable)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2001. 24 p. (in Russian).

23. Rudov M. A. *Directions of the development of a genre "parable" in the Soviet literature*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Alma-Ata, 1964. 23 p. (in Russian).

24. Holmatov Sh. K. *History and Poetics of the genre fable in the literature of the peoples of Middle Asia*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Tashkent, 1991. 48 p. (in Russian).

25. Averintsev S. S. Symbol. In: *Filosofskij entsiklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1983, pp. 607–608 (in Russian).

26. Barlyayeva E. A. *Symbolic meanings in English Language and Culture*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2012. 40 p. (in Russian).

27. Losev A. F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Problem of Symbol and Realistic Art]. Moscow, Iskusstvo, 1995. 320 p. (in Russian).

28. Lotman Yu. M. Between an emblem and a symbol. In: *Lotmanovskij sbornik. T. 2. Sost. E. V. Permyakov* [Permyakov E. V., comp. Lotman Collection of Articles. Vol. 2]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1997, pp. 416–423 (in Russian).
29. Prorokov M. V. A category of artistic image and a problem of symbol. *Journal of Moscow University. Ser. 9. Filologiya*, 1987, no. 4, pp. 39–47 (in Russian).
30. Peng Wengzhao. *Simvoly teksta i tekst simvola – o postroenii i interpretatsii simvoliki hudozhestvennogo teksta: monografiya* [Symbols of text and a text of symbol – on composition and interpretation of the artistic text symbolism]. Moscow, MAKS Press, 2016. 120 p. (in Russian).
31. Radionova S. A. Symbol. In: *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya XX vek* [The World Encyclopedia. XX century]. Moscow, AST, Minsk, Harvest, Sovremennyy literator, 2002, pp. 674–675 (in Russian).
32. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From a text to a symbol: Linguistic and cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow, Academia, 2000. 128 p. (in Russian).
33. Shejkin A. G. Symbol. In: *Kul'turologiya. Entsiklopediya : v 2 t.* [Culturology. Encyclopedia : in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, ROSSPEN, 2007, pp. 457–458 (in Russian).
34. Shelestyuk E. V. *Semantics of artistic image and symbol (on the material of English poetry of the XX century)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1998. 24 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 08.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 03.02.2023
The article was submitted 08.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 03.02.2023

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 375–385

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 375–385

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-375-385>, EDN: AAISBG

Научная статья

УДК [821.161.1'38:366.622]:004.738.5

**Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация в цифровую эпоху
(на материале отзывов о врачах)**

О. С. Иссерс

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, г. Омск,
пр. Мира, д. 55А

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической
и прикладной лингвистики, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

Аннотация. Анализируется влияние новых технологий коммуникативного взаимодействия в сети интернет на трансформацию речевого жанра отзыва потребителей. В качестве материала использованы отзывы о врачах и медицинских услугах на сайтах профильных сетевых изданий и форумах.

Осуществляется сопоставление современного интернет-отзыва потребителя с жанром-прототипом – отзывом в книге жалоб и предложений. Определено основное направление жанровой трансформации, обусловленное каналом коммуникации и изменением позиции адресата: интернет-отзыв приобретает все свойства публичного медиажанра, поскольку его адресат становится массовым. Изменения затрагивают и образ автора: доступ к неограниченной аудитории обуславливает трансформацию текста в сторону массмедийного и рекламного дискурсов, с их базовыми функциями воздействия и регуляции поведения и образа мыслей массового адресата.

Коммуникативно-прагматическое исследование отзыва строится на основании одного из существенных жанрообразующих признаков – интенции адресата, которая выражается, прежде всего, в положительной или отрицательной оценке медицинской услуги. Выявляются структурно-семантические модели двух типов отзывов. Анализируются тактики оценивания в текстах отзывов. Указаны коммуникативные и правовые риски, обусловленные публичным характером негативного отзыва, распространенного в сети. Отмечены прагматические характеристики положительного отзыва потребителя, сближающие его с рекламным текстом.

Ключевые слова: речевой жанр, интернет-жанр, интернет-отзыв, отзыв потребителя, отзывы про докторов, трансформация жанров, медицинский отзыв, медицинский дискурс, консьюмеристский дискурс

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, (проект № 22-2-01963 «Диалогическая коммуникация в новых медийных практиках: социокультурная, прагматическая и коммуникативная специфика»).

Для цитирования: Иссерс О. С. Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация в цифровую эпоху (на материале отзывов о врачах) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 375–385. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-375-385>, EDN: AAISBG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Speech genre of consumer reviews and its transformation in the digital age
(based on reviews of doctors)**

O. S. Issers

Dostoevsky Omsk State University, 55A Pr. Mira, Omsk 644077, Russia

Oxana S. Issers, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

Abstract. We analyze the influence of new technologies of communicative interaction on the transformation of the speech genre of consumer reviews on the Internet. The research is based on reviews of doctors and medical services taken from the websites of specialized online publications and forums.

The author compares modern Internet-reviews of the consumer with the genre-prototype – reviews in the Book of Complaints and Suggestions. The research determines the main direction of the genre transformation, connected with the communication channel and the change in the position of the addressee: the Internet review acquires all the properties of a public media genre, since its addressee becomes a mass one. The changes also affect the image of the author: access to an unlimited audience determines the transformation of the text towards the mass media and advertising discourses with their basic functions of influencing and regulating the behavior and way of thinking of the mass addressee.

The communicative-pragmatic study of the review is based on one of the essential genre-forming features – the intention of the addressee, which is expressed, first of all, in a positive or negative assessment of the medical service. The study reveals structural-semantic models of two types of reviews and analyses evaluation tactics in the texts of reviews. It is indicated that there exist communicative and legal risks due to the public nature of the negative feedback distributed on the network. The author notes pragmatic characteristics of a positive consumer feedback, which bring it closer to the advertising text.

Keywords: speech genre, Internet genre, Internet review, consumer review, reviews of doctors, genre transformation, medical review, medical discourse, consumer discourse

Acknowledgments. The reported study was funded by RSF (Project No. 22-28-01963 “Dialogic Communication in New Media: Sociocultural, Pragmastic and Communicative Features”).

For citation: Issers O. S. Speech genre of consumer reviews and its transformation in the digital age (based on reviews of doctors). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 375–385 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-375-385>, EDN: AAISBG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В человеческом общении отзыв является одним из неотъемлемых компонентов социального взаимодействия. Диалогическая сущность речевого действия *отозваться* закреплена в словарных дефинициях, где первое значение глагола относится именно к речевым действиям-реакциям: *отозваться (на что)* – ‘ответить на чей-л. зов, обращение; сказать что-л. в ответ; откликнуться’ [1]. В числе значений глагола *отозваться* лексикографы регулярно отмечают оценочный характер высказывания: в «Толковом словаре русского языка» *отозваться (о ком-чем)* – ‘высказать свое мнение, оценку’. Хорошо о. о книге [2]; в «Большом толковом словаре» под ред. С. А. Кузнецова *отозваться (о ком-чём)* – ‘высказать своё мнение о ком-, чём-л., дать какую-л. оценку кому-, чему-л’. Хорошо о. о книге. С похвалой о. об игре актёра. О. на премьеру спектакля рецензией. О. с сомнением о чьих-л. намерениях [1].

В приведенных выше дефинициях глагола *отозваться* и производного от него существительного *отзыв* фиксируется позиция субъекта, высказывающего свое мнение/оценку по отношению к определенному объекту либо ситуации. В избранном нами для исследования жанре отзыва потребителя эти параметры конкретизируются следующим образом. Субъект является потребителем определенного товара либо услуги и в связи с этим

имеет право (как этическое, так и юридическое) на выражение оценки. Коммуникативная ситуация выражения мнения в виде отзыва предполагает интерес адресата к этому мнению и реакцию на него – в одних случаях в виде изменения фрагмента картины мира (А я думал, что это надежная компания/банк/клиника!), в других – в виде последующих действий (Теперь я точно не буду к ним обращаться!). Второе обстоятельство, а именно пролонгированная реакция на отзыв в виде конкретных действий потребителя товара либо услуги, служит дифференцирующим признаком, отличающим отзыв от смежных жанров выражения мнения в ситуациях оценивания, которые характерны для сфер и жанров, не относящихся в прямом смысле к ситуации потребления, – например, рецензии, научного отзыва, высказывания члена жюри в творческом конкурсе и др.

В настоящее время вопрос о сравнительной характеристике жанров в эпоху «до Интернета» и их трансформациях в последующие периоды стал одним из самых популярных направлений генристики [3–7]. Скорость изменения технологических возможностей виртуальной среды и появление новых платформ и сервисов для интернет-общения стимулируют наблюдения за трансформацией «старых жанров» и анализ актуальных тенденций в развитии дискурсивных практик в новой коммуникативной реальности.

По мнению исследователей, традиционные жанровые структуры в неодинаковой степени оказались подвержены изменениям под давлением информационных технологий: некоторые из них сохранили «родовые черты» прототипа, у других жанрообразующие признаки претерпели существенные изменения [8–15] и др.; см. также обзор речевых жанров новых сфер общения в [16: 273–285].

В то же время функционирование в цифровых коммуникационных средах и публичность обусловили ряд типовых трансформаций традиционных жанров, затронувших один из основных жанрообразующих признаков – образ адресата, который стал массовым. В качестве одного из интегративных жанровых признаков сетевой коммуникации рассматривается установка на активную обратную связь, которая выражается в числе просмотров, лайков, комментариев, переходов, подписок и других реакций. Текст, размещенный в сети, перестает быть личным посланием одному/нескольким адресатам и приобретает свойства, характерные для массовой коммуникации. В частности, он обнаруживает такой признак коммуникативного события, как публичность. В связи с этим происходят трансформации речевого поведения «человека в сети»: выходя на массовую аудиторию, он получает почти ничем не ограниченную социальную власть – возможность влиять на своего адресата, его картину мира, шкалу ценностей, поведенческие реакции [17].

Изменение характера коммуникации в цифровой среде отразилось и в текстах интернет-отзывов, которые приобрели свойства публичного общения с массовым адресатом и тем самым – новые жанрообразующие характеристики. На примере трансформации жанра отзыва можно убедиться в справедливости коммуникативного подхода к изучению речевого жанра, сформулированного на рубеже XX–XXI вв., до расцвета виртуальной генерики, в работах К. Ф. Седова, О. Б. Сиротининой, В. В. Дементьева и др. [18–20].

Жанр отзыва потребителя, сформировавшийся задолго до интернет-эпохи, является, на наш взгляд, любопытной иллюстрацией тех процессов, которые меняют современные социальные коммуникации в обществе потребления, формируя новый тип дискурса – консьюмеристский [21]. Данные процессы имеют далеко идущие следствия не только для функционирования языка, но и для социальных практик в целом.

Материал и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили отзывы потребителей медицинских услуг, размещенные в сетевом издании «Про докторов» (<https://prodoctorov.ru/>) и на других

интернет-ресурсах – форумах потребителей, сайтах медицинских учреждений (www.Medotzyv.ru и др.).

Сама специфика речевого жанра отзыва определяет тот факт, что подавляющая часть текстов не являются нейтральными, а содержат позитивную либо негативную оценку деятельности врача либо предоставленной клиникой медицинской услуги. Общее количество проанализированного материала – более 250 отзывов. Представленность негативных отзывов в материале гораздо ниже количества позитивных оценок (по различным медицинским учреждениям процент негативных откликов составляет не более 5–8%). В данной статье мы не ставим задачу определить, насколько представленная пропорция соответствует реальным оценкам потребителей и каков процент стимулированных медицинским учреждением позитивных отзывов. Однако в качестве иллюстративного материала используем наиболее яркие примеры, демонстрирующие всю шкалу оценки деятельности докторов и предоставляемых ими услуг.

На основе коммуникативно-прагматического подхода исследование отзыва потребителя медицинских услуг строится на основании одного из существенных жанрообразующих признаков – интенции адресата, которая выражается, прежде всего, в положительной или отрицательной оценке медицинской услуги. Исходя из коммуникативного намерения автора выявляются структурно-семантические модели двух типов отзывов, в том числе их дискурсивное пересечение с практиками рекламы и антирекламы.

Основная часть

1. Жанры-прототипы отзыва потребителя в эпоху «до Интернета»

Возможность оставить отзыв о товаре, услуге является традиционной формой обратной связи в коммерческой сфере, инструментом защиты прав потребителя. Жалобные книги существовали ещё в дореволюционной России, о чем свидетельствует юмористический рассказ А. П. Чехова «Жалобная книга», который по форме и содержанию является пародией на книгу жалоб в железнодорожных кассах.

В советское время прототипическим образцом потребительского отзыва являлась Книга жалоб и предложений (позднее – Книга отзывов и предложений). Она была внедрена в различные сферы обслуживания населения, считалась документом строгого учёта и являлась в СССР средством государственного контроля за организациями, предоставлявшими различные услуги советским гражданам.

Каждое предприятие было обязано содержать на специально предусмотренном и видном месте книгу жалоб и предложений, чтобы ей мог воспользоваться любой потребитель. На обложке журнала «Огонек» за 1926 г. – один из первых жалобщиков: крестьянка пишет заявление в жалобную книгу кооператива «Серп и молот» (рисунок). Жалобы потребителей прошлых лет могут вызывать улыбку: «Подсунули севрюгу, а в меню указана белуга» – такую запись оставил пассажир-гурман в жалобной книге вагона-ресторана в начале 1930-х гг. [22].

Крестьянка пишет жалобу (архив журнала «Огонек»)

Fig. A peasant woman writes a complaint (archive of the Ogonek magazine)

Книга жалоб и предложений ВСССР служила своего рода символом советской действительности, защищенности граждан от недобросовестных производителей товаров и услуг в то же время популярным объектом юмористического осмысления. Примеры отзывов

из Книги жалоб и предложений регулярно цитировались в разделах газет и журналов «Нарочно не придумаешь», а в 1965 г. Эльдар Рязанов поставил кинокомедию «Дайте жалобную книгу»

Частично поменяв свое название (в соответствии с приказом Министерства торговли СССР от 1973 г. она стала называться «Книга отзывов и предложений»), советский образец жанра отзыва потребителя просуществовал длительный срок и в постсоветское время. Книга отзывов и предложений была отменена лишь в 2021 г., да и то не для всех организаций (Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463). В современной России регламент реагирования на отзывы клиентов продолжает существовать в традиционной бумажной и виртуальной форме – не только в виде Книги отзывов, но и комментариев на сайтах компаний, в социальных сетях и т. п.

Жанровая специфика «бумажного» варианта отзыва рассматривалась Н. В. Орловой на материале «Книг отзывов и предложений» магазинов, музеев, библиотек, выставок [23]. В качестве существенных признаков (условий) стандартной ситуации отзыва автор отмечает следующие: 1) некое положение дел вызывает у говорящего/пишущего положительную либо отрицательную эмоцию; 2) ситуация каузирована другим лицом или лицами; 3) автор отзыва желает оценочно высказаться по поводу ситуации; 4) оценка прямо или косвенно направлена на каузаторов; 5) адресатом является либо сам каузатор либо лицо, обладающее полномочиями поощрить или наказать каузатора; 6) отзыв реализуется в письменной форме [Там же: 227–228].

Исходя из указанных признаков коммуникативной ситуации, отметим важные для сопоставления советского прототипа и современного отзыва потребителя характеристики. Стимулом для написания отзыва, по мнению Н. В. Орловой, является эмоциональный триггер. С точки зрения технологий дня сегодняшнего, интернет-отзыв гораздо чаще имеет прагматическую направленность, поскольку формирует лояльность потребителей и может оказать значительное влияние на целевую аудиторию [14, 24, 25].

Применительно к практике советской и постсоветской «Книги отзывов» отмечается, что прототипической для первичного жанра отзыва является коммуникативная ситуация, когда адресат и каузатор совпадают (*Спасибо вам, уважаемые продавцы!*). Она может усложняться обращением к «вышестоящим инстанциям», и в этом случае автор пишет свой отзыв, рассчитывая на перлокутивный эффект – реакцию со стороны ответственного

лица (*Прошу объявить благодарность и поощрить...*) [23: 229].

В современной ситуации написания отзыва каузатор может быть как персонифицированным, так и обобщенным (компания, организация). В связи с этим последствия оценочного высказывания могут иметь реакцию не только в виде поощрения или наказания отдельного лица, но и приобретения компанией/организацией дополнительного публичного капитала либо потери репутации. Именно этот аспект определяет актуальность в цифровую эпоху рассматриваемого жанра для социальных и бизнес-коммуникаций.

Наиболее существенные отличия прототипа потребительского отзыва в эпоху «до Интернета» от современного обусловлены такими факторами, как публичность коммуникации и массовый адресат.

2. Интернет-отзыв как жанр виртуальной коммуникации

В цифровую эпоху отзыв потребителя является одним из действенных инструментов формирования лояльности по отношению к производителю товаров и услуг, а также потребительского спроса.

В условиях рыночной экономики необходимость в ориентации на рынке материальных и нематериальных продуктов сделала жанр отзыва особенно востребованным. Эта социальная потребность стимулировала появление специализированных интернет-площадок для обмена мнениями по поводу широкого спектра товаров и услуг: «Irecommend», «Отзовик», «Отзыв.ru» и др. [13].

Вполне закономерно, что маркетологи стремятся контролировать стихийный характер отзывов потребителей, а именно стимулировать различными способами позитивную реакцию и блокировать негативную. Отзывы потребителей являются важной составляющей стратегии позиционирования, поскольку повышают доверие к государственной либо коммерческой организации, их продукции и услугам. Это обуславливает, в свою очередь, целенаправленную деятельность компаний по получению отзывов, а также соответствующие технологии моделирования отзывов целевой аудитории, которые имитируют реакции реальных потребителей (т. н. «заказные» или «фейковые» отзывы). Согласно расследованию британской газеты The Times, более трети отзывов на TripAdvisor являются фальшивыми – их оставляют профессионалы за деньги [26]. Проблема различий реальных и смоделированных отзывов потребителей не раз становилась предметом лингвистического анализа [24, 25, 27].

В интернет-жанроведении отзыв рассматривается как один из диалогических жанров, наряду с форумными, чатами, комментариями и др. [3–5, 28]. Его диалогическая сущность определяется тем, что написание отзыва является реакцией на вербальные либо невербальные стимулы, связанные с ситуацией потребления, и, во-вторых, нацеленностью на получение реакции – как непосредственного адресата (ответа-комментария компании, уполномоченного лица), так и массовой аудитории.

Отзыв потребителя стал объектом исследовательского внимания сравнительно недавно, однако ввиду значимости этого жанра для социального взаимодействия интерес к изучению его лингвистической специфики не иссякает, а только увеличивается.

В частности, И. В. Погорелова исследует лингвосемиотические особенности интернет-отзыва и определяет специфику жанра как «размещённого в сети асинхронного речевого произведения, содержание которого составляет мнение автора о продукте или услуге» [29: 150]. Анализируя отзывы о товарах из маркетинговой категории «Красота и здоровье», размещенные на специализированных ресурсах в Интернете, автор отмечает отличительные черты рассматриваемого субжанра – некоторые клише и частотную лексику, в том числе диминутивы, а также «распространённость антропоморфной метафоры» [Там же].

Особенности языкового воплощения речевого жанра отзыва потребителя отражены в публикациях ряда авторов [13, 14, 30, 31]. Так, в исследовании М. А. Ереминой, выполненном на материале текстов отзывов о косметической и парфюмерной продукции, анализируются функциональные особенности композиционных частей отзыва. Автор приходит к выводам об усилении диалогичности жанра отзыва, «что объясняется стремлением авторов вызвать отклик у читателей, установить с ними доброжелательное общение в формате комментариев к посту» [13: 43].

Как видно из краткого обзора, наибольшее внимание отечественных исследователей привлекают отзывы, относящиеся к сфере туризма и индустрии красоты. В то же время такая значимая сфера социальной жизни, как здравоохранение, остается на периферии исследовательского интереса.

3. Отзывы о докторах: трансформация жанра в цифровую эпоху

Ключевым отличием современного интернет-отзыва потребителя от его бумажного аналога является использование сетевых технологий распространения контента, которое

оказывает существенное влияние на все жанровые характеристики.

В первую очередь следует отметить изменение типа коммуникации. Как и ранее, в доцифровую эпоху, участниками коммуникативного события остаются потребитель и производитель товара/услуги (государственная или коммерческая организация). Однако в рамках институциональной коммуникации между ними, осуществляемой в сети Интернет, происходит переход к публичному общению, со всеми характерными для новых медиа признаками, – массовым адресатом, анонимностью авторов, установкой на активную обратную связь, сложностями проверки достоверности сообщения, а также возникновением правовых последствий за распространение недостоверных сведений и др.

В связи с этим трансформируется **коммуникативная цель отзыва**: теперь она связана не только и не столько с желанием потребителя отметить производителя товара или исполнителя услуги в целях его поощрения либо наказания вышестоящей инстанцией, а со стремлением укрепить или же подорвать репутацию, привлечь клиентов либо предупредить их о низком качестве услуги. Вследствие этого меняется роль **автора отзыва**: из частного лица он становится лицом с «повышенной социальной ответственностью». Последнее находит выражение как в структуре отзыва (включение в него прямых советов и рекомендаций), так и в особенностях его языкового воплощения.

В то же время сетевое общение предоставляет автору возможность анонимного высказывания либо мистификации, что существенно влияет и на его ответственность за высказанные оценки, и на возможность проверки достоверности отзыва. Данный аспект является предметом отдельного исследования (см. об этом: [26, 32] и др.).

В интернет-отзыве существенно меняется и **позиция адресата**. В «бумажной» «Книге отзывов» объектом оценки потребителя в большинстве случаев является деятельность конкретного лица или группы лиц – «каузаторов», в терминологии Н. В. Орловой, которые также могут быть непосредственными адресатами сообщения (*Благодарю работников санатория «Восход» за отличный отдых и качественное лечение!*). В условиях публичного общения адресат отзыва становится двойственным или даже множественным: с одной стороны, это тот самый «каузатор» или лицо, уполномоченное поощрить или наказать его (*Я надеюсь, что руководство не оставит этот отзыв безответным*), а с другой –

потенциальные потребители, принимающие решение на основании прочитанных отзывов.

Таким образом, в интернет-отзыве оценивается в первую очередь деятельность компании, организации, вследствие чего работа с отзывами потребителей (особенно негативными) требует оперативной реакции и применения различных тактических маневров. Ответы на отзывы становятся дополнительным ресурсом влияния на имидж компании, привлечение покупателей и в конечном итоге ее прибыль. «Фактор будущего» в жанре цифрового отзыва по сравнению с его «бумажным» аналогом становится более весомым: это триггер для выбора коммуникативной стратегии автора и для изменения установок адресата, что закономерно находит отражение в содержании и структуре отзыва потребителя.

Содержание отзыва определяется коммуникативной целью непосредственной оценки медицинской услуги и – с учетом публичности отзыва – стратегией формирования общественного мнения об объекте оценки. К типичным коммуникативно-прагматическим приемам (тактикам) оценивания в сфере медицинских услуг относятся прямые и косвенные оценки (1–3), этикетные формулы выражения благодарности (1), рекомендации воспользоваться/не воспользоваться услугой (1–4), а также тактики обвинения и оскорбления – в случае негативного отзыва (3–4).

(1) *Обращалась 5 марта к Лобанову Артуру Дмитриевичу и 16 марта к Налобиной Маргарите Игоревне. Огромное им спасибо за оказанную помощь. Я несколько раз была у них на приеме, восхищает доброжелательность докторов, спокойная обстановка на приёме и конечно профессионализм. Рекомендую всем этих замечательных докторов и желаю им здоровья, успехов в профессии. Руководству клиники тоже спасибо за таких замечательных врачей!*¹

(2) *У меня с детства панический страх. Я боюсь двух вещей: утюга и стоматологов. Но когда я прихожу в "Семейную стоматологию" страх улетучивается. Всем рекомендую.*

(3) *Никому не посоветую данного врача. Очень грубая, не приветливая, детей просто ненавидит. Лечить соглашается только под наркозом (ребёнку 1,5 года). Вылечили 4 зуба, через полгода отвалились пломбы, она сказала снова только под наркозом будет делать. Пришли к другому специалисту, вылечили без наркоза, абсолютно спокойно, ещё и оказалось, что под ее пломбами кариес и один*

¹Орфография, пунктуация и стилистика текстов отзывов здесь и далее сохранены.

кариозной зуб она не заметила. Просто кошмар.

(4) *Доброго времени суток, врачами такие люди не должны называться (гл. врач)! Увидели заинтересованность не в оказании помощи, а в получении денег, просто бизнес и ничего более. Абсолютно спокойному, адекватному ребенку на лечение небольшого кариеса давать наркоз, это, я считаю, прикрытие своего непрофессионализма. Уверена, что лечение кариеса, которое обошлось в колоссальную сумму, это показатель не умения врача, а способа обогащения! Никому не посоветую, кто реально понимает, где лечение, а где выкачка денег прикрытая мишурой!*

Структура отзыва потребителя определяется позитивной или негативной интенцией автора. Заметим, что, в отличие от традиционной жалобы в официально-деловом дискурсе, где регламентируется формальная организация текста (по крайней мере, обязательные сведения об авторе), в сетевых отзывах отсутствует строгая формализация структуры – автор может пропустить практически любой из композиционных элементов.

В случае **положительного отзыва** структура во многом совпадает со строением коммерческого («продающего») текста, где обязательны экспликация проблемной ситуации (с отсылкой к «точкам боли» и «точкам радости»), оффер (коммерческое предложение, в результате которого проблема будет решена) и выгоды, которые приобретает потребитель [33]. Типичным для положительного отзыва является следующий набор структурных элементов:

история/проблема + разрешение проблемы/доктор-исцелитель + оценка/благодарность + выгоды/бонусы + рекомендации.

(4) *У ребенка заболел молочный зуб, сначала пришли на консультацию с вопросом лечить этот зуб или удалять (история). Врач сказал, что лечить уже не стоит, так как ребенку 11 лет, что нужно удалять (проблема). <...> В следующий прием пришли уже на удаление зуба, ребенок сам попросился в эту клинику (экспликация мотивов выбора клиники, косвенная оценка), так как очень понравилась обстановка, доброжелательное отношение персонала (оценка) и, конечно, вкусный кислородный коктейль (бонусы). Зуб удалили быстро и качественно (разрешение проблемы, оценка), а главное – почти не больно (выгоды)! После укола у ребенка была возможность выбрать вишневый кислородный коктейль и выпить его до удаления*

зуба, прямо в стоматологическом кресле. Ребенок расслабился и спокойно смотрел мультфильмы в кабинете (работа с точками боли потребителя, оценка). Мне, как родителю, понравилась обстановка в клинике, чистота и порядок, удобное расположение и система скидок по карте семейной стоматологии (выгоды, рекомендации)! <https://prodoctorov.ru/>²

Показательно, что в данном отзыве нет предложений о поощрении отдельных исполнителей – врачей-стоматологов, поскольку его коммуникативная цель иная – порекомендовать клинику потенциальным клиентам. В то же время в нем отсутствует прямая рекомендация: она содержится в имплицитных компонентах текста и может быть выведена логическим путем из развернутой позитивной оценки потребителя.

Негативный отзыв имеет несколько иную структуру. В нем необязательна история пациента (она актуальна в большей степени для «счастливого исцеления»), но, как правило, содержатся эксплицированные рекомендации не пользоваться услугами данной клиники и личный отказ от ее услуг. Причем данные «антирекомендации» могут находиться не только в заключении отзыва (что характерно для позитивных отзывов), но и в другой сильной позиции текста – в его начале (см. примеры 3, 4, 5). Стоит обратить внимание, что степень аргументации оценки в негативных отзывах потребителей варьируется – от развернутой до нулевой. Для негативного отзыва типичной является следующая структура с набором обязательных и факультативных элементов:

история неудачного лечения (факультативно) + рекомендация/совет (с указанием ФИО врача) + оценка (с аргументами или без них) + негативный результат + прогноз (отказ от услуги в будущем – факультативно) + повторная рекомендация.

(5) *Дорогие родители. Не водите сюда детей, особенно к БАА (ФИО в отзыве указаны полностью. – О. И.). Это был самый ужасный поход к стоматологу (история лечения, генерализованная оценка). Больше в эту стоматологию ни когда не придем (прогноз, антирекомендация). Я как будто попала в бесплатную поликлинику (сравнение с негативно оцениваемым объектом). Во-первых, весь сеанс лечения я слушала разговоры А. А. и её помощницы В. и (аргументация оценки). Говорили они о том, что очень хотят домой и уже поздно <...>. Также весь приём слушала какие-то не уместные и не*

²Далее примеры приводятся из указанного источника.

понятные мне шуточки про 35-ый и 36-ый зуб. Во-вторых, никакого вежливого, приветливого отношения к ребенку (аргументация оценки). Очень не профессиональный подход к детям. <...> Обычно лечимся в [...] или в [...], так что мне есть с чем сравнить (сравнение с конкурентами). Дочь не боялась стоматологов, но теперь благодаря А. А. дочь ревёт, и я не понимаю, как теперь лечить зубы (негативный пролонгированный результат). В-третьих, по поводу самого лечения, оно не задолось сразу же. <...>. Дальше поставили укол, и начали сверлить, и дочери больно. Она плачет. Врач начала повышать голос и кричать, что надо терпеть, они ещё меньше детям лечат и они не ревут. Дальше А. А. убедила нас поставить вторую анестезию, сказала, что тогда точно сможем продолжить лечение и всё это с возмущением. После второго укола всё равно дочери было больно. Дочь на тот момент уже не может успокоиться, обстановка ужасная (сценарий лечения). В итоге А. А. всё швыряет, кидает. Кричит на дочь, что иди тогда лечи под седацией, раз не можешь терпеть <...>. Я, честно говоря, в большом шоке. Ужасные специалисты работают в вашей клинике. Как можно таких врачей допускать к детям (прямая оценка). Прошу принять меры в отношении А. А. и В. (апелляция к вышестоящим инстанциям). Не хотелось бы, чтобы другие детки пострадали от такого врача (социальная ответственность в расчете на массового адресата). Очень сильно жалею, что обратилась в вашу стоматологию. Больше к вам не приду (прогноз – антирекомендация).

Распространенным маркером негативного отзыва являются генерализованные оценки (Самое худшее мое посещение стоматологии в жизни), негативные прогнозы (Не боюсь стоматологов, но после этого посещения стану) и «антирекомендации» (Это треш! Никогда и никому не порекомендую данную клинику и данного врача!). Отметим, что автор интернет-отзыва осознает публичный характер коммуникации, о чем можно судить по апелляции к потенциальному потребителю услуг: Не хотелось бы, чтобы другие детки пострадали от такого врача.

Как можно видеть из примера (5), предметом негативной оценки является не только качество медицинской услуги, но и коммуникативное поведение врача: посторонние разговоры и неуместные шутки во время приема пациента, отсутствие навыков профессионального общения с детьми, повышенный тон и эмоциональная несдержанность стоматоло-

га. Двойственность адресата интернет-отзыва (каузант и массовая аудитория) обуславливает смешение форм обращения: с одной стороны, это руководство клиники (Ужасные специалисты работают в вашей клинике; Прошу принять меры в отношении А. А. и В.; Очень сильно жалею, что обратилась в вашу стоматологию), а с другой – потенциальные клиенты (Дорогие родители. Не водите сюда детей, особенно к БАА).

Публичный характер негативного отзыва, распространенного в сети, определяет возникновение двух взаимосвязанных проблем. Во-первых, его «антирекомендательный» характер дает основания для рассмотрения репутационного и иного ущерба указанных в отзывах лиц и организаций. Во-вторых, в связи с указанием персональных данных врача возникает вопрос об отнесении этих сведений к его частной жизни, подлежащей, наравне со свободой слова и свободой информации, конституционной защите [17]. Данные обстоятельства существенно меняют жанровые характеристики традиционного жанра отзыва потребителя, определяют его пересечения с жанрами иных сфер коммуникации, не свойственных ему ранее, – массмедиа и рекламы.

Выводы

Таким образом, трансформация традиционного отзыва потребителя в условиях его функционирования в сетевой коммуникации осуществляется в направлении рекламного и массмедийного типов дискурсов. Можно говорить о тенденции к расширению объекта оценивания в отзыве потребителя: от непосредственной характеристики качества товара или услуги автор отзыва переходит к оценке условий ее приобретения, включая позитивную либо негативную оценку коммуникативного взаимодействия с производителем услуги. Типичным структурным и содержательным элементом для интернет-отзыва потребителя становится прогноз будущей лояльности к компании/организации/бренду.

Публикация в сетевых изданиях и на форумах отзывов потребителей заставляет по-новому взглянуть на коммуникативные, этические и юридические нормы публичного общения в Интернете, а также на практику взаимодействия с «рассерженными потребителями». Наблюдения за дискурсивной практикой ответов учреждений и компаний на публичные негативные отзывы позволяют увидеть перспективы исследования в дальнейшем изучении интернет-жанров в сфере потребления, формирующих современный консьюмеристский дискурс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/> (дата обращения: 12.11.2022).
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1997. 938 с.
3. Горошко Е. И. Интернет-коммуникация: проблема жанра // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел : ОГИИК, 2006. Вып. 4. С. 165–175.
4. Щипицина Л. Ю. Дигитальные жанры: проблема дифференциации и критерии описания // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: сб. науч. статей : в 2 ч. / отв. ред. О. Г. Филатова. СПб. : Роза мира, 2006. Ч. 1. С. 377–389.
5. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63), № 1. С. 105–123.
6. Чаплыгина А. О. Особенности трансформации традиционных информационных жанров журналистики в федеральных интернет-СМИ // Медиасреда. 2017. № 12. С. 302–306.
7. Осадчий М. А., Чистова Е. В. Динамика жанров СМИ в эпоху Интернета // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 73–78.
8. Горошко Е. И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи: сб. науч. тр. Вып. 4. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2007. С. 111–127.
9. Горошко Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М. : Флинта: Наука, 2012. С. 9–52.
10. Рогачева Н. Б. Язык и стиль вторичных речевых жанров: на материале Интернет-общения // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 6. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2009. С. 127–149.
11. Голошубина О. К. Разговор в мессенджере как специфический жанр Интернет-коммуникации // Вестник Омского университета. 2015. № 1. С. 208–212.
12. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медиа // Жанры речи. 2015. № 2. С. 119–127.
13. Еремина М. А. Речевой жанр отзыва в коммуникативном пространстве Интернета // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 34–45.
14. Чистова Е. В. Трансформация жанра жалобы в современной коммуникативной практике (на примере коммуникации в социальных сетях) // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2019. № 3. С. 73–79.
15. Чистова Е. В. Трансформация речевого жанра в русскоязычном сегменте Интернета (на материале жанров кинорецензии и жалобы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 24 с.
16. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с.
17. Иссерс О. С. Отзывы о медицинских услугах и их конфликтогенный потенциал в эпоху цифровизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2022. Т. 21, № 3. С. 66–76. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.6>
18. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики: Человек и текст. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1998. Вып. 27. С. 9–20.
19. Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 2. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 26–30.
20. Дементьев В. В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 3. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. С. 18–40.
21. Гусева С. В. Консьюмеристский дискурс как интеракционная модель социальной коммуникации (к определению понятия) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, вып. 5. С. 313–320.
22. Портнягина М. Nate жалобную книгу! URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3053437> (дата обращения: 14.09.2022).
23. Орлова Н. В. Коммуникативная ситуация – речевой жанр – языковая личность (на материале «Книги отзывов и предложений») // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 2. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 227–235.
24. Терских М. В. Жанр интернет-отзыва в туристическом дискурсе (маркетинговый потенциал) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 274–283.
25. Иссерс О. С. Отзыв о путешествии как жанр блогосферы: между правдой и фейком // Русский язык сегодня. Вып. 6. Одиннадцатые Шмелевские чтения (23–25 февраля 2015 г.). Речевые жанры современного общения: сб. докл. междунар. конф. М. : Азбуковник, 2015. С. 68–71.
26. Юлин Д., Игнатович Е. (2018) Почему нельзя верить отзывам в Интернете? URL: <https://www.tourdom.ru/hotline/professionalnye-otzyvy/pochemu-nelzya-verit-otzyvam-v-internete/> (дата обращения: 20.01.2023).
27. Цветкова А. А., Цветкова К. А. Отзывы потребителей как элемент интернет-маркетинга // Символ науки. 2015. № 6. С. 169–172.
28. Говорунова Л. Ю. Отзыв туриста как новый речевой жанр туристического интернет-дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 198–203.
29. Погорелова И. В. Лингвосомиотический аспект интернет-отзыва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76), ч. 3. С. 149–152. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/42.html> (дата обращения: 23.09.2022).
30. Индакова А. Н. Речевой жанр отзыва о турпоездке (на материале интернет-текстов) // Молодёжь и наука : сб. материалов VII Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, посвященной 50-летию первого полета человека в космос. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2011. <http://elbib.sfu-kras.ru/handle/2311/5840> (дата обращения: 02.08.2022).
31. Шавлохова Ф. В. Речевой жанр отзыва потребителя в интернет – коммуникации: особенности языкового воплощения // Гуманитарные научные исследования. 2019. № 5. URL: <https://human.snauka.ru/2019/05/25823> (дата обращения: 02.06.2022).

32. Ксенофонтова И. В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор : сб. статей. М. : ГРЦРФ, 2009. С. 285–291.

33. Кот Дм. Продающие тексты: модель для сборки. Копирайтинг для всех. СПб. : Питер, 2018. 192 с.

REFERENCES

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka. Pod red. S. A. Kuznetsova [Kuznetsov S. A., ed. Great explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg, Norint, 1998. 1534 p. Available at: <http://www.gramota.ru/slovari/info/> (accessed November 12, 2022) (in Russian).
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. RAS, V. V. Vinogradov IRL Publ., 4th ed.]. Moscow, Azbukovnik, 1997. 938 p. (in Russian).
3. Goroshko E. I. Internet communication: The problem of the genre. A. G. Pastukhov, ch. ed. *Genres and types of text in scientific and media discourse: coll. works*. Orel, OGIK Publ., 2006, iss. 4, pp. 165–175 (in Russian).
4. Shchipitsina L. Yu. Digital genres: The problem of differentiation and description criteria. Filatova O. G., ch. ed. *Communication and construction of social realities: Coll. works*. Saint Petersburg, Roza mira, 2006, part 1, pp. 377–389 (in Russian).
5. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual genre studies: Longstanding and controversial. *Scientific notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Ser. Philology. Social Communications*, 2011, vol. 24 (63), no. 1, pp. 105–123 (in Russian).
6. Chaplygina A. O. Features of the transformation of traditional information genres of journalism in the federal Internet media. *Media Environment*, 2017, no. 12, pp. 302–306 (in Russian).
7. Osadchiy M. A., Chistova E. V. Dynamics of media genres in the era of the Internet. *Russian Language Abroad*, 2018, no. 3, pp. 73–78 (in Russian).
8. Goroshko E. I. Theoretical analysis of Internet genres: To the description of the problem area. *Speech Genres: Coll. works*. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2007, iss. 4, pp. 111–127 (in Russian).
9. Goroshko E. I. Modern Internet communication: Structure and basic parameters. In: *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya: kol. monografiya. Pod red. T. N. Kolokol'tsevov, O. V. Lutovinovoy* [Kolokol'tseva T. N., Lutovinova O. V., eds. Internet communication as a new speech formation: Monograph]. Moscow, Flinta, Nauka, 2012, pp. 9–52 (in Russian).
10. Rogacheva N. B. Language and style of secondary speech genres: On the material of Internet communication. *Speech Genres : Coll. sci. arts*. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2009, iss. 6, pp. 127–149 (in Russian).
11. Goloshubina O. K. Conversation in the messenger as a specific genre of Internet communication. *Omsk University Bulletin*, 2015, no. 1, pp. 208–212 (in Russian).
12. Goroshko E. I., Polyakova T. L. On the construction of a typology of social media genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2, pp. 119–127 (in Russian).
13. Yeremina M. A. Speech genre of feedback in Internet communicative space. *Scientific Dialogue*, 2016, no. 5 (53), pp. 34–45. (in Russian)
14. Chistova E. V. Transformation of the genre of complaint in modern communicative practice (on the example of communication in social networks). *International Postgraduate Bulletin. Russian Language Abroad*, 2019, no. 3, pp. 73–79 (in Russian).
15. Chistova E. V. *Transformation of the speech genre in the Russian-speaking segment of the Internet (based on the genres of film reviews and complaints)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2021. 24 p. (in Russian).
16. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkie rechevye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).
17. Issers O. S. Feedback on medical services and their conflictogenic potential in the era of digitalization. *Scientific Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 66–76 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.6>
18. Sedov K. F. Anatomy of genres of everyday communication. *Issues of Stylistics : Man and text*. Saratov, Saratov State University Publ., 1998, iss. 27, pp. 9–20 (in Russian).
19. Sirotinina O. B. Some reflections on the terms "speech genre" and "rhetorical genre". *Speech Genres : Coll. sci. arts*, Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 26–30 (in Russian).
20. Dementyev V. V. Communicative genre studies: Speech genres as means of formalizing social interaction. *Speech Genres : Coll. sci. arts*. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2002, iss. 3, pp. 18–40 (in Russian).
21. Guseva S. V. Consumer discourse as an interactional model of social communication (to the definition of the concept). *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2011, vol. 14, iss. 5, pp. 313–320 (in Russian).
22. Portnyagina M. *Here is a plaintive book!* Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3053437> (accessed September 14, 2022) (in Russian).
23. Orlova N. V. Communicative situation – speech genre – linguistic personality (based on the "Book of reviews and suggestions"). *Speech Genres : Coll. sci. arts*. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 238–248 (in Russian).
24. Terskikh M. V. Internet review genre in tourism discourse (marketing potential). *Political Linguistics*, 2014, no. 4 (50), pp. 274–283 (in Russian).
25. Issers O. S. Review of the trip as a genre of the blogosphere: between truth and fake. *Russian Language Today. Iss. 6, 11th Shmelev's Readings (February 23–25, 2015)*. *Speech genres of modern communication: Coll. works*. Moscow, Azbukovnik, 2015, pp. 68–71 (in Russian).
26. Yulin D., Ignatovich E. (2018) *Why can't you trust online reviews?* Available at: <https://www.tourdom.ru/hotline/professionalnye-otzyvy/pochemu-nelzya-verit-otzyvam-v-internete/> (accessed January 20, 2023) (in Russian).
27. Tsvetkova A. A., Tsvetkova K. A. Consumer reviews as an element of Internet marketing. *Symbol of Science*, 2015, no. 6, pp. 169–172 (in Russian).
28. Govorunova L. Yu. Tourist review as a new speech genre of the tourist Internet discourse. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2013, no. 1 (292), pp. 198–203 (in Russian).
29. Pogorelova I. V. Linguo-semiotic aspect of Internet feedback. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2017, no. 10 (76), part 3, pp. 149–152. Available

st: <http://www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/42.html> (accessed September 23, 2022) (in Russian).

30. Indakova A. N. Speech genre of a review of a tourist trip (based on Internet texts). *Youth and Science: Proceedings of the 7th All-Russian scientific and technical conference of students, graduate students and young scientists dedicated to the 50th anniversary of the first flight of a man into space*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2011. Available at: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/5840> (accessed August 02, 2022) (in Russian).

31. Shavlokhova F. V. Speech genre of consumer feedback in Internet communications: Peculiarities of lin-

guistic embodiment. *Humanitarian Scientific Research*, 2019, no. 5. Available at: <https://human.snauka.ru/2019/05/25823> (accessed June 02, 2022) (in Russian).

32. Ksenofontova I. V. Specificity of communication in conditions of anonymity: Memetics, image boards, trolling. In: *Internet i fol'klor : sb. statei* [Internet and folklore : Coll. arts]. Moscow, GRTsRF Publ., 2009, pp. 285–291 (in Russian).

33. Kot Dm. *Prodayushchie teksty: model' dlya sborki. Kopiraiting dlya vseh* [Selling texts: Samples. Copywriting for everyone]. Saint Petersburg, Piter, 2018. 192 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 14.04.2023

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 14.04.2023

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 386–393

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 386–393

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-386-393>, EDN: HMFBBBS

Научная статья

УДК 811.161.1'35'38'42

Латинские графемы Z и V в интернет-жанрах

Е. Б. Штукарева

Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Россия, 119049,
г. Москва, Ленинский пр., д. 4, стр. 1

Штукарева Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент Центра русского языка, shtukareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3082-9755>

Аннотация. Сопоставляется употребление графем Z и V в русскоязычных письменных средствах массовой интернет-коммуникации различных жанров: традиционных (информационные статьи новостных интернет-порталов и сайтов региональных органов власти), коммуникативных (комментарии, сообщения, посты в социальных сетях), маркетинговых (наименования брендов, анонсы событий, продвигающие посты) двух временных отрезков, водоразделом для которых стало политическое событие, начавшееся 24 февраля 2022 г., вошедшее в язык под названием «военная спецоперация на Украине». Мы наблюдаем динамику изменения в семантике данных букв: активизация их использования, с одной стороны, продолжает традицию взаимодействия кириллицы и латиницы как механизма создания окказионализмов и средства создания экспрессии, с другой стороны, отражает такой лингвистический феномен, как расширение семантики буквы, приобретение ею идеологического значения и обращение к ней как инструменту в информационной войне. Экспрессивная графемика становится средством осуществления жанра патриотического призыва к единству, сплоченности нации, поддержке правительства, инструментом выражения гражданской позиции, а иногда и антагонистического отношения к сегодняшним политическим событиям. В ходе работы использовались общенаучные методы наблюдения, описания и сопоставления, а также метод контекстуального анализа.

Ключевые слова: интернет-жанры, литера, графема, латиница, кириллица, Z, V, специальная военная операция, информационная война, языковая игра

Для цитирования: Штукарева Е. Б. Латинские графемы Z и V в интернет-жанрах // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 386–393. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-386-393>, EDN: HMFBBBS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Latin graphemes Z and V in Internet genres

E. B. Shtukareva

National University of Science and Technology MISIS, 4, building 1 Leninsky Pr., Moscow 119049,
Russia

Elena B. Shtukareva, shtukareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3082-9755>

Abstract. The article compares the use of graphemes Z and V in written Russian Internet mass media of various genres: traditional (articles of Internet news portals and sites of regional governments), communicative (comments, messages, posts on social networks), marketing (names of brands, advertisements, event announcements, promotional posts) of two time periods, the watershed for which was the political event of February 24, 2022, which became known in the language under the name “military special operation in Ukraine”. We observe the dynamics of change in the semantics of Latin graphemes Z and V: the intensification of these letters continues the tradition of interaction between Cyrillic and Latin as a mechanism for creating occasionalisms and a means of creating expression, on the other hand, reflects such a linguistic phenomenon as the expansion of the semantics of a letter, its acquisition of ideological significance and turning to it as a tool in information war. In some cases, expressive graphemics becomes an effective means of implementing the genre of patriotic appeal, in others, it is used as a tool for expressing civic position, attitude to today’s political events. In the

course of the work, general scientific methods of observation, description and comparison, as well as the method of contextual analysis were used.

Keywords: mass media, letter, grapheme, Latin, Cyrillic, Z, V, special military operation, information war, language game

For citation: Shtukareva E. B. Latin graphemes Z and V in Internet genres. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 386–393 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-386-393>, EDN: HMFBBB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На рубеже XX–XXI вв. русисты отмечают наибольшую интенсивность и свободу использования латинских букв как особого языкового приема в средствах массовой информации, рекламных текстах, в языке Интернета, социальных сетей и мессенджеров. Целью настоящего исследования является контекстуальный анализ особенностей функционирования латинских графем Z и V (в качестве самостоятельных знаков или в составе лексем), пик активизации которых в русскоязычном масс-медиа мы наблюдаем с марта 2022 г. в связи с началом специальной военной операции на Украине. Сопоставляя факты использования букв в составе собственных наименований (никнов, псевдонимов, маркетинговых наименований некоторых компаний и брендов), а также в интернет-текстах разных жанров (новостная статья на официальных сайтах СМИ и государственных органов управления, пост в социальной сети, комментарий к статье или посту, мем, сообщение в мессенджере, художественное произведение в Сети, т. н. Сетература) до и после 24 февраля 2022 г. (дата начала операции), продолжаем фиксировать существование и взаимодействие кириллицы и латиницы и, вместе с тем, отмечаем изменения, которые происходят в семантике слов, в написании которых встречаются данные литеры: если ранее эти литеры использовались как средство создания экспрессии, языковой игры, привлечения внимания к наименованию или высказыванию, то в настоящее время экспрессивная графемика становится средством осуществления жанра патриотического призыва, своеобразного визуального способа выражения гражданской позиции, отношения к политическим событиям.

Настоящее исследование представляет интерес в контексте наблюдений за развитием языковой системы и фиксации языковых явлений в определенные исторические точки этого развития.

Методика

В лингвистической литературе интернет-жанры принято делить на два основных типа:

информационные, представляющие собой отредактированные, выверенные произведения, созданные в традиционных жанрах художественного, публицистического или научного текста, и коммуникативные, спонтанные, родившиеся и существующие только в Сети, допускающие намеренное или случайное нарушение языковых норм [1: 293]. Особое место в системе интернет-жанров занимают маркетинговые тексты, чаще всего написанные профессиональными копирайтерами с целью продвижения, скрытой или явной рекламы продукта, услуги, автора, компании в социальных сетях. Это продуманные, подготовленные тексты, которые, в сравнении с традиционными, характеризуются меньшей формализованностью и большей свободой в выборе языковых приемов создания выразительности [2: 186]. Именно коммуникативные и маркетинговые жанры, наиболее мобильные, пополняемые в ходе развития технологий новыми единицами (электронное письмо, блоги, доска объявлений, мгновенный обмен сообщениями в мессенджерах, статус и пост в социальной сети, комментарий, мем, ник, демотиватор, твиттинг и т. д.), языковое исполнение которых стремится к нестандартности, представляют собою богатейшее поле возможностей для реализации авторами своих творческих способностей, и, соответственно, интереснейший и неиссякаемый материал для исследований лингвистами. В числе приемов для создания языковой игры на просторах Интернета отмечаются аллюзии, каламбуры, обыгрывание ономастической лексики, комбинирование различных графических средств (строчных и прописных букв, знаков препинания, эмодзи, смайлов, зачеркиваний) и пр. [3: 203–236]. Латинизация, использование латинских букв в русскоязычных текстах, также является одним из механизмов создания языковой игры. Данное языковое явление исследуется лингвистами с точки зрения особенностей функционирования в текстах различных стилей и жанров [4–6] и механизмов окказионального словообразования [7, 8].

Необходимость обращения к графическим средствам чужого алфавита все реже может быть вызвана сугубо лингвистической причиной – недостаточной степенью освоено-

сти иноязычного слова, чаще всего причины связаны с намеренной манипуляцией ради привлечения внимания адресата в качестве инструмента языковой игры или «мимикрией» под иностранное наименование бренда в маркетинговых целях. При этом латинскими литерами могут передаваться как полный состав слова-варваризма (*TikTok, Faberlic, Ozon*), так и только его фрагменты (*telegram-канал, GR-менеджер* 'специалист по взаимодействию компании с органами власти', *детский лагерь KANНИКУЛЫ*). Для квалификации слов, полученных путем комбинации разных шрифтов, предлагаются разные термины: «супраграфемы, или контаминации с графически выделенным сегментом» [9], «полиграфиксаты» [10], «слова-вкладыши, или слова-матрешки», «визуальные неологизмы» [11], «гибрид» и «кентавр» [12], «инографема» [13], «графо-дериваты» [14].

Функционирование букв Z и V до начала специальной военной операции

Литеры Z и V относительно давно известны в составе собственно русских сложных прилагательных с частью *-образный* 'напоминающий внешним видом букв': *z-образный профиль, z-образный уголок, z-образный шов; v-образный двигатель, v-образный вырез, v-образный массажер*, а также как элементы различных терминов: *V-кризис* (вид экономического кризиса, названного так вследствие схожести с литерой изгиба ломаной линии графика изменения роста экономики), *Z-Wave* (беспроводная радиотехнология с низким энергопотреблением).

Наблюдаем использование буквы Z в составе большого количества имен собственных, в окружении как латинских букв, так кириллических: поп-группы *Z-Girls* и *Z-Boys*, исполнительница *A(Z)IZA*, *Z-Agency*, музыкальная группа *Земфира*, *Зотов* (псевдоним писателя-фантаста Г. А. Зотова), научно-исследовательский центр «*АУРА-Z*», *Z-Hostel* и *Z hotel* (г. Москва), *Z-monitor* (онлайн-сервис по мониторингу государственных закупок), обучающий электронный конструктор *Матрешка Z*, *Замания* (сеть развлекательных центров для детей), *dedmorozz* или просто *Z* (никнеймы интернет-пользователей). Данная буква широко известна и в типологии поколений для обозначения «цифрового» поколения людей – *поколение Z*. Весьма популярна буква Z и в качестве наименований продукции известных брендов *Nissan Z*, смартфон *Samsung Galaxy Z*, колонки *Logitech Z*. Пользователи сайта *stihi.ru* следующим образом называют свои рубрики: *uZ Закуров, paZное, немножко моей прозы*.

В 2020 г. появилось наименование вакцины *Спутник V*, в котором латинская литера

направлена на формирование положительного образа в подсознании потребителя, так как, по утверждению главы РФПИ К. А. Дмитриева, название происходит от английского *victory* и символизирует победу над болезнью (https://tass.ru/obschestvo/10348709?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com).

Весьма популярным среди современных меломанов является написание через Z слова *музыка* – как название рубрики в журнале и аккаунтов в социальных сетях, в составе наименований магазина «*Новая Музыка*», музыкальных групп «*Музыка Vetra*» и «*Троя.Музыка*», в комментариях сообществ любителей рока: *Музыка СУЩНОСТИ, Музыка МЕТАЛЛ, Музыка что надо, Кайфовая Музыка*.

Как визуальное средство отражения интонационных особенностей речи – с целью подчеркнуть, усилить интонацию просьбы – участники интернет-общения нередко предпочитают написание *PleaZZZe!*

Встречаем данную литеру и в наименованиях кинофильмов и книжных изданий: «*Шуза*» (реж. Г. Омарова, 2004), «*Война миров Z*» (реж. М. Форстер, 2013), «*Затерянный город Z*» (реж. Дж. Грей, 2016), «*Нация Z*» (американский сериал, вышедший на экраны в России в 2018 г.), «*Z*» (читается как «*Зи*», реж. Б. Кристенсен, 2019), мультипликационный сериал «*ТурбоZавры*» (реж. А. Котеночкин, 2019); «*Замуж за миллионера или брак высшего сорта*» (авторы К. Собчак и О. Робски), фантастическая диалогия С. Лукьяненко «*Квазу*» (2016) и «*КайноЗоИ*» (2018), названия компьютерных игр «*Z*», «*World War Z*», «*DayZ*»,

В работе Т. М. Григорьевой зафиксирован целый ряд примеров написания русских слов с включением в их состав буквы z: *сезон охоты, за кадром, за сценой, знакомство, кинозал, звезда, почтовоз, зачитай, засмотри, вруби музыку, из студий, живой звук, рубрика «Про жизнь, про секс»* в газете *SPEEDinfo; заметки, записки* в молодежной интернет-газете [15: 148].

В интернет-пространстве наблюдаем также неоднократное проникновение литеры V в кириллическое написание слова *человек*: *ЧЕЛОВЕК* (название рубрики в журнале «Бумеранг»), никнеймы в социальных сетях *просто-человек* (Инстаграм), *плохой хороший человек* (Живой журнал), «*Не просто челоVeк*» (название художественной выставки). В стихотворении Влада Фравати: *ЧелоVeк... ты почти... исчезающий вид, // Правит балом коронный мутант-коVид. // Прописался наVeк он в генетик'цепях. Рад? Отныне ты в дамках и ко-Ролях!*

Приведенные выше случаи употребления литер Z и V в первые десятилетия XX в. позволяют говорить об их использовании в качестве графического ресурса для наименований понятий и предметов, внешним сходством связанных с буквами, а позднее – в целях визуальной акцентации (привлечения внимания) в процессе создания имени организации, торговой марки, рубрики или как широко распространенный, «модный» в интернет-коммуникации прием сочетания латиницы и кириллицы. Использование этих литер продиктовано маркетинговыми задачами продвижения продукта, услуги, компании, своего аккаунта в социальных сетях. При этом среди других латинских букв очевидно лидерство литеры Z¹. Можно предположить, что такая ее популярность в какой-то степени связана с внешней формой буквы в виде ломаной линии. Эффектность формы буквы отмечает и С. А. Панченков: «Острые углы придают ей молниеносность и агрессивность» [16: 87]. Нельзя исключать и того, что в языковом сознании русского человека, и не только русского, еще в прошлом столетии зародилась ассоциация буквы с романтическим знаком «Зорро», связанным с всемирно известным образом непобедимого героя, защитника обездоленных, ставшим художественным персонажем многочисленных литературных и кинематографических произведений.

Функционирование букв Z и V в период специальной военной операции

Начиная с марта 2022 г. частотность употребления букв Z и V заметно выросла. Буквы Z и V стали использоваться как опознавательные знаки российской боевой техники, задействованной в ходе военной операции на Украине. 3 марта 2022 г. в средствах массовой информации появились разъяснения значений данных букв с отсылкой на страницу Министерства обороны РФ в сети Instagram (до момента ее запрещения): латинская буква Z означает «За победу», а буква V – «Сила V правде» и «Задача будет Выполнена», о чем сообщили все средства массовой информации (Москва24, Комсомольская правда, Газета.ру, РБК и др.). Однако позже Российское информационное агентство разместило на своем интернет-портале сообщение депутата Мосгордумы Е. Ступина, опровергающее данное утверждение с отсылкой к официальному ответу на запрос депутата из Министерства обороны Российской Федерации: «Данные знаки не являются официальными воинскими символами (обозначениями) и не

несут специальной нагрузки. Вместе с тем в настоящее время данные знаки узнаваемы и положительно принимаются военнослужащими и гражданами Российской Федерации, Донецкой и Луганской народных республик и многими другими» (РИА Новости, 19.05.2022) (<https://ria.ru/20220519/minoborony-1789452602.html>).

Тем не менее буквы мгновенно стали символами военной операции и, более того, элементом агитационного воздействия, способом выразить свое отношение к текущей ситуации. В знак поддержки политической линии правительства страны они появляются на страницах официальных сайтов региональных органов власти субъектов Российской Федерации, всегда – с капитализацией (написанием в качестве прописной буквы). Например: *Мордовия тоже Z! Республика присоединилась к всероссийскому флешмобу в поддержку специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР; Юнармейцы и предприниматели Кузбасса поддержали президента и военнослужащих Российской Армии; На заседании правительства Кузбасса были приняты предложения по введению новых антикризисных мер поддержки малого и среднего бизнеса в регионе; Новые налоговые льготы будут введены для кузбасских предпринимателей; Замминистра ЖКХ Забайкалья Марина Максютинина в прямом эфире расскажет о ходе голосования за благоустройство территорий на 2023 год; В Пензе состоится легкоатлетический забег «Весенняя GroZa»*. В праздничные майские дни в виде этой буквы складывается георгиевская лента на одежде участников телевизионных передач. 9 мая телеканал «Звезда» изменил свой логотип на Zvezda. Изображение буквы размещают на зданиях, автомобилях, одежде и даже на продуктах питания (пряниках, яйцах, пасхальных куличах) (<https://novayagazeta.ru/articles/2022/03/18/militari-iaitsa-pochem-desiatok>), в форме буквы высаживают цветы (https://rk.gov.ru/article/show/2022_06_06_14_47_v_simferopole_proshla_vserossiiskaia_ekologicheskaiia_aktiia_marafon_zelionyk_del). Однако, как свидетельствуют те же СМИ, есть и противники отношения к букве, проявляющие свое отношение в агрессивных действиях: *Мужчина, ударивший пенсионера за букву Z, получил 200 часов исправительных работ; Два евпаторийца били стёкла машинам с Z-наклейками; (Крымское информационное агентство, 6.05.2022, 13.05.2022), В Чебоксарах двое вандалов сломали инсталляцию в виде буквы Z (РИА Новости, 17.06.22).*

¹Лидерство буквы Z (наряду еще с одной буквой – D) в графическом иноязычии русских текстов отмечает также Т. А. Григорьева [15: 148].

Анализ текстов новостных лент, сообщений в телеграмм-канале и социальных сетях «Одноклассники», «ВКонтакте», комментариев читателей к изданию «РИА Новости», стихотворных произведений литературного интернет-портала stihi.ru весной 2022 г. позволяет говорить о следующих наиболее интересных случаях употребления латинских графем Z и V, в которых они передают положительные коннотации.

1. В никнеймах, названиях аккаунтов и интернет-сообществ, в составе логотипов на страницах социальных сетей и в мессенджерах – как выражение личной гражданской позиции поддержки политики государства: Аксёнов Z82 (С. В. Аксенов, Глава Крыма), PogoZin (Д. О. Рогозин, Генеральный директор «Роскосмоса»), Товарищ Z майор, Мать Защитников, Буква Z, Александр V Z, УладZимир КудZеліч, VZ (Деловая газета «Взгляд»), ЧП Донецк Z, Горячие Точки [Z] V, Группировка Z=)), ЕНОТЫ Новороссия Z, Мать Защитников, БогомаZ, VVVV V, Вера Орешина, Буква Z, телеканал «Zвезда», Неофициальный Безсонов «Z», Беженцы в России Z (телеграмм-канал координации помощи беженцам из Украины).

2. В составе лозунгов агитационных плакатов на улицах городов и в мемах, распространяемых в социальных сетях как орудие

пропаганды и знак поддержки военных сил России: *Заканчиваем войны, За мир, За пацанов, За детей Донбасса, За правду, За армию, За Путина, За Россию, За наших*. Как средство создания дополнительной экспрессии высказываний, построенных по такой же модели призыва, встречаем в следующих стихотворных строках современного автора: *За бабушку, За Зет и За успех, // От наказания фашистам не уйти, // За Правду, сильнее она всех, // И верим, мы на правильном пути* (А. Гунько «Русская весна», 09.04.22, www.chitalnya.ru). Примеры мемов из социальной сети приводим далее (рис. 1).

3. В интернет-мемах как механизм языковой игры для создания экспрессии и каламбуров: *Армейская Z-авиация. Вертолеты МИ-8 и МИ-24*; [Канадский снайпер] *убит русским спецназом в Мариуполе через двадцать минут после высадки*; для выражения сарказма: [Джо Байден] *Я вам денежку принес, на войнушку, на апрель*. [В. Зеленский] *Вот спасибо, молодец, только поздно, нам **Z*** (рис. 2).

4. В СМИ как прием привлечения внимания читателя в заголовках и концовках текстов: *Операция Z в Запорожье: техника сожжена, солдаты ВСУ уничтожены* (Новости восточной ленты, 28.02.2022); *Забайкалье поддерживает российских военнослужащих – «Мы Вместе!»* (Без формата. Новости Чи-

Рис. 1. Мемы как выражение поддержки Вооруженных Сил РФ

Fig. 1. Memes as an expression of support for the Armed Forces of Russia

Рис. 2. Языковая игра в мемах, поддерживающих военную спецоперацию

Fig. 2. Language game in memes supporting military special operation

ты и Забайкальского края, 03.03.22); *Да уж, чудны дела твои, Запад!..; На Западе под санкции попала буква Z* (Комсомольская правда, 27.03.2022), *Зато у нас везде буква Z* (заголовок статьи о проблемах с продуктами и лекарствами, о влиянии зарубежных санкций на жизнь в провинции, Кавказ. Реалии, 28.03.2022); *Герои спецоперации «Z»* (Комсомольская правда, 9.05.22), *Оружие операции «Z»* (Новости Удмуртии, 11.05.2022); *Спецоперация Z: хроника главных военных событий 17 июня* (RT на русском, 18.06.22).

5. В социальных сетях в качестве самостоятельной семиотической единицы, передающей значение междометия, предполагающего максимально положительную, одобряющую оценку выше сказанного в ленте комментариев: *Z Z Z !!!*

6. В комментариях к статьям в новостных лентах о запрете использовании буквы в некоторых странах зарубежья буквы позволяют авторам выразить свою иронию к обсуждаемому событию: *Где деньги, Зин?; Киркорову в Таллине запретили петь Зайка моя; Дико извиняюсь, но как теперь с правописанием у них будет, особенно у немцев, там этой буквы в словах, как блох на дворняжках; надо менять президента украины "V"ladimir "Z"elensky он прям конкретный V Z; И это не только то, что Вчера Путин заявил, мол отныне за нефть и газ из России "недружественные страны" должны платить рублями. Тут же доллар в Москве упал ниже 100 р за \$1; А не переименовать ли нам газовый поток через Украину в «Z+V»!*

Объединившись с еще одной буквой О, немногим позже появившейся на русской боевой технике, участвующей в спецоперации, литеры Z и V составили своеобразную аббревиатуру ZOV, которая употребляется в подписях к видеороликам о вооруженных силах России и в составе хештэгов: #ZOV Армия России – Мы Уверенно Идем К Победе!; ZOV-АРМИЯ РОССИИ. На Земле и V Облаках!; Z O V.РУССКИЙ ВОИН.АРМИЯ РОССИИ 2022; #ярусский #ZOV. Звуковое совпадение с омонимичным зов 'призыв, клич' усиливает его идеологическую, агитационную нагрузку и может обыгрываться в надписях на товарах патриотического содержания (рис. 3).

Нельзя не отметить, что графема z (в этом случае она может употребляться и без капитализации) встречается и как средство создания резко отрицательной коннотации в высказываниях и текстах оппозиционно настроенных авторов, в которых данная буква подчеркивает противоположный идеологический смысл и используется в текстах бранных, как знак критики, неприятия, издевки, угроз – в составе обценной лексики. Например, *люди Z из Z-страны; rozzиянин; МИД roZZии; zегист* (используется в качестве оскорбительного обращения в ленте комментариев); *России нет, есть rozzia; поZор; **Z** вам* и т. п. (рис. 3).

Таким образом, после 24 февраля 2022 г. у графем Z и V появляется самостоятельная семантика – новое символическое значение и особая экспрессивная окраска, как положительная (в большинстве случаев), так и отрицательная (в попытках намеренного обесценивания высокого оценочного значе-

Рис. 3. Языковая игра со словом ZOV в надписи на флаге

Fig. 3. Language game with the word ZOV in the inscription on the flag

ния), причины которых носят экстралингвистический характер.

Справедливо заметить, что употребление знака Z также и ранее знало случаи негативных ассоциаций: в вышеупомянутом сериале «Нация Z» поднята тема апокалипсиса, в фильме «Z» – существующий в подсознании главного героя, воображаемый персонаж Зи толкает его на совершение злых поступков.

Заключение

Латинские графемы Z и V уже давно привлекают внимание создателей окказионализмов, в гибридных словообразованиях в соседстве с кириллицей мы наблюдаем их в составе терминов, в названиях художественных произведений и других именах собственных, как составной элемент в наименованиях брендов, как пример языковой игры, с целью привлечения внимания и экспрессии. Однако весной 2022 г. политические события, исторические факты приводят к наполнению их дополнительным идеологическим смыслом, в данный момент времени они служат для передачи положительных коннотаций, реже – для создания комического эффекта или намеренного нивелирования сложившегося символического значения патриотизма, как знак негативного

отношения к событиям. Мы наблюдаем активизацию приема комбинирования латинских и кириллических литер не только в коммуникативных жанрах интернет-общения, участниками которого он был любим и ранее, но и в более сдержанном и строгом информационном жанре статьи официальных новостных порталов и сайтов государственных органов управления. Сплетение узнаваемых графических характеристик и нового смысла позволяет использовать графемы как инструмент воздействия на участника коммуникации в информационной войне, при этом обе противостоящие стороны используют их, но с противоположными коннотациями. В заголовках СМИ графемы становятся собственно наименованием военной операции на Украине, в составе предлогов *Za* и *V* в политических лозунгах, призывающих к поддержке правительства и армии, данные литеры являются символом единения народа и инструментом агитационного воздействия, в коммуникативных жанрах ника, комментария, поста, мема буквы употребляются в составе полиграфиксатов и позволяют участникам интернет-коммуникации выразить свою политическую позицию. Таким образом, латинские буквы становятся своеобразным семантическим механизмом русского языка и занимают особое место в языковой картине мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штукарева Е. Б. Языковая специфика интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / под ред. Т. Н. Колокольцевой, О. В. Лутовиновой. 4-е изд. М. : Флинта, 2016. С. 291–302.
2. Штукарева Е. Б. Языковые особенности маркетингового текста в социальных сетях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 2 (831). С. 184–194.
3. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / под ред. Т. Н. Колокольцевой, О. В. Лутовиновой. 4-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2018. 328 с.
4. Анненкова И. В. Принципы использования латинской графики в СМИ и латиницы в современном рекламном тексте // Мир русского слова. 2008. № 3. С. 41–47.
5. Беданова З. К. Лексические и графические заимствования как стилиобразующие элементы в рекламном тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2009. № 4. С. 85–90.
6. Высоцкая И. В. «Свое» и «Чужое», или взаимодействие кириллицы и латиницы в современном рекламном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. Вып. 4, ч. 2. С. 471–474.
7. Маринова Е. В. Словообразовательная деривация на базе иноязычных слов как источник новых

номинаций (на материале русского языка рубежа XX–XXI вв.) // Вестник ТГУ. Филология. 2008. № 4 (60). С. 205–209.

8. Нефляшева И. А. Иноязычные графические элементы в структуре окказионального слова // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. Вып. 76. С. 91–99.

9. Пономарева З. Н. Графический образ иноязычного слова в современных русских текстах // Мир русского слова. 2001. № 2. С. 75–77.

10. Попов Т. В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начале XXI в. // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М. : МАКС Пресс, 2007. С. 230–231.

11. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 509 с.

12. Крысин Л. П. Слова-«кентавры» // Русский язык в школе. 2010. № 9. С. 76–81.

13. Алиева В. В. К вопросу о реализации межъязыковой игры через гибридизацию языковых единиц // Университетские чтения – 2015: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск : ПГЛУ, 2015. С. 130–136.

14. Попова Т. В., Галактионов А. П. Способы образования графодериватов в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. Вып. 5, ч. 1. С. 313–317.

15. Григорьева Т. М. Латиница против кириллицы и *vice versa* // Кириллица – латиница – гражданца:

коллективная монография / под ред. Т. В. Шмелевой. Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. С. 136–150.

16. Панченков С. А. Литеры «z» и «v» как символы специальной военной операции // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 1 (39). С. 85–90.

REFERENCES

1. Shtukareva E. B. Language Specificity of Internet Communications. In: *Internet-kommunikatsiia kak novaia rechevaia formatsiia: kollektivnaya monografiya. Pod red. T. N. Kolokol'tsevoy, O. V. Lutovinovoy* [Kolokol'tseva T. N., Lutovinova O. V., eds. Internet communication as a new speech formation: A collective monograph. 4th ed.]. Moscow, Flinta, 2016, pp. 291–302 (in Russian).
2. Shtukareva E. B. Linguistic features of marketing text in social networks. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2020, iss. 2 (831), pp. 184–194 (in Russian).
3. *Internet-kommunikatsiia kak novaia rechevaia formatsiia: kollektivnaya monografiya. Pod red. T. N. Kolokol'tsevoy, O. V. Lutovinovoy* [Kolokol'tseva T. N., Lutovinova O. V., eds. Internet communication as a new speech formation: A collective monograph. 4th ed.]. Moscow, Flinta, Nauka, 2018. 328 p. (in Russian).
4. Annenkova I. V. Principles of using Latin graphics in the media and Latin in modern advertising text. *The World of the Russian Word*, 2008, no. 3, pp. 41–47 (in Russian).
5. Bedanokova Z. K. Lexical and graphic borrowings as style-forming elements in advertising text. *Bulletin of the Adyge State University. Philology and Art History*, 2009, no. 4, pp. 85–90 (in Russian).
6. Vysotskaya I. V. "Own" and "Alien", or the interaction of Cyrillic and Latin in modern advertising text. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University of N. I. Lobachevsky*, 2010, iss. 4, part 2, pp. 471–474 (in Russian).
7. Marinova E. V. Word-building derivation on the basis of foreign words as a source of new nominations (based on the Russian language at the turn of the 20th–21st centuries). *Bulletin of TSU. Philology*, 2008, no. 4 (60), pp. 205–209 (in Russian).
8. Nefliasheva I. A. Foreign graphic elements in the structure of an occasional word. *Bulletin of the Stavropol State University*, 2011, iss. 76, pp. 91–99 (in Russian).
9. Ponomareva Z. N. Graphic image of a foreign word in modern Russian texts. *The World of the Russian Word*, 2011, no. 2, pp. 75–77 (in Russian).
10. Popova T. V. Graphoderivation in Russian word-formation of the late XX – early XXI century. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo iazyka: trudy i materialy* [Russian Language: Historical Destinies and Modernity: III International Congress of Russian Language Researchers: Proceedings and Materials]. Moscow, MAKS Press, 2007, pp. 230–231 (in Russian).
11. Marinova E. V. *Foreign words in Russian speech of the late 20th – Early 21st centuries: Problems of mastering and functioning*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2008. 509 p. (in Russian).
12. Krysin L. P. Words–"centaurs". *Russian Language at School*, 2010, no. 9, pp. 76–81 (in Russian).
13. Alieva V. V. To the question of the implementation of an interlingual game through the hybridization of language units. *University Readings – 2015: Materials of scientific and methodological readings in PSLU*. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2015, pp. 130–136 (in Russian).
14. Popova T. V., Galaktionov A. P. Methods for the formation of graph derivatives in modern Russian. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University of N. I. Lobachevsky*, 2011, iss. 5, part 1, pp. 313–317 (in Russian).
15. Grigor'eva T. M. Latin against Cyrillic and vice versa. In: *Kirillitsa – latinitsa – grazhdanitsa: kollektivnaia monografiia. Pod red. T. V. Shmelevoi* [Shmeleva T. V., ed. Cyrillic – Latin – Citizen: A collective monograph]. Velikii Novgorod, NovGU imeni Iaroslava Mudrogo Publ., 2009, pp. 136–150 (in Russian).
16. Panchenkov S. A. Letters "z" and "v" as symbols of a special military operation. *Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov*, 2022, no. 1 (39), pp. 85–90 (in Russian).

Поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 22.07.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 22.07.2022; accepted for publication 29.08.2022

ПЕРЕВОДЫ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 394–405

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 394–405

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-394-405>, EDN: HMJOYA

Научная статья

УДК 81'22+14

Является ли язык знаковой системой? (Ленин, Соссюр и теория иероглифов)**Патрик Серио**

Лозаннский университет, CH-1015 Лозанна, Швейцария

Патрик Серио, Ph.D., почетный профессор, Лозаннский университет, patrick.seriot@unil.ch,

<https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>

Аннотация. Данная статья преследует одновременно две цели: отвечает на вопрос: каким образом можно глубже узнать интеллектуальную жизнь Советского Союза 1930–1950-х гг.? И на вопрос: что яростная антисоссюрианская критика в России того времени может сказать нам о специфике марксистско-ленинской теории знака?

Мы предложим здесь явно узкий подход: повторяющаяся тема этой критики, а именно то, что «Курс» Соссюра представляет «теорию иероглифов» (или символов) – некую разновидность буржуазно-идеалистической теории, на которую Ленин нападал в своей книге 1909 г. «Материализм и Эмпириокритицизм» о Э. Махе и которую некоторое время поддерживал Плеханов.

Но размышления об иероглифах основаны на гораздо более старых спорах о расшифровке египетской письменности, восходящих к XVII веку. Проблема, которая здесь возникает, носит семиотический характер: речь идет о скалярной оппозиции между прозрачностью и непрозрачностью знака. Знак скрывает или раскрывает?

Советский дискурс о языке и знаках 1930–1950-х гг., по-видимому, полностью основан на исследовании отношений знак/референт, язык/мысль, форма/содержание.

Часть истории семиотики, таким образом, можно обнаружить в критике «теории иероглифов», малоизвестного эпизода в споре об интерпретации соссюрианства.

Ключевые слова: эпистемология, иероглифы, Кант, Ленин, советское языкознание, марксизм, онтология, Соссюр, теория познания

Оригинал: *Sériot Patrick*. Is language a system of signs? (Lenin, Saussure and the theory of hieroglyphics). *Sign Systems Studies* 50(1), 2022, 143–162.

Для цитирования: *Серио П.* Является ли язык знаковой системой? (Ленин, Соссюр и теория иероглифов) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 394–405. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-394-405>, EDN: HMJOYA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Is language a system of signs? (Lenin, Saussure and the theory of hieroglyphics)**Patrick Sériot**

University of Lausanne, CH-1015 Lausanne, Switzerland

Patrick Sériot, patrick.seriot@unil.ch, <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>

Abstract. This paper strives to pursue two goals at the same time:

– how can one get to know in depth the intellectual life of the Soviet Union in the 1930s–50s?

– what can the virulent anti-Saussurean criticism in Russia at that time tell us about the specificity of the Marxist-Leninist theory of sign?

© Серио Патрик, 2023

© Дубровская О. Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Саратовский государственный университет, 2023

We will propose here an apparently narrow angle of attack: the recurring theme of this criticism, namely that Saussure's Cours presents a "theory of hieroglyphics" (or symbols), therefore a type of bourgeois idealist theory that Lenin assailed in his 1909 book *Materialism and Empiriocriticism* about E. Mach, and which was upheld for a time by Plekhanov.

But thinking about hieroglyphics is based on much older controversies, dating back to the 17th century about the deciphering of Egyptian writing. The issue which arises here is semiotic in nature: it is the scalar opposition between transparency and opacity of the sign that is at stake. Does the sign hide or reveal?

The Soviet discourse on language and signs in the 1930s–50s seems entirely to be based on an interrogation of the sign/referent, language/thought, form/content relationship.

A part of the history of semiotics can thus be discovered from the critique of the "hieroglyphic theory", a little-known episode in a debate on the interpretation of Saussurism.

Keywords: epistemology, hieroglyphics, Kant, Lenin, Soviet linguistics, Marxism, ontology, Saussure, theory of knowledge

For citation: Patrick Sériot. Is language a system of signs? (Lenin, Saussure and the theory of hieroglyphics) *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 394–405 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-394-405>, EDN: HMJOYA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В так называемом «западном» мире представление о том, что язык есть знаковая система, преподносится как нечто основополагающее. Все университетские учебники и программы, какой бы ни была их направленность, основаны на этом исходном пункте. Ф. де Соссюр, включивший лингвистику в «семиологию», является, таким образом, основоположником этого почти единодушного подхода.

Однако было время и место, где это предположение – или эта очевидность – подвергалось агрессивным нападкам: Советский Союз 1930–1950-х гг.¹ Советское языкознание тех лет выдвигает серьезное возражение против тезиса о том, что язык есть знаковая система, против буржуазно-идеалистического тезиса, называемого «теорией иероглифов».

Соссюр здесь был представлен как пропагандист «теории иероглифов в языкознании», крайне малоизвестной темы в лингвистической литературе на «Западе». Возражение против теории Соссюра поднимает, на мой взгляд, эпистемологическую проблему первостепенной важности, которая нуждается в обсуждении.

Что означает теория иероглифов в языкознании? Сначала следует проследить терминологический и концептуальный этапы дискуссии об интерпретации египетских иероглифов, затем исследовать идеологический и философский контекст метафорического употребления термина в советском марксизме и, наконец, рассмотреть аргументы советской критики теории знаков через это понятие иероглифа. Таким образом мы надеемся продви-

нуться в знании как Соссюра, так и советского интеллектуального контекста, который сделал такое прочтение возможным. Именно этот контекст заслуживает самого пристального внимания из-за столкновения между семиотикой и теорией познания. Таким образом, в критике «теории иероглифов» раскрывается важная часть истории семиотики, степень значимости которой в СССР контрастирует с ее полным игнорированием на Западе.

Беспрецедентная ассоциация Соссюра с иероглифами свидетельствует о характере советской культурно-интеллектуальной, а также политико-идеологической среды 1930–1950-х гг. Более общая тема рефлексии о языке и знаке в России вызывает, в свою очередь, сравнение в пространстве и времени: является ли интеллектуальная жизнь в России частью так называемой «западной традиции»? Если да, то почему этот вопрос так часто исключается из этой традиции? Если нет, то в чем его специфика? И, с другой стороны, существует так много параллелей с другой эпохой, когда задавались вопросом о природе и происхождении языка, а именно с XVII и XVIII вв. в Европе, что сравнение представляется уместным.

Мы коснемся лишь малой части этих многочисленных вопросов, а именно трактовки соссюровской лингвистики как «теории иероглифов» в СССР вплоть до постепенного угасания сталинской эпохи в середине 1950-х гг.

1. Знак вещи, знак идеи или знак слова?

На карту здесь поставлено не определение того, что такое иероглиф (многочисленные

¹До «Великого перелома» 1929 г. дискуссии о языке и знаках были более разнообразными, более открытыми, менее связанными с идеологическими вопросами.

учебники прекрасно отвечают на этот вопрос, см., например, [1]), а воссоздание аргументативного использования этого вопроса на протяжении всей истории споров о знаке в европейской культуре, в ее непрекращающихся метафорических сдвигах. При крайней многозначности слова «иероглиф» множество интерпретаций вращается вокруг прозрачности или непрозрачности знака.

Направления размышлений о египетских иероглифах после того, как ключ к их прочтению был утерян примерно в IV в. нашей эры, можно сгруппировать в несколько тем. Иероглиф означает:

- 1) то, что трудно понять, но когда-нибудь можно надеяться расшифровать;
- 2) то, что имеет скрытый смысл только для посвященных, хотя поэтому и поддается расшифровке;
- 3) то, что не имеет смысла (бесполезно тратить время на то, чтобы это понять);
- 4) то, что заведомо обманывает;
- 5) то, что в своей кажущейся крайней неясности открывает доступ к высшему смыслу, невыразимому на человеческом языке.

В основном знак либо *скрывает*, либо *раскрывает*.

1.1. Мир тишины

Каковы бы ни были нюансы этих обширных теоретических размышлений, до открытия Шампольона (1824 г.) [2] общее мнение таково, что иероглифы выражают не слова естественного языка, но *вещи* или *идеи*. В классическом треугольнике слово/понятие/вещь первый из этих терминов удален. Таким образом, иероглифическое письмо рассматривается как пазиграфия, универсальная система обозначений, абсолютно не связанная с конкретным языком. Эту пазиграфию можно свести к понятию пиктограммы (представление конкретной вещи упрощенным схематическим рисунком) или идеограммы (символа, представляющего абстрактную идею).

Спор в платоновском диалоге Кратил о φύσις (природа) и θέσις (условность), ранее считавшийся законченным Аристотелем в пользу произвольности знака, смещается и растворяется в идеографии, за пределами устных языков. Можно назвать несколько причин сдвига в этом вопросе примерно в XVI в.

С открытием внеевропейских культур, утратой гегемонии латыни как универсального языка общения, подъемом национализма, влиянием «языкового вопроса» Данте и протестантской Реформации на размышления о языке вообще и о национальных языках противоречиво вызывают как эйфорию, так и недоверие к словам, на которые возлагается ответственность за недостатки философии

и теологии. Некоторые цепляются за идею, что истина может быть выражена только с помощью эмблем, девизов, символов и печатей [3–8].

Неоплатонический ренессанс XV в., выражающийся, например, в творчестве Марсилио Фичино (1433–1499) очарован герметичным видением тайного письма в Египте фараонов, способного выразить непостижимую природу божественного мира. Неясность иероглифики привлекала тех, кто считал недискурсивное мышление выше человеческого языка, как мысль бессловесную, составленную из безмолвных образов, передачу реальности, превосходящей то, что непосредственно доступно чувствам. Этот идеал языка без слов был живучим мифом в рассуждениях о языке до сегодняшнего дня и даже в марксистской лингвистике в СССР, см. ниже и [9].

Увлечение иероглифами и неправильное их толкование в XVI–XVIII вв. можно понять только в контексте центральной проблемы того времени: кризиса толкования божественного Слова или утраты уверенности в силе слов представлять вещи. Тогда на помощь этой тревоге приходит идеал прямого видения: рисунок идет более коротким путем, чем фонографическое письмо, но в то же время он более открыт для интерпретации, потому что всё может представлять нечто другое (*aliqui stat pro aliquo*): *всё есть знак*.

Таким образом, развивается аллегорическая семиотическая концепция: в XVI в. мир, созданный Богом, представлен как набор знаков, подлежащих интерпретации: денотаты (= вещи) сами являются знаками. Всё есть знак, ожидающий расшифровки, это учение о *Божьих подписях*. Но это недоверие к словам сочетается с непоколебимой уверенностью в возможности достижения высшей истины, недостижимой словами человеческих языков. Здесь язык образов – не непосредственное представление вещей, а набор символов невыразимого. И именно потому, что неясность открывает путь множественным интерпретациям, она открывает доступ к миру, недоступному для слов языка: *знак говорит больше, чем сама вещь* (денотат).

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) отождествлял иероглифы с жестами: подобно им, знаки прямо обозначают вещи, потому что имеют с ними *сходство*. Каким-то образом они их заменяют [10]. Это идеал мотивированного языка, не имеющего абстрактного характера системы условных знаков.

Итак, возникает двойственный, противоречивый и парадоксальный подход к иероглифу. Это система прозрачных знаков, которые прямо обозначают денотат, но в то же время именно их непрозрачность позволяет нам

узреть высшую реальность, недоступную словам в человеческих языках.

Чисто иконическая, пиктографическая интерпретация иероглифов (знак, строго обозначающий объект, которому он соответствует) представляется крайне маргинальной в эпоху Возрождения. На самом деле существует парадоксальное равенство, на первый взгляд оксюморон, между иконичностью и сакральным. Для А. Кирхера (1602–1680) иероглиф приобретает всю свою аллегорическую и метафорическую силу из-за его роли в раскрытии оккультных знаний: рисуя скарабея, писцы видели не насекомое, а Солнце, и не материальное солнце, освещающее разумный мир, но Солнце, архетип умопостигаемого мира [11]; см. [5]. От мотивационного отношения между рисунком и вещью мы переходим к аллегорическому интерпретационному отношению между знаком и идеей.

Но это же недоверие к словам может, наоборот, прозрачно интерпретировать иероглифы, оставаясь при этом идеографическим. Так, в статье «Иероглифы» *Энциклопедии Дидро* и Даламбера (опубликованной между 1751 и 1780 гг.) предлагается непосредственный и однозначный перевод ряда иероглифов на естественный язык (французский):

«... La Fameuse inscription du Temple de Minerve à Saïs, dont il est tant parlé dans l'antiquité. Un enfant, un vieillard, un faucon, un poisson, un cheval marin, servoient à exprimer cette sentence morale : «Vous tous qui entrez dans le monde & qui en sortez, sachez que les dieux haïssent l'impudence». Ce hiéroglyphe étoit dans le vestibule d'un temple public; tout le monde le lisoit, & l'entendoit à merveille».

[«...Известная надпись в храме Минервы в Саисе, о которой так много говорится в Античности. Ребенок, старик, ястреб, рыба, морской конек служили для выражения этого нравственного изречения: «Все вы, входящие и покидающие этот мир, знайте, что боги ненавидят дерзость». Этот иероглиф находился в вестибюле общественного храма; все читали его и прекрасно понимали.»] [12].

1.2 «Несовершенные, потому что их много...»²

Недоверие к словам человеческих языков, параллельно со страданиями вавилонского наказания (*confusio linguarum*), имеет непосредственное последствие: представление о том, что запись идей, или невербальная коммуникация, может искупить наказание. Это проект *универсального языка идей*, идеографии, независимой от неизбежного несовершенства множественных языков.

Недоверие к словам распространялось на недоверие ко всем существующим гра-

фическим обозначениям, включая алфавиты. Джон Уилкинс (John Wilkins) в своем *Essay Toward a Real Character* (1668 г.) пытается бороться с «обманом слов» в их условном отношении к вещам. Его проект состоит в реконструкции языка *ex nihilo* из системы неалфавитных знаков: «Реальный универсальный Знак, который должен означать не слова, а вещи и понятия, и, следовательно, может быть понятен любой нацией на ее собственном языке, что является основным замыслом этого “Трактата” (цит. по [14: 536])».

Таким образом, в XVIII в. разгорелись споры о том, следует ли доверять словам естественных языков, чтобы познавать вещи. Величайшее сатирическое опровержение можно найти у Джонатана Свифта (Jonathan Swift 1667–1745) [15]. Гулливер посещает Академию Лагадо и знакомится с учеными-философами, которые нашли самый быстрый способ избавиться от барьера слов: *говорить вещами, не используя слов*.

«[...] Схема полного уничтожения всех Слов вообще; [...] Поэтому было предложено средство, заключающееся в том, что, поскольку слова – это только имена для вещей, всем людям было бы удобнее носить с собой такие вещи, которые были необходимы для выражения конкретного дела, о котором они должны говорить. [...] Еще одно большое преимущество, предлагаемое этим изобретением, заключалось в том, что оно могло служить универсальным языком, понятным всем цивилизованным народам, чьи товары и утварь обычно одного и того же вида или почти похожи, так что их использование может быть легко понято» [15: Часть III, глава 5].

Когда Шампольон опубликовал свой ключ к расшифровке иероглифов (*Précis du système hiéroglyphique*, 1824) [2], целая вселенная мифических интеллектуальных построений рухнула с отказом от идеографической интерпретации: египетские иероглифы – это *лексиграфия* или *логография*, знаки не вещей или идей, а слов, отмеченных с помощью довольно неудобной системы ребуса, основанной на согласных или группах согласных, и детерминативах, указывающих, к какой семантической категории принадлежит слово в гомофоническом ряду. Египетские иероглифы не обозначают денотат (рисунок солнца вместо солнца), а относятся к означаемому (знак «солнце», точка в середине круга, является первым слогом любого слова, начинающегося со слога *râ* или *rê*).

Точно так же в 1838 г. Дю Понсо (Du Ponceau) опровергнул идею о том, что китайские иероглифы станут универсальным философским языком: «идеографическая си-

²«imparfaites en cela que plusieurs» [13, § 242].

стема письма – плод воображения, и ее существование невозможно» ([16, р. xxiv]; цит. по [17: 16]).

Остается вспомнить еще одно метафорическое значение термина «иероглиф», все еще маргинальное, а именно его абсолютную непрозрачность: непонятное письмо, каракули или «как курица лапой». Здесь иероглиф уже не знак чего-то, а чистое препятствие, тупик, непрозрачности больше нечего раскрывать.

«Cette [...] lettre a un défaut que j'ai eu bien de la peine à corriger; c'est une écriture difficile à déchiffrer [...] ce n'est plus de l'écriture [...] ce sont des hiéroglyphes»

(«В этом письме есть изъян, который мне было трудно исправить; это почерк, который трудно расшифровать. [...] Это уже не письмо [...] – это иероглифы» (Де Севинье, 12 июня 1689 г., цитируется в [18]).

Тем не менее, именно это маргинальное использование будет отныне поддерживать обновление иероглифической метафоры.

2. Знак или зеркало?

Покинув мир чудесного и войдя в мир разочарования, иероглифическая метафора окажется во второй половине XIX в. втянутой в вихрь другого спора, который включает теорию познания в теорию революционного действия.

2.1. Иероглиф и фетишизм

Основным текстом для нового употребления слова «иероглиф» является книга I «Капитала» К. Маркса (1867 г.), в которой речь идет о фетишизме товара, разоблачается его иллюзия и предлагается раскрыть его тайну: на капиталистическом рынке общественный обмен различными работами *прикрывается* покупкой товаров посредством денег.

«Таким образом, у стоимости не написано на лбу, что она такое. Более того: стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение предметов потребления как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык»³ [20: п.р.]; перевод цитаты – из «Капитала» на рус. яз. Том 1. Раздел 4. Товарный фетишизм и его тайна. Отдел первый. Товар и деньги. С. 84.

³«Es steht daher dem Werte nicht auf der Stirn geschrieben, was er ist. Der Wert verwandelt vielmehr jedes Arbeitsprodukt in eine *gesellschaftliche Hieroglyphe*. Später suchen die Menschen den Sinn der *Hieroglyphe* zu entziffern, hinter das Geheimnis ihres eignen gesellschaftlichen Produkts zu kommen, denn die Bestimmung der Gebrauchsgegenstände als Werte ist ihr gesellschaftliches Produkt so gut wie die Sprache» [курсив наш. – П. С.] [19, без пагинации].

⁴«Если бы мы были слепы, не было бы астрономии» (знание) не эквивалентно «если бы мы были слепы, не было бы космического пространства» (существование).

В этом основополагающем тексте товар есть абстракция, непрозрачный знак, простая форма без содержания: потребительная стоимость сводится к меновой стоимости. Но важно здесь то, что термин «иероглиф» употребляется в значении «не что иное, как чистый знак», лишенный реальности, чистый тупик, препятствие, преграждающее доступ к реальности: знак овеществлен, он занимает место реальности. Выход превратился в препятствие.

2.2. Иероглиф: препятствие или единственный доступ к знаниям?

В смятении, вызванном провалом революции 1905 г. в России, среди марксистов, некоторые из которых ставят под сомнение противопоставление материализма и идеализма, появляются различные «ревизионистские» течения. В 1909 г. Ленин, под псевдонимом В. Ильин, пишет «Материализм и эмпириокритицизм» (далее *МуЭ*) – работу по теории познания, призванную опровергнуть доводы ревизионистов (Богданова, Базарова и др.), основанные на теориях Э. Маха [21].

Его кажущимся противником является эмпириокритическая теория австрийского физика Эрнста Маха (1838–1916), своего рода радикальный эмпиризм, согласно которому всякое знание, в том числе и научное, может исходить только из чувственных данных опыта, т. е. ощущений [*Empfindung*] [22]. Термин «ощущение», вероятно, не следует понимать в узком, физиологическом смысле, но главное здесь то, что эта теория познания основана на принципе «нет объекта без субъекта». Иными словами, нет смысла представлять себе, какой может быть реальность «сама по себе», вне процесса познания субъектом. Эмпириокритицизм есть конвенционалистская интерпретация науки: субъектно-объектный монизм упраздняет оппозицию между физическим и психическим. Представляется, что Мах говорит не об онтологическом отсутствии предметов в мире, а о возможности их познания лишь через посредство наших ощущений – идея, которая ляжет впоследствии в основу неопозитивизма⁴.

Мах, физик и философ, предвосхищает конструктивистскую эпистемологию: его подход к познанию основан на идее, что наш образ действительности или понятия, структурирующие этот образ, являются продуктом

взаимодействия человеческого разума с этой реальностью, а не точным *отражением* самой реальности. Это феноменистская теория, согласно которой познание явлений является результатом конструкции, осуществляемой субъектом, а «вещь в себе» навсегда останется непознаваемой. Знание, следовательно, больше не может рассматриваться как поиск иконического, подражательного, зеркального представления онтологической реальности, уже существовавшей как таковой.

Ленин обвиняет русских сторонников Маха, в особенности Плеханова⁵, в том, что они пропагандируют, выдавая себя за марксистов, теорию, согласно которой «ощущения и представления человека не являются ни копиями действительных вещей и процессов природы, ни изображениями, а условными знаками, символами, иероглифами... Энгельс не говорит ни о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отображениях вещей....» [24, ч. IV, глава 6, без пагинации].

Эта теория отражения напоминает средневековые схоластические дискуссии о возможности *говорить о несуществующем*, или химерах, вроде единорога. В 1933 г. в первом издании Большой советской энциклопедии говорится:

«Критикуя И. т., Ленин указывает, что она вносит нек-рое недоверие к чувственности, к познанию, отрывает познание от объективн. мира, подвергает вместе с тем сомнению существование внешних предметов, потому что символы, или иероглифы, вполне возможны по отношению к мнимым предметам. Ленин называет И. т. «иероглифическим или символическим материализмом или полуматериализмом», указывает, что она в действительности подрывает исходные посылы материализма (поскольку от иероглифа не требуется никакого сходства с тем, знаком чего он является, благодаря чему существование внешних предметов ставится под сомнение), является уступкой кантианству и потому отвергается материалистической диалектикой» [25, т. 27, с. 502–504, статья «Иероглифов теория»].

Мы видим, что здесь устанавливается то самое противопоставление между знаком-иероглифом и отражением-копией, которое будет лежать в основе рецепции Соссюра в СССР в 1930–1950-е гг. Этот семиотический спор базируется на антикантианстве: утверждение о невозможности познания вещи в себе уподобляется Лениным агностицизму

и субъективизму, симптомам отказа реакционной буржуазной идеологии от преобразования мира. Для него агностицизм есть не только признание бессилия познать объективный мир, но и *идеалистическое* утверждение, что мир как таковой не существует вне познающего субъекта. Заметим, что, напротив, в «западной» культуре агностицизм обычно означает атеизм (который отрицает существование Бога) и, следовательно, *материализм*.

В ленинском уравнении «иероглиф = символ = знак»⁶ знак всегда сопровождается прилагательным «*условный*». Это то, что «ставится вместо чего-то», следовательно, препятствие для познания вещи, которая сама по себе считается синонимом «объективной реальности». С *Марксизмом и эмпириокритицизмом* мы переходим от аналогии к гомологии.

3. Реальный объект или объект познания?

«В мае 1949 г. весь советский народ отмечал сорокалетие со дня выхода в свет гениальной книги В. И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”. Книга эта, являющаяся классическим образцом партийности в философии, сыграла исключительную роль в идейном разгроме противников марксизма, в защите и обосновании теоретических основ большевистской партии. Работа Ленина сохраняет всю свою глубокую актуальность и в наши дни. Имея прежде всего огромное философское значение, исследование В. И. Ленина освещает путь и целому ряду отдельных наук: физике, естествознанию, истории, литературоведению, языкознанию и многим другим специальным научным дисциплинам. В нашей борьбе с формализмом и буржуазным космополитизмом в области языкознания мы должны все чаще и чаще обращаться к этому замечательному творению В. И. Ленина, как и к другим произведениям классиков марксизма-ленинизма, и с позиций этих работ не только критиковать наших противников, но и двигать дальше нашу языковедную науку» [26: 509].

Это исследование метафорического использования понятия иероглифа было необходимо, чтобы добраться до сути дела: отказа от соссюрковского определения языка как системы знаков в советской лингвистике 1930–1950-х гг.

Что происходит, когда ленинскую гносеологию применяют к языкознанию? Почему теория языка как знаковой системы «буржуазна, идеалистична, метафизична и реакционна»?

⁵В 1892 г. в Женеве вышло первое русское издание работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» в переводе, с предисловием и комментариями Г. Плеханова. Последний излагает свою материалистическую теорию познания: «Наши ощущения – это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются. Но они могут совершенно верно передавать как самые события, так – и это главное – и те отношения, которые между ними существуют» [23: 492].

⁶Мах не использует слова *знак* и *иероглиф*, в его текстах используется *символ*.

Зачем обесценивать символическое семиотическое измерение? В лабиринте бесконечно повторяющихся догматических утверждений мы можем выделить ключевую идею: теория знаков, она же иероглифика, *разделяет* форму и содержание, иначе говоря знак и денотат. В уравнении *смысл = содержание = денотат = объективная реальность* знак находится по ту сторону барьера: он то, что подменяет, то, что узурпирует. Наконец, теория знаков называется идеалистической, поскольку она позволяет сомневаться в существовании материальных объектов и говорить о том, что не существует.

3.1 Если язык не система знаков, то что же это?

Среди русских языковедов рубежа XIX–XX вв., от А. Потебни (1835–1891) до Ф. Fortunatova (1848–1914), было распространено представление о том, что язык есть система знаков. Советское языкознание 1930–1950-х гг. перевернёт, с позиций материализма, это общее представление.

Всякая общественная надстройка вырастает на материально-производственной базе. Над реальными производственными отношениями вместе с сознанием вырастает и язык. Как общественная идеология, он отражает общественное сознание и бытие. Н. Я. Марр подчеркивает противопоставляемую им индоевропейской лингвистике точку зрения отражения в языке общественного сознания и бытия. В языке мы имеем отражение, а не систему знаков. Учение западноевропейских лингвистов о языке, как системе знаков, некритически воспринимаемое нашими советскими языковедами, имеет свои корни в общеизвестной теории символов-иероглифов, которой придерживались махисты и которая блестяще была опровергнута В. И. Лениным в его работе «Материализм и эмпириокритицизм»⁷ [27: 171].

В советском языкознании 1930–1950-х гг. слово больше не является знаком – оно становится зеркалом, отражением, претендует на роль новшества, причем не только марксистского, но и антизападного. Теория двух наук приобретает новый аспект: оппозиция буржуазная наука vs пролетарская наука (Ленин или Богданов) сменилась оппозицией западная наука vs советская наука в результате отказа от всего, что составляло основу европейской культуры со времен Аристотеля:

«Подавляющее большинство буржуазных философов, психологов и лингвистов рассматривают слово в целом как знак, символ, иероглиф, а язык – как систему знаков или символов. [...] Это воззрение идет еще от Аристотеля, который считал, что “слова,

выраженные звуками, суть символы представлений в душе...”»⁸ [28: 401].

Теория отражения – явная альтернатива теории иероглифических знаков:

«[у Соссюра] язык предстает перед нами как система изменяющихся во времени произвольных знаков, никакой реальной действительности не отражающая» [29: 3].

«В области языкознания агностицизм находит свое выражение, главным образом, в знаковой теории языка. [...] Марксистско-ленинская теория отражения является единственной научной основой для правильного понимания всех идеологических явлений, их роли в общественной жизни, в познании действительности. Это в полной мере относится и к языку, который, по классическому определению Маркса, есть не что иное, как практическое, действительное сознание» [28: 401].

«Можно ли назвать слово знаком какого-нибудь предмета или явления? Нет, нельзя, ибо коль скоро внутренним содержанием слова является понятие, а понятие является обобщенным отражением некоторого многообразия действительных предметов или явлений в человеческом сознании, слово выступает не как знак, а как облеченное в звуковую форму *отражение действительности*» [Там же: 402].

Теория отражения применительно к языкознанию основывается на принципе аналогической связи между знаком и денотатом: если знак произволен, познание невозможно. Поэтому он должен быть мотивирован, но эта мотивация не соответствует положению Кратила: знак должен недвусмысленно, прозрачно отсылать к денотату, который уже существует как таковой. Треугольник слово/вещь/понятие сводится к двум последним элементам: означающее устраняется в своей автономии.

Вместо того чтобы искать формальную мотивировку знака этимологией (столько тщетных усилий было затрачено в этом направлении очень многими – от Кратила до Ж.-П. Бриссе, включая Кур де Жебелена), присутствие знака резко отбрасывается в пользу идеи отражения, ассимилированного с содержанием, эквивалентного денотату, который становится ономастологической частью языка, единственной значимой частью. Знак исчезает, он уже не опасен, будучи отнесенным к надстройке, им можно управлять. Однако он будет постоянно появляться в дискуссиях о значении слов.

«Раз ощущения объявляются лишь условными знаками, символами, за которыми отрицается всякая аналогия с вещами, то ясно, что заранее исключается возможность правильного познания мира. Между вещами и ощущениями, их вызванными, устанавли-

⁷ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм // Сочинения. Т. XIII. 3-е изд. М. : ГИЗ, 1928. С. 190–195.

⁸ Аристотель. Об истолковании. Цит. по сб. «Античные теории языка и стиля» М. ; Л., 1936. С. 60.

вается непереодолимый разрыв. Ведь под знаком или символом может «врываться что угодно. Ощущение, по существу, превращается в некий *x*, под который можно подставить любую величину, любой предмет, ибо отвергается аналогия с вызвавшим это ощущение предметом. Ощущение превращается через это в нечто самостоятельное, от предмета не зависящее. Отсюда непосредственный скак к кантианству, с его отрывом явлений от вещей в себе» [30: 25–26]⁹.

Теория отражения отвечает на проблему недоверия к знаку, обвиняемому в том, что он занимает место денотата или препятствует доступу к нему.

«[...] слово, коль скоро его значением, содержанием является понятие, должно рассматриваться как *отражение* предметной действительности. Идеалистическая философия и языкознание извращают этот вопрос. Например, для Соссюра существует только проблема отношения понятия и акустического образа. Он совершенно игнорирует проблему отношения слова к предметному миру. “Языковый знак, – пишет он, – связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ”¹⁰. Исходя из этого идеалистического взгляда, он и характеризует язык как произвольную систему знаков. Тем самым он, в духе чистейшего агностицизма, совершенно отказывается от рассмотрения вопроса об отношении языка к действительности» [28: 417].

Этому «идеалистическому» видению Л. О. Резников противопоставляет свой «материалистический» подход, узко референциальный, вплоть до констатации постепенного исчезновения заслона самих слов:

«[...] *историческое развитие языка*, в процессе которого “собственное” чувственное содержание языковых знаков все более и более оттеснялось в сознании на второй план, стушевывалось и, наконец, почти совсем перестало сознаться. Оно не исчезло, но оно как бы отстранилось и перестало заслонять от умственного взора *интеллектуальные значения языковых знаков*» [Там же: 415–416].

«Слово обладает образно-знаковым характером, оно является обозначенным обобщенным отражением предметов и явлений. Так как бытие словесного знака целиком сводится и полностью исчерпывается его обозначающей функцией, т. е. выявлением значения, и помимо этого он никакой роли не играет, то его чувственный облик совершенно стушевывается и исчезает перед умственным взором понимающего язык человека. С этой точки зрения звуковая форма слова является даже не столько знаком, сколько “прозрачной” чувственной оболочкой значения, специфически человеческой формой отражения действительности» [Там же: 418].

Таким образом, здесь история знака представляет собой прогрессивное забвение материальной формы слова, сохранение только

интеллектуального содержания, способ извлечения от громоздкости знака, то есть от автономии означающего. Здесь треугольник слово-понятие-вещь сводится уже не к паре знак-денотат, а к утопии исчезающего, прозрачного знака.

3.2 Язык или дискурс?

Ассоциация Соссюра с иероглифами – увеличительное зеркало неоднозначности отношения к знаку в СССР 1930–1950-х гг. Как и в Западной Европе XVI в., советская идеология столкнулась с необходимостью однозначного прочтения значения слов. Для этого нужно было ответить на фундаментальный вопрос: существует ли специфичный порядок языка? Но это должно было возложить на лингвистов невыполнимую миссию: поиск неиконического мимесиса.

Пока мы остаемся в области философии языка, идея постепенного стирания слов-знаков остается привлекательной, хотя и очень старой. Все усложняется, когда дело доходит до применения этой философии в практической работе над языком. Основополагающий текст, *МиЭ*, не отвечает на вопрос об отношениях между словами и вещами, не в этом его суть. Для Ленина разнообразие языков не имеет отношения к теории отражения. Вот почему усилия по созданию материалистической лингвистики запутаются в неразрывной паутине противоречий, распутать которую дискуссии 1950 г. не удастся. Действительно, бесконечные обличения теории знаков не дают возможности перейти от теории отражения к описанию родных языков. *МиЭ* не смог решить возникшую в 1920-е гг. проблему языкового строения мышления в условиях многообразия языков, на которых говорят на советской территории.

Не мог не возникнуть вопрос: если языки множественны и все они суть отражения, то существуют ли множественные реальности? Решение И. В. Сталина состоит в том, чтобы перевести «содержание» в язык. Возможно, к этим новым поискам прозрачного знака открывает доступ известная, но довольно загадочная формула, провозглашенная самим И. Сталиным на XVI съезде КПСС в 1930 г.:

«Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране...».

Если «формой» культуры является язык, а язык «владеет» содержанием, он становится огромным текстом, который не делает раз-

⁹«Г.»: автор этого полуанонимного текста до сих пор не установлен.

¹⁰Ф. де Соссюр, указ. соч., с. 77.

ницы между тем, что *потенциально* может быть сказано на данном языке, и тем, что *действительно* сказано. То, что представляет собой конкретный *дискурс*, при определенных условиях производства и интерпретации полностью уподобляется *языку*. Не случайно в СССР в то время появляются словари языковой частотности¹¹. С точки зрения Соссюра, каждое слово имело бы частотность, равную единице, но в этом случае авторы этих словарей обязательно начинают с ограниченного корпуса, даже если он очень большой, для подсчета наиболее часто встречающихся слов. Легко сделать вывод, что такие слова, как «родина» или «социализм», будут иметь более высокую частотность, чем «вера» или «душа». Но какое отношение сам язык имеет к этой частоте? В советском языкознании 1930–1950-х гг. дискурсивное измерение полностью отсутствует.

3.3. Онтологическое толкование эпистемологии

Ленинская теория отражения не является раз и навсегда установленной пассивной записью, простой фиксацией или воспроизводством действительности, она направлена по касательной: она поднимается от ощущения и восприятия к знанию со спиралевидной или зигзагообразной аппроксимацией, становится все более точной, адекватной, но никогда не достигает идеального и полного совпадения, какое было бы у карты с масштабом 1:1¹².

Этот оптимизм действительно привлекателен. Но он основан на беспокоящей лингвистике предпосылке, на реальном эпистемологическом препятствии, а именно на том, что познаваемый объект существует *как таковой* до акта познания. Таким образом, все объекты реальной действительности можно перечислить, исчислить, они ждут, чтобы их открыли, изучили и описали. Это онтологическая интерпретация эпистемологии. Объект реальной действительности всегда идентичен самому себе, просто мы узнаем все больше и больше его аспектов. В этом идеале тангенциальной

полноты знания, на передней линии антикантианства¹³, нет разницы между реальным, эмпирическим объектом и объектом, построенным в теории по известной гипотезе¹⁴. Вместо точки зрения, создающей объект, здесь объект создает точку зрения. Исходя из этого соссюрскую теорию можно лишь уподобить субъективному идеализму, что недопустимо, поскольку противоречит принципу примата материи над сознанием:

«Целостный подход к явлению означает признание того факта, что предмет науки не создается точкой зрения исследователя, а определяется реальным содержанием изучаемого явления, его спецификой» [38: 250].

На самом деле, Соссюр не агностик, потому что он никогда не считал, что реальность «не существует» (онтологическая позиция), он мыслит в другой плоскости, отделяя означаемое от денотата, который для теории несуществен. В этой философии языка нет места строгому противопоставлению идеализма и материализма.

Соссюр не использует понятие *модели*, однако он заложил основы конструкционистской эпистемологии. Здесь сталкиваются две интерпретации понятия «модель»:

- 1) онтологическая: копируемый оригинал;
- 2) эпистемологическая: гипотетическая конструкция, позволяющая познать то, что непосредственно не наблюдается.

В отличие от модели, которую имитирует художник или скульптор, в конструкционистской эпистемологии модель представляет собой гипотезу, построенную в ожидании столкновения с эмпирической реальностью. Если результаты не соответствуют ожиданиям, можно вернуться и модифицировать модель. Язык (*langue*) у Соссюра – это не описание действительно используемого языка (идиома) во всех его вариациях. Это конструируемый объект.

Так бывает, что конкурирующие и несовместимые модели сосуществуют, не имея возможности доказать ошибочность друг друга (т. е. «falsify» у Поппера). Так и с волновой или корпускулярной теорией света, или с чис-

¹¹Например: [31].

¹²Тем не менее, она не пользуется популярностью среди философов. Пример: «Материализм и эмпириокритицизм» характеризуется вульгарными материалистическими обобщениями, пространными обличительными речами и чрезмерно длинными цитатами оппонентов, сопровождаемыми краткими высокомерными насмешками. Если бы большевики не добились успеха в 1917 г., сомнительно, что книгу Ленина читали бы сегодня» [32: 249–250].

¹³Вот пример в неподражаемом стиле этого экстраординарного периода: «Через Гумбольдта Ломтев протаскивает кантианство в его самой реакционной части. Лозунг: “Назад, к Гумбольдту!”, которого придерживается Ломтев, равнозначен социал-фашистскому лозунгу “Назад, к Канту!” Под флагом марксистской фразеологии Ломтев протаскивает социал-фашистскую контрабанду, совершенно не считаясь с тем, что доклад он делает в стенах Коммунистической академии» [33: 40].

¹⁴О защите теории отражения у Ленина см. [34–36]. Любопытно, что Альтюссер, который в 1965 г. в книге *Lire le Capital* («Читать Капитал») провел четкое различие между реальным объектом и объектом познания [37: 32–33], в 1969 г. повторяет без комментариев ленинскую теорию отражения («Ленин и философия») и не упоминает вопрос об иероглифических знаках.

лом фонем в русском языке¹⁵. Фонема – это не нечто наблюдаемое, это *конструируемая* модель.

Дискуссия о фонеме в СССР после 1956 г. (XX съезд, начало десталинизации) (см. [40]) – это начало краха теории отражения и принятие конструкционистской эпистемологии познания, которая перестает быть «буржуазной теорией».

Звук предшествует работе фонетистов, он не нуждается в них, чтобы существовать. Это *реальный объект*. Фонема же существует только в работах фонологов. Это *объект познания* или сконструированный объект, то есть *модель*. Различие между этими двумя типами объектов было непонятно при строго онтологическом подходе к теории отражения¹⁶. Именно эта онтологическая интерпретация позволяет, например, рассматривать синхронию как короткую диахронию, длящуюся «несколько лет» [26] или интерпретировать сосюрговскую синхронию как стабильное, неподвижное состояние. Легко было тогда считать идеалистическим это нематериальное тождество объектов познания, порождающее страх потерять непосредственную связь с материальной реальностью, денотатом, иными словами с «жизнью»:

««Выветривание» всего материального из жизни, из языка, из мышления приводит к самым реакционным, мракобесным выводам» [Там же: 520].

Для Соссюра важно не то, что реальности не существует, а то, что она неформальна до тех пор, пока не выделена знаком в его дуальной, означающее-означаемое, форме.

Советское языкознание 1930–1950-х гг. разрывалось между кратилизмом без мимесиса и сопротивлением присутствию означающего.

Выводы

Историю философии знака в России-СССР еще предстоит написать. Вопреки заявлению о радикальном эпистемологическом разрыве с «буржуазным» миром, лежащему в основе аргументации советских гуманитарных и социальных наук 1930–1950-х гг., мы предлагали здесь перекрестную историю западной и советской науки о языке, основанную на идее долгого времени, а не их полного разрыва. Предлагаемый сравнительный анализ ставит под сомнение самопровозглашение особого пути.

Дискурс о языке и знаке в СССР 1930–1950-х гг., спор между зеркалом и медиумом, разрывается между лингвистикой и философией языка. Теория отражения не давала никакой практической основы для построения грамматик. Что же касается Соссюра, то у него не было шансов быть понятым в этой онтологической интерпретации эпистемологии.

Критика теории иероглифики, помимо ее философской проблематики, напоминает нам о следующем: наличие знаков между нами и вещами есть причина страдания, а навязчивое стремление к языку без слов, к карте с масштабом 1:1 представляется основой культуры, которая как на Востоке, так и на Западе Европы вечно перефразирует одни и те же темы греческой философии и христианства. Марксистско-материалистическое языкознание, пропагандируемое в СССР в 1930–1950-е гг., развивалось в тех же рамках, ему не удалось стереть память о своих истоках. Мы перешли от пары прозрачность-непрозрачность к паре форма-содержание. Но недоверие к знаку осталось прежним.

И всё же карта не есть территория, и мы не можем обойтись без знаков в познании действительности, а мир знаков – неотъемлемое условие человеческого существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Collier M., Manley B. How to Read Egyptian, A Step-by-step Guide to Teach Yourself. London : British Museum Press, 1998. 179 p.
2. Champollion J.-F. Précis du système hiéroglyphique. Paris : Imprimerie royale, 1824. 510 p.
3. Foucault M. The Order of Things. London : Tavistock, 1970. 387 p.
4. Dubois C.-G. Mythe et langage au XVIe siècle, Bordeaux : Ducrot, 1970. 387 p.
5. Eco U. The Search for the Perfect Language. London : Blackwell Publishing, 1995. 396 p.

6. Demonet M.-L. Les voix du signe. Nature et origine du langage à la Renaissance (1480–1580). Paris : Champion, 1992. 690 p.

7. Albright D. Untwisting the Serpent. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2000. 395 p.

8. Millet O. «Hiéroglyphes et allégories dans la première moitié du XVIe s.: de la reconfiguration humaniste de l'allégorisme» // Revue d'histoire littéraire de la France. 2012. № 2. P. 263–276.

9. Sériot P. If Vico had read Engels he would be called Nikolai Marr, Interventions (International Journal of Postcolonial Studies). 2020. <https://doi.org/10.1080/1369801X.2020.1784031> [Engl. transl. by Matthew Carson Allen]. URL: <https://royalib.com/>

¹⁵Противостояние между московской и ленинградской фонологическими школами в 1960-е и 1970-е гг. является последним отголоском сопротивления конструктивистской эпистемологии (см. [39]).

¹⁶Об онтологической интерпретации диалектического материализма см. [41: 25–26; 42: 110].

book/lenin_vladimir/materializm_i_empiriokrititsizm.html
<https://web.stanford.edu/davies/Symbsys100-Spring0708/Marx-Commodity-Fetishism.pdf>

10. Bacon F. Of the Proficiency and Advancement of Learning Divine and Human. London : Henrie Tomes, 1605.

11. Kircher A. Obeliscus Pamphilius. Rome : Louis Grignan, 1650.

12. Diderot D. D'Alembert Jean Le Rond. Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris : Chez Le Breton, imprimeur ordinaire du Roy, 1751. URL: https://books.google.ch/books/about/Encyclopédie_Ou_Dictionnaire_Raisonné.html?id=z1SfZIAop_QC&printsec=frontcover&source=kp_read_button&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

13. Mallarmé S. Crise de vers, in Divagations. Paris : Bibliothèque Charpentier, 1897.

14. Clauss S. John Wilkins' Essay Toward a Real Character: Its Place in the Seventeenth-Century Episteme // Journal of the History of Ideas. 1982. Vol. 43, № 4. P. 531–553.

15. Swift J. Gulliver's Travels. London : Benj. Motte, 1726.

16. Du Ponceau Peter S. A Dissertation on the Nature and Character of the Chinese System of Writing, in a letter to John Vaughn, Esq. Philadelphia : American Philosophical Society, 1838.

17. O'Neil T. M. 2016 : Ideography and Chinese Language Theory: A History. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 355 p.

18. Dictionnaire Robert: en 9 vol. Vol. 5. Paris : Robert, 1985.

19. Marx K. Das Kapital, Kritik der politischen Ökonomie. Hamburg : Otto Meisner, 1867.

20. Marx K. Capital: A Critical Analysis of Capitalist Production. London : Swan Sonnenschein, Lowrey, & Co., 1887 [Engl. translation of Marx 1867]

21. Kelly A. «Empiriocriticism: A Bolshevik Philosophy?» // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1981. Vol. 22, № 1. P. 89–118.

22. Mach E. Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Psychischen. Jena : Gustav Fischer, 1886. 265 p.

23. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М. : Гос. издательство политической литературы, 1956. 847 с.

24. Ленин В. И. (под псевдонимом Вл. Ильин). Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М. : Звено, 1909. 438 с.

25. БСЭ 1933 – Большая советская энциклопедия. Т. 27. М. : ОГИЗ, 1933.

26. Будагов Р. А. «Материализм и эмпириокритицизм» и советское языкознание // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1949. № 6. С. 509–521.

27. Сердюченко Г. П. Старое и новое в науке о языке // На подъеме. 1931. № 4. С. 156–175.

28. Резников Л. О. Против агностицизма в языкознании (Критика знаковой теории языка) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1948. № 5. С. 401–417.

29. Данилов Г. К. Языковеды Запада [Ф. Соссюр. Курс общей лингвистики. Перевод А. Сухотина под ред. и с примеч. П. Шор. Вводная статья Н. Введенского. Со-

цэкиз. М., 1934] // За коммунистическое просвещение. 26.09.1934. № 222. С. 3.

30. Г. Ленинская критика теории иероглифов // Революция и культура. 1930. № 21–22. С. 24–31.

31. Штейнфельдт Е. Частотный словарь современного русского литературного языка. М. : Прогресс, 1963. 316 с.

32. Josephson P. R. Physics and Politics in Revolutionary Russia. Berkeley : University of California Press, 1991. 330 p.

33. Филин Ф. П. Борьба за марксистско-ленинское языкознание и группа Языкофронт // Против буржуазной контрабанды в языкознании / под ред. С. Быковского. Ленинград : ГАИМК, 1932. С. 28–46.

34. Truchon L. Lénine épistémologue: Les thèses de Matérialisme et Empiriocriticisme et la constitution d'un matérialisme intégral. Paris : Delga, 2013. 216 p.

35. Lavallard M.-H. La philosophie marxiste. Paris : Éditions sociales, 1982. 183 p.

36. Althusser L. Lénine et la philosophie. Paris : Maspero, 1969. 60 p.

37. Althusser L. Lire le Capital. Paris : Presses universitaires de France, 1996 [1965].

38. Панфилов Е. Д. Против реакционной методологии современного структурализма // Ученые записки 1-го Ленинградского педагогического института иностранных языков. Новая серия. 1954. № 1. С. 246–258.

39. Comtet R. L'école phonologique de Lénine et l'école phonologique de Moscou // Histoire Épistémologie Langage. 1995. Vol. XVII, № 2. P. 183–210.

40. Velmezova E. Le triomphe du structuralisme et le triomphe du "Cours de linguistique générale" en URSS dans les années 1950–1960 // Bruno M. W., Chirico D., Cimatti F., Cosenza G., De Marco A., Fadda E., Lo Feudo G., Mazzeo M., Stancati C. (a cura di). Linguistica e filosofia del linguaggio: Studi in onore di Daniele Gambarara. Milan : Mimesis, 2018. P. 525–533.

41. Zapata R. Luttés philosophiques en U.R.S.S., 1922–1931. Paris : Presses universitaires de France, 1983. 336 p.

42. Zapata R. La philosophie russe et soviétique. Paris : Presses universitaires de France, 1988. 127 p.

REFERENCES

1. Collier Mark, Manley Bill. *How to Read Egyptian, A Step-by-step Guide to Teach Yourself*. London, British Museum Press, 1998. 179 p.

2. Champollion Jean-François. *Précis du système hiéroglyphique*. Paris, Imprimerie royale, 1824. 510 p.

3. Foucault M. *The Order of Things*. London, Tavistock, 1970. 387 p.

4. Dubois C.-G. *Mythe et langage au XVIe siècle*. Bordeaux, Ducrot, 1970. 387 p.

5. Eco U. *The Search for the Perfect Language*. London, Blackwell Publishing, 1995. 396 p.

6. Demonet M.-L. *Les voix du signe. Nature et origine du langage à la Renaissance (1480–1580)*. Paris, Champion, 1992. 690 p.

7. Albright D. *Untwisting the Serpent*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 2000. 395 p.

8. Millet O. «Hiéroglyphes et allégories dans la première moitié du XVIe s.: de la reconfiguration humaniste de l'allégorisme». *Revue d'histoire littéraire de la France*, 2012, no. 2, pp. 263–276.

9. Sériot Patrick. If Vico had read Engels he would be called Nikolai Marr, Interventions. *International Jour-*

nal of Postcolonial Studies, 2020. <https://doi.org/10.1080/1369801X.2020.1784031> (Engl. transl. by Matthew Carson Allen). Available at: <https://web.stanford.edu/davies/Symbsys100-Spring0708/Marx-Commodity-Fetishism.pdf>

10. Bacon F. *Of the Proficiency and Advancement of Learning Divine and Human*. London, Henrie Tomes, 1605.

11. Kircher A. *Obeliscus Pamphilus*. Rome, Louis Grignan, 1650.

12. Diderot D. D'Alembert Jean Le Rond. *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Paris, Chez Le Breton, imprimeur ordinaire du Roy, 1751. Available at: https://books.google.ch/books/about/Encyclopédie_Ou_Dictionnaire_Raisonné.html?id=z1SfZIAop_QC&printsec=frontcover&source=kp_read_button&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

13. Mallarmé Stéphane. *Crise de vers, in Divagations*. Paris, Bibliothèque Charpentier, 1897.

14. Clauss S. John Wilkins' Essay Toward a Real Character: Its Place in the Seventeenth-Century Episteme. *Journal of the History of Ideas*, 1982, vol. 43, no. 4, pp. 531–553.

15. Swift J. *Gulliver's Travels*. London, Benj. Motte, 1726.

16. Du Ponceau Peter S. *A Dissertation on the Nature and Character of the Chinese System of Writing, in a letter to John Vaughn, Esq.* Philadelphia, American Philosophical Society, 1838.

17. O'Neil T. M. *Ideography and Chinese Language Theory: A History*. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, 2016. 355 p.

18. *Dictionnaire Robert: en 9 vol., vol. 5*. Paris, Robert, 1985.

19. Marx K. *Das Kapital, Kritik der politischen Ökonomie*. Hamburg, Otto Meisner, 1867.

20. Marx K. *Capital: A Critical Analysis of Capitalist Production*. London, Swan Sonnenschein, Lowrey, & Co, 1887 [Engl. translation of Marx 1867].

21. Kelly A. «Empiriocriticism: A Bolshevik Philosophy?». *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1981, vol. 22, no. 1, pp. 89–118.

22. Mach E. *Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Psychischen*. Jena, Gustav Fischer, 1886. 265 p.

23. Plekhanov G. V. *Izbrannyye filosofskiyе proizvedeniya: v 5 t. T. 1* [Selected Philosophical Works: in 5 vols. Vol. 1]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956. 847 p. (in Russian).

24. Lenin V. I. (under the pseudonym Vl. Il'in) *Materializm i empiriokrititsizm. Kriticheskiye zametki ob odnoy reaktivnoy filosofii* [Materialism and empiriocriticism. Critical Notes on a Reactionary Philosophy]. Moscow, Zveno, 1909. 438 p. (in Russian). Available at: https://royallib.com/book/lenin_vladimir/materializm_i_empiriokrititsizm.html

25. BSE. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*, t. 27 [Great Soviet Encyclopedia. Vol. 27]. Moscow, OGIZ, 1933 (in Russian).

26. Budagov R. A. I. «Materialism and empiriocriticism» and Soviet linguistics. *Izvestiya Akademii nauk SSSR, Otdeleniye literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR, Department of Literature and Language], 1949, no. 6, pp. 509–521 (in Russian).

27. Serdyuchenko G. P. Old and new in the science of language. *Na pod'yeme* [On the rise], 1931, no. 4, pp. 156–175 (in Russian).

28. Reznikov L. O. Against agnosticism in linguistics (Criticism of the sign theory of language). *Izvestiya Akademii nauk SSSR, Otdeleniye literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR, Department of Literature and Language], 1948, no. 5, pp. 401–417 (in Russian).

29. Danilov G. K. Linguists of the West [F. Saussure. Course of general linguistics. Translation by A. Sukhotin, ed. and with note. R. Shore. Introductory article by N. Vvedensky. Sotsekgiz. Moscow, 1934]. *Za kommunisticheskoye prosveshcheniye* [For Communist Education], 26.09.1934, no. 222, pp. 3 (in Russian).

30. G. Lenin's criticism of the theory of hieroglyphs. *Revolyutsiya i kul'tura* [Revolution and Culture], 1930, no. 21–22, pp. 24–31 (in Russian).

31. Shteynfeldt E. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Frequency dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow, Progress, 1963, 316 p. (in Russian).

32. Josephson P. R. *Physics and Politics in Revolutionary Russia*. Berkeley, University of California Press, 1991. 330 p.

33. Filin F. P. The struggle for Marxist-Leninist linguistics and the Language Front group. In: *Proktiv burzhuznoy kontrabandy v yazykoznanii. Pod red. S. Bykovskiy* [Bykovskiy S., ed. Against bourgeois smuggling in linguistics]. Leningrad, GAIMK, 1932, pp. 28–46 (in Russian).

34. Truchon L. *Lénine épistémologue: Les thèses de Matérialisme et Empiriocriticisme et la constitution d'un matérialisme intégral*. Paris, Delga, 2013. 216 p.

35. Lavallard Marie-Hélène. *La philosophie marxiste*. Paris, Éditions sociales, 1982. 183 p.

36. Althusser L. *Lénine et la philosophie*. Paris, Maspero, 1969. 60 p.

37. Althusser L. *Lire le Capital*. Paris, Presses universitaires de France, 1996 [1965].

38. Panfilov E. D. Against the reactionary methodology of modern structuralism. *Uchenyye zapiski 1-go Leningradskogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov. Novaya seriya* [Scientific notes of the 1st Leningrad Pedagogical Institute of Foreign Languages. New series], 1954, no. 1, pp. 246–258 (in Russian).

39. Comtet R. L'école phonologique de Lénine et l'école phonologique de Moscou. *Histoire Épistémologie Langage*, 1995, vol. XVII, no. 2, pp. 183–210.

40. Velmezova E. Le triomphe du structuralisme et le triomphe du «Cours de linguistique générale» en URSS dans les années 1950–1960. In: Bruno M. W., Chiricò D., Cimatti F., Cosenza G., De Marco A., Fadda E., Lo Feudo G., Mazzeo M., Stancati C. (a cura di). *Linguistica e filosofia del linguaggio: Studi in onore di Daniele Gambarara*. Milan, Mimesis, 2018, pp. 525–533.

41. Zapata R. *Luttes philosophiques en U.R.S.S., 1922–1931*. Paris, Presses universitaires de France, 1983. 336 p.

42. Zapata R. *La philosophie russe et soviétique*. Paris, Presses universitaires de France, 1988. 127 p.

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. ХРОНИКА

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 406–412

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 406–412

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-406-412>, EDN: EVVADI

Научная статья

УДК 81'1'38+929Вахрушев

Многоликий жанр в концепции филолога В. С. Вахрушева

Л. В. Комуцци

Севастопольский государственный университет, Россия, 299053, г. Севастополь,
ул. Университетская, д. 33

Комуцци Людмила Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Теория и практика перевода», ltataru@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1412-0201>

Аннотация. Читателю представляется междисциплинарная жанрологическая концепция балашовского филолога, профессора Владимира Серафимовича Вахрушева. Научная целесообразность данной задачи объясняется несколькими моментами. Во-первых, концепция Вахрушева представляет жанр как идеальную модель, генерирующую явления не только дискурсивного, но и социального, культурного, исторического процессов. Его широкое понимание жанра может способствовать осмыслению речевых жанров, изучаемых в частных и пока разделяемых своими задачами научных дисциплинах, как элементов макросистемы «Жанр – Текст – Человек – Общество – Культура – Природа». В этой макросистеме жанры вербальных текстов предстают как структуры, аналогичные иным, существующим вне искусства структурам – тем, что творятся историей и социальными процессами – в силу наличия в них ряда общих признаков, определяемых общим экологическим законом приспособления разнородных явлений к изменяющейся среде. Во-вторых, данная публикация приурочена к 90-летию юбилею профессора Вахрушева, который состоялся в сентябре 2022 г. и стал мотивированным поводом для представления жанрологической части его научного наследия широкому кругу лингвистов, литературоведов, культурологов, возможно, социологов, историков и ученых естественнонаучных направлений для критической оценки и дискуссии. Исследователям речевых жанров и литературоведам, надеемся, будет особенно интересно познакомиться с феноменологическим определением жанра и узнать, как В. С. Вахрушев обосновывал наличие изоморфизма и аналогий между жанрами текстов и жанрами иных форм жизни: биологической, социально-бытовой и исторической.

Ключевые слова: жанр как идеальная модель, жанр как ген, жанры литературы, жанры речи, бытовые жанры, жанры истории

Для цитирования: Комуцци Л. В. Многоликий жанр в концепции филолога В. С. Вахрушева // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 406–412. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-406-412>, EDN: EVVADI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**The genre with a thousand faces: The perspective of the philologist
Vladimir S. Vakhrushev**

L. V. Komutstsi

Sevastopol State University, 33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia

Liudmila V. Komutstsi, ltataru@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1412-0201>

Abstract. This article presents an interdisciplinary conception of genre proposed by the Russian philologist from Balashov, Professor Vladimir Serafimovich Vakhrushev. The feasibility of this task can be mainly seen in two aspects. First of all, Vakhrushev conceives genre as an ideal model generating versatile phenomena not only of discursive, but also of social, cultural, and historical processes. His broad understanding of genre can contribute to the comprehension of the specific speech genres, studied within the specific disciplines

isolated so far by their primary tasks, as the elements of a coherent macro system “Genre – Text – Man – Society – Culture – Nature”. Within this macro system, the genres of verbal texts appear to be the structures similar to those of other types, existing elsewhere beyond the realm of art or everyday speech, namely, in nature, history and society. According to V. Vakhrushev, verbal genres and the genres of natural and socio-historical phenomena share a number of intrinsic properties which are determined by the global ecological law of their adaptation to the ever-changing environment. Secondly, this publication is timed to coincide with Professor Vakhrushev’s 90th anniversary, which falls on September 2022, thus providing a motive for presenting his theoretical legacy to a wider community of linguists, literary scholars, cultural studies scholars, perhaps sociologists, historians, and natural scientists to engage them in a critical discussion. Researchers of speech genres and literary studies may be particularly interested in Vakhrushev’s phenomenological definition of genre and in the ways he is reasoning the isomorphism and the presence of analogies between text genres and the genres of other life forms, such as biology, daily social life and history.

Keywords: genre as an ideal model, genre as gene, literary genres, speech genres, genres of everyday happenings, genres of history

For citation: Komutstsi L. V. The genre with a thousand faces: The perspective of the philologist Vladimir S. Vakhrushev. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 406–412 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-406-412>, EDN: EVVADI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Теория жанра В. С. Вахрушева в контексте современной российской жанрологии

Теория речевых жанров в России и за ее пределами динамично развивается в рамках отдельных дисциплин, особенно как направление языкознания и лингвокультурологии. В. В. Дементьев констатировал еще в 2014 г., что в изучении речевых жанров активизировались когнитивные исследования и повысился интерес к этим жанрам как к материалу в теории непрямо́й коммуникации [1: 39]. В. В. Красных, опираясь на высказывание М. М. Бахтина о «данных нам» речевых жанрах, считает, что их необходимо изучать как проявления «речежанровой компетенции» человека, которая формируется наряду с лингвокультурной [2: 13]. В рамках медиалингвистики формируется теория жанров языка СМИ. Задача типологизации жанров медиатекста решается по-разному: в качестве основного критерия берется способ отображения действительности (фактографический, аналитический и наглядно-образный) [3: 6] или, как полагает Л. Р. Дускаева, интенция, «речевая воля» говорящего (для информирующей интенции, например, важны сообщения о ходе или итогах события, передача чужого высказывания и др.) [4: 25].

Литературоведческие трактовки жанров тоже развиваются по мере появления новых, гибридных жанров поэзии и прозы, но они остаются, в основном, в рамках диахронической поэтики. Бурное развитие теории речевых жанров заставляет отдельных литературоведов задумываться о типологических сходствах между родами литературы и жанрами речи [5]. Пока, однако, вопрос о необходимости междисциплинарных проектов, направленных на доказательство существова-

ния аналогий между жанрами художественной и нехудожественной речи, не ставится. Идея же междисциплинарного проекта по поиску аналогий между жанрами речи и иными жанровыми формами социальной или даже биологической жизни представляется тем более экстравагантной.

В этом методологическом контексте мы считаем важным представить междисциплинарную жанрологическую концепцию профессора Владимира Серафимовича Вахрушева, которая была изложена им в цикле программных статей [6–9]. Суммарно эти статьи и последний труд ученого по жанровой поэтике русского и английского романа [10] достаточны для монографии, но их содержание почти не известно филологическому сообществу из-за их малого тиража, а те отзывы, что он получил в свое время от коллег по кафедре литературы Балашовского пединститута, носили характер критики или полного неприятия (см. [9: 4]). Сам В. С. Вахрушев признавал, что его понимание жанра носит характер гипотезы и требует более основательных доказательств, но междисциплинарность и философская самостоятельность его мышления делают его гипотезу фасцинирующей и заслуживающей широкой дискуссии представителями разных направлений жанрологии.

Рассказать о концепции жанра В. С. Вахрушева на страницах «Жанров речи» – задача, которая кажется особенно целесообразной не только в силу тематики журнала, но и в силу его «места производства». В. С. Вахрушев был связан с филологами Саратовского государственного университета (СГУ) регулярными рабочими и дружескими отношениями. Среди близких ему по духу

ученых СГУ были, в частности, Константин Федорович Седов – один из основателей Саратовской школы речевых жанров, Леонид Иванович Тетюев – германист и философ. Они оба считали себя учениками Вахрушева, в частности, К. Ф. Седов часто говорил о том, что именно Вахрушев открыл ему теорию Бахтина и пробудил в нем интерес к жанроведению. Много лет В. С. Вахрушев был другом и соратником выдающегося петербургского культуролога и исследователя русской литературы Бориса Федоровича Егорова, который принимал самое живое участие в академической жизни Саратовского университета и Балашова – города, в котором он родился. В октябре 2022 г., к 90-летию профессора Вахрушева вышел сборник, в котором представлены работы замечательных литературоведов из СГУ, пожелавших почтить его память – статьи В. В. Прозорова, Е. Г. Елиной, Л. Е. Герасимовой, А. И. Ванюкова, А. Л. Фокиной [11]. В этом же сборнике, кстати, опубликована и последняя монография ученого «Жанровая поэтика русского и английского романа XVII–XIX веков в контексте мировой литературы» [Там же: 9–104]. Предлагаемый нами обзор жанрологической концепции профессора Вахрушева в его юбилейный год на страницах журнала «Жанры речи» является еще одной данью памяти саратовских ученых о его критическом наследии.

Владимир Серафимович Вахрушев был ученым универсального плана – его публикации, коих более трех сотен, охватывают широкий диапазон мировой литературы в ее сопоставительных и диахронических аспектах, теоретические проблемы таких центральных категорий литературы, как художественный образ, игра и жанр. Он был и оригинальным краеведом, философом, культурологом, эссеистом, оставившим после себя «следы» размышлений над взаимосвязями между жизнью человека, частной и общественной, законами существования вселенной и искусством. Любую его работу, будь то небольшая статья или монография, интересно читать, потому что в каждом его труде есть масштабный взгляд на проблему и ее системная интерпретация, с которой не все готовы согласиться, но которая вдохновляет читателя на пересмотр известной ему проблемы в расширенном контексте, в системе связей «всего со всем». Именно так изложены и его размышления о «Приключениях жанра», если взять название первого тематического сборника, в котором вышла первая программная статья В. С. Вахрушева по природе и формам жанра в литературе и других сферах культуры [6].

Жанр как идеальный тип и его функции

Определение жанра, которое В. С. Вахрушев предлагает, является результатом осмысления им исторических, философских, мифологических, теоретико-филологических и естественнонаучных трактатов российских и зарубежных мыслителей разных эпох: «Жанр – это *идеальный тип* <...> *один из видов платоновской идеи, которая представляет 'порождающую модель' многих аналогичных ей, хотя внешне и несхожих явлений*, <...> *глубоко диалектическое 'субъект-объектное состояние'* (термин А. Ф. Лосева)» [9: 8]. Жанр – это целостная структура, образуемая вокруг образно-идейно-смыслового ядра (энтелехии по Аристотелю) – внутренней причины и одновременно цели явления, которая потенциально содержит и его оформление. Эта идея-модель порождает явления и процессы, обладающие двумя функциями: они самоцельны (это их игровой аспект) и в то же время направлены на познание и преобразование жизни (это их когнитивный аспект) [6: 24; 9: 8]. Субъектно-объектная природа жанра как идеального типа и его две базовые функции определяют различие двух видов жанров: 1) *субъективных* (жанры, творимые людьми в науке, искусстве, духовной деятельности вообще) и 2) *объективных* (жанры, рождаемые самой жизнью: исторические и социально-бытовые) [6: 22].

Это философское определение представляет категорию жанра в контролирующей перспективе, позволяющей рассматривать систему литературных жанров как часть макросистемы «ген (ядро-прототип) – микрокосм (организм, текст) – макрокосм (история, Вселенная)». В этой макросистеме жанры вербальных и в том числе литературных текстов, обладая собственными специфическими свойствами и функциями, мыслятся как структуры, аналогичные иным, существующим вне искусства структурам в силу наличия в них ряда общих свойств, определяемых общим экологическим законом приспособления разнородных – природных, исторических и социальных – явлений и процессов к изменяющейся среде. В своей концепции В. С. Вахрушев обосновывает наличие аналогий между жанрами текстов и жанрами иных форм жизни: биологической, исторической и социально-бытовой.

Жанр как ген

Первая аналогия строится на биологическом образе гена, несущего заложенную в нем информацию сквозь многие поколения определенных организмов, то есть, полагает

автор, между таксономией родов, видов, классов и подклассов растений и животных и жанровыми классификациями литературных текстов есть сходные принципы существования. Жанры, подобно живым организмам, рождаются, развиваются, скрещиваются, исчезают, впадают в анабиоз и снова возрождаются, появляются новые искусственным путем. Сама этимология названия теории жанров, именуемой еще «генологией», подсказывает мотивированную связь жанра и гена: корневая морфема «ген» является общей для длинного ряда таких разных слов (и означаемых ими явлений), как генетика, генеалогия, генитив, генотип, гинеколог, гендер и т. д. Запись в рабочей тетради Ю. Тынянова «жанр как ген», по догадке Вахрушева, сделанная им под впечатлением от общения с биологом Л. Зильбером, братом писателя В. Каверина, – доказательство тому, что Тынянов задумывался о связях между этими разнородными понятиями [6: 18]. Метафора Бахтина «память жанра» также подсказывает наличие аналогий между системой художественных жанров и таксономией живых организмов: любой текст по ряду параметров соотносится с природными явлениями, любой текст, как и организм, живет в среде (в семиосфере культуры, по Лотману, или в биосфере соответственно). Текст не существует без жанра, как и устная речь – без речевых жанров, жанры «живут» в текстах культуры, причем тексты нехудожественные принимают в себя элементы художественных (интертекстуальность – практически обязательный прием медиатекстов сегодня) и наоборот (современная литература имитирует дневниковые записи блогов, живого журнала, бытовых диалогов со всеми их коллоквиальными признаками). И эти связи – уже не метафорическая, а иногда прямая, иногда опосредованная языковой игрой связь между жизнью жанров в текстах и контекстах и жизнью организмов в природной среде.

В поисках оснований для аналогии «жанр – текст – живой организм» Вахрушев использует, хотя и с критическими оговорками, еще одну метафору – постмодернистскую идентификацию текста с телом человека. Не повторяя известные тезисы предшественников и собственно теоретиков постмодернизма о телесности текста и письма, упомянем лишь провозглашенную ими серию смертей: «смерть Бога», «смерть автора», «смерть искусства», из которых следует и смерть жанра – эта категория обесмысливается, если каждый текст – новый жанр и новое его прочтение (новое воспроизведение его тела). На самом деле исследователи находят связи текстов культуры постмодерна

с текстами предшествующих культур и, соответственно, признаки современной поэтики в текстах прошлого. Диахронический подход к измерению системы жанров раскрывает динамичность сосуществования в литературе новых форм с сохранившимися «пластами древнейших, древних, средневековых и прочих литературных систем». В свою очередь, тексты прошлого меняются в результате археологических находок, новых интерпретаций, переводов и «горизонтов ожидания» читателей [7: 5–6]. Примером тому являются 50 переводов трагедии Шекспира «Гамлет» на русский язык – один из последних был сделан программистом Николаем Самойловым в 2020 г. [12].

Дальнейшее изучение сходных признаков генов и жанров, живых организмов и текстов – задача для междисциплинарных проектов, которые объединили бы усилия филологов и биологов. Вряд ли их стоит ожидать в ближайшее десятилетие, но перспектива кажется захватывающей. Даже остаточные знания школьной программы по биологии позволяют нам априори признать наличие аналогий между молекулярными признаками гена и базовыми признаками речевых жанров. Вспомним, что гены – это участки ДНК, несущие целостную информацию о строении одной молекулы белка или РНК. Эти и другие молекулы определяют развитие, рост и функционирование организма. Эти процессы обеспечиваются такими свойствами генов, как стабильность (способность сохранять структуру), лабильность (способность мутировать), специфичность (каждый ген кодирует свой признак), даже экспрессивность (степень выраженности гена в признаке). Если молекула ДНК – это двойная спираль полимерных цепей, связанных между собой водородными связями и способными служить матрицами при синтезе других, дочерних молекул, то «молекулярная» спираль жанра, по аналогии, генерируется жанровыми «полимерами» – идеей, темой, образом, аксиологией, знаковой структурой. Такая структура одновременно стабильна (кодирует и сохраняет информацию или «память» жанра), способна к передаче «наследственной» информации «от клетки к клетке», от поколения к поколению, обеспечивая новые комбинации признаков, и готова к изменениям – к новым сочетаниям сцепленных «генов».

О силе аналогии «жанр – ген» свидетельствует и концепция меметики Ричарда Докинза, который ввел понятие «мем» (аналог гена). Мем (т. е. «подобие») – единица передачи культурной информации, распространяемая от одного человека к другому посредством имитации, обучения и так далее [13]. Ген рас-

пространяется в химической среде, а мем – в социокультурной и информационной среде: на носителях информации, в человеческой памяти, в сети. Между пространственным распределением генов и мемов найдены жесткие корреляции. По Докинзу, передача мемов-идей происходит горизонтально – «в наследство» от предшественников, родителей, воспитателей, через устную передачу, книги, или другие культурные артефакты – и горизонтально – от человека к человеку и от культуры к культуре. Тогда же, в 1970-е гг. социобиологи Гарвардского университета Э. О. Уилсон и Ч. Ламсден предложили концепцию *культургена*, которая тоже построена на аналогии между механизмами передачи генетической и культурной информации. Многоуровневая модель взаимодействий генов и культуры Уилсона – Ламсдена объясняет эволюцию познания, мышления и культуры, причем связь «гены – культура» опосредуется на уровне клеточного развития нервных тканей и на уровне когнитивного развития (см.: [14]).

Жанры в литературе, истории и социально-бытовых ситуациях

Об аналогиях жанров литературы с жанрами истории В. С. Вахрушев рассуждает, исходя из уже названного нами выше различия «субъективных» и «объективных» жанров. Группу первых составляют историографические тексты, группу вторых – формы, которые принимают сами исторические процессы и события. К собственным размышлениям о жанровых воплощениях истории Вахрушев подключает трактовки истории как «романа» о человеческих судьбах, выдвинутые в 1970-е гг. теоретиками постструктурализма Дж. Голдбергом, А. Визером и др. С особым, критическим, вниманием анализируя книгу Хайдена Уайта «Метаистория», Вахрушев подчеркивает важность ее основного тезиса об *эстетическом* и, добавим, нарративном измерении историографического дискурса [15]. Действительно, Уайт привлекает филологические категории *emplotment* («осюжетивание»), стиль, метафора, метонимия, синекдоха и ирония, уподобляет исторические трактаты жанрам Романа, Комедии, Трагедии и Сатире. Накладывая эти категории на историографический дискурс, Уайт утверждает, что историкам присуще «историческое воображение» – способ осмысления событий, схожий с поэтическим актом, только он порождает не художественный текст, а нарративную репрезентацию, отражающую реальность с большей или меньшей субъективностью.

Соглашаясь с тем, что историкам присуща эстетизация их материала, В. С. Вахрушев все же находит методологический аппарат Х. Уайта схоластичным, а толкование терминов поэтики, особенно жанров романа и комедии – неверным [8: 9–10]. В современной же отечественной историографии Вахрушев отмечает отсутствие интереса к проблеме, интересующей его: «*существуют ли в реальном историческом процессе явления, которые можно назвать жанрами?*» [Там же: 11]. Сам ученый отвечает на свой вопрос утвердительно, рассматривая для примера жанр трагедии и его трансформации в системе «субъективных» жанров литературы и в системах «объективных» жанров бытовых ситуаций и исторических процессов.

Трагедия как античная пьеса – это трансформация мифа о смерти и воскрешении бога/героя. Этот жанр на несколько столетий «впал в анабиоз», а в эпоху Возрождения возник вновь в преображенном виде, например, в трагедиях Шекспира, где сильные духом герои погибают и морально, и физически. В трагедии же эпохи классицизма герой одерживает моральную победу над превосходящими силами зла и/или Судьбы.

Жанры бытовых ситуаций, бессознательно оформляемые людьми в жанры анекдота, тоста или ламентации, зарождаются и функционируют в пространстве культуры (в эволюционирующем коллективном «жанровом мышлении») и в индивидуальном жанровом сознании человека. Трагедии в быту – гибель людей из-за несчастных случаев, застольного «выяснения отношений», преступлений и т. п. – и их речевые оформления не тянут на уровень театральных в эстетическом, моральном и философском планах, хотя переживаются обывателями, как правило, глубже, травматичнее.

В системе жанров истории жанр трагедии вновь окрашивается высоким морально-этическим пафосом, но значительно отличается от трагедий театральных. В. С. Вахрушев решает, в отличие от других ученых, называющих войны, падение империй, революции и подобные процессы трагедиями лишь метафорически, дать исторической трагедии, точнее, принципиальному отличию ее от трагедии как жанру искусства, научное определение. Это отличие состоит в следующем: *театральная трагедия – жанр субъективный, создаваемый для эстетической оценки зрителей и имеющий «завершенный и обозримый малый объем, структуру», а в истории трагедия – «жанр стихийно-бытийный, к тому же не всегда «видимый», «размазанный» во времени и пространстве целых эпох, стран, континентов»* [8: 15]. Сущностно-

жанровые компоненты трагедии театральной и исторической одни и те же – идейный пафос борьбы, сюжет, стиль – но в трагедии театральной они проявлены максимально структурированно и выразительно. Массы людей, вовлеченные в исторические трагедии как творцы, жертвы и зрители, зачастую не осознают жанровой природы происходящего с ними в силу того, что это происходящее проживается ими как длящаяся повседневность, в которой трагичное соприкасается с другими жанрами жизни – комедией, фарсом, анекдотом, любовным романом и т. д.

Это проявление иронии судьбы или игрового аспекта жизни, сталкивающей и связывающей разные по природе, но изоморфные по сущностным признакам жанры. Главный сюжетный признак трагедии – антагонистический конфликт между героем (или нацией, классом) и силами судьбы (богов) – требует от героев высокого стиля, особенно в переломные моменты. Это осознают и герои исторических трагедий – правители, полководцы, политики – и «театрализуют» их: Нерон, Наполеон, Гитлер осваивали драматургические жанры, брали уроки актерского и декламаторского мастерства.

В нашу эпоху «Большого экрана» повседневная жизнь человека погружена в виртуальное пространство жанров интернет-коммуникации. В. С. Вахрушев писал еще двадцать лет назад, что такой модус жизни делает связь между трагедией и комедией как жанрами искусства и жанрами жизни особенно очевидными. Очевидно, что «реалистичные» жанры блогов, новостей, публицистических ток-шоу и интервью с экспертами на Youtube каналах, федеральных телеканалах и телеграм-каналах, из которых мы можем получать любую информацию о происходящем в стране и мире, создают в массовом сознании не реалистичное, а «театрализованное», порой парадоксально фарсовое представление о нем.

Основной вывод о Жанре как модусе жизни

Таким образом, Вахрушев смотрел на исторические жанры гораздо шире Хайдена Уайта и других историков, оперирующих лишь категориями поэтических актов на материале текстов исторических трактатов. В его жанровом мышлении и литературные жанры, и бытовые жанры речи также получают феноменологически расширяющую перспективу, в которой их текстовые или дискурсивные формы предстают как частные модусы сосуществования человека и общества, человека и природы, имеющие духовные и материальные проявления.

Обобщим в заключение свое реферативное изложение универсальной концепции жанра В. С. Вахрушева. Балашовский филолог мыслил Жанр как универсальный модус жизни Вселенной или как идеальную модель, которая строится вокруг образно-идейного ядра, которое программирует сюжетное развитие и форму явления: клетки организма, замысла текста, начала природного, социального или исторического процесса. Жанры, по убеждению ученого – это платоновские идеи-эйдосы, воплощающиеся в реальные структурные формы, организующие жизнь человека и общества. Эти идеи-формы имеют порождающий характер и направлены на познание, приспособление к окружающей среде и на ее преобразование. В силу названных когнитивных функций, частные жанры связаны множеством связей-аналогий с иными по природе, но внутренне изоморфными им жанрами в системах отношений «великое и малое», «Макрокосм Вселенной и Микрокосм человека (организма, текста)», «мировая история в ее трагических и комических аспектах (в онтологии жанра) и социально-бытовые драмы, трагедии, фарсовые и анекдотические ситуации (в гносеологии жанра)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Актуальные проблемы непрямо́й коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 // *Жанры речи*. 2014. № 1 (9). С. 22–49. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-22-49>
2. Красных В. В. Жанры речи сквозь призму многомерности бытия Человека говорящего // *Жанры речи*. 2015. № 1 (11). С. 9–14. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2015-1-11-9-14>
3. Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2017. 310 с.
4. Дускаева Л. Р. О жанровых текстовых категориях // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 25–32. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32>
5. Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // *Жанры речи*.

2017. № 2 (16). С. 142–150. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>

6. Вахрушев В. С. О теории жанра и об истории его изучения // *Приключения жанра (проблемы теории и истории литературных жанров)* : Весы: Альманах гуманитарных кафедр Балашовского филиала Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Балашов, 2003. № 22. С. 4–39.

7. Вахрушев В. С. О системах жанров в литературе и культуре // *О жанрах и жанровых системах* : Весы. Альманах гуманитарных кафедр Балашовского филиала Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Балашов, 2004. № 29. С. 4–21.

8. Вахрушев В. С. Жанры в пространстве культуры и вне её // *Жанры в пространстве культуры* : Весы. Альманах гуманитарных кафедр Балашовского

филиала Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Балашов, 2005. № 30. С. 4–20.

9. Вахрушев В. С. Еще раз о природе жанра // Память жанра : сборник статей в честь 75-летия профессора В. С. Вахрушева : Весы. Альманах гуманитарных кафедр Балашовского филиала Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Балашов, 2007. № 32. С. 4–14.

10. Вахрушев В. С. Жанровая поэтика русского и английского романа XVII – XIX веков в контексте мировой литературы. Балашов : Николаев, 2011. 104 с.

11. «Меры не знал я, смертных любя»: к 90-летию российского филолога мира Серафимовича Вахрушева (1932–2011). СПб. : Росток, 2022. 544 с.

12. Самойлов Н. Новый Гамлет. М. : ЛитРес Самиздат, 2020. URL: <https://www.litres.ru/nikolay-nikolaevich-samoylov/novyy-gamlet/chitat-onlayn/> (дата обращения: 05.05.2022).

13. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. О. Фоминой. М. : Мир, 1993. 316 с.

14. Меркулов И. П. Социобиология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки 2009. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/762/социобиология (дата обращения: 05.05.2022).

15. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. / пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. 527 с.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. Topical issues of indirect communication and its genres: A view from 2013. *Speech Genres*, 2014, no. 1 (9), pp. 22–49 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-22-49>

2. Krasnykh V. V. Speech genres in the perspective of the multidimensionality of being a speaking human. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 9–14 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2015-1-11-9-14>

3. Tertychnyj A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati : ucheb. posobie dlya vuzov* [The Genres of Periodicals]. Moscow, Aspect Press, 2017. 310 p. (in Russian).

4. Duskaeva L. R. On the generic textual categories. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 25–32 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32>

5. Prozorov V. V. On the typology of speech genres in the perspective of the theory of types of literature. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>

6. Vakhrushev V. S. On genre theory and the story of its investigation. *The Adventures of Genre (the issues of the theory and history of literary genres): Vesny: The Almanac of Humanities Departments of the Balashov Filial of Saratov National University after N. G. Chernyshevsky*. Balashov, 2003, no. 22, pp. 4–39 (in Russian).

7. Vakhrushev V. S. About the systems of genres in literature and in culture. *On Genres and Genre Systems: Vesny: The Almanac of Humanities Departments of the Balashov Filial of Saratov National University after N. G. Chernyshevsky*. Balashov, 2004, no. 29, pp. 4–21 (in Russian).

8. Vakhrushev V. S. Genres within the realm of culture and beyond. *Genres within the Sphere of Culture: Vesny: The Almanac of Humanities Departments of the Balashov Filial of Saratov National University after N. G. Chernyshevsky*. Balashov, 2005, no. 30, pp. 4–20 (in Russian).

9. Vakhrushev V. S. Once again on the nature of genre. *Genre Memory. Collection of articles in honor of the 75th anniversary of Professor V. S. Vakhrushev: Vesny: The Almanac of Humanities Departments of the Balashov Filial of Saratov National University after N. G. Chernyshevsky*. Balashov, 2007, no. 32, pp. 4–14 (in Russian).

10. Vakhrushev V. S. *Zhanrovaya poe'tika russkogo i anglijskogo romana XVII – XIX vekov v kontekste mirovoj literatury* [The Poetics of Genre in the Russian and English Novels of the XVII – XIXth Centuries in the Context of World Literature]. Balashov, Nikolaev, 2011. 104 p. (in Russian).

11. “Mery ne znal ya, smertnykh lyubya”: k 90-letiyu rossijskogo filologa Vladimira Serafimovicha Vakhrusheva (1932–2011) [“So greatly have I loved mankind”: Volume of articles in honor of the 90th anniversary of the Russian philologist Professor V. S. Vakhrushev (1932–2011)]. Saint Petersburg, Rostok, 2022. 544 p. (in Russian).

12. Samojlov N. *Novyj Gamlet* [A New Hamlet]. Moscow, LitRes Samizdat, 2020. Available at: <https://www.litres.ru/nikolay-nikolaevich-samoylov/novyy-gamlet/chitat-onlayn/> (accessed May 5, 2022) (in Russian).

13. Dawkins R. *The Selfish Gene*. 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 1990. 368 p.

14. Merkulov I. P. Sociobiology. In: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. 2009. Available at: http://epistemology_of_science.academic.ru/762/социобиология (accessed May 5, 2022) (in Russian).

15. White H. V. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. 1st ed. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1975. 464 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 05.12.2022; одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 13.03.2023
The article was submitted 05.12.2022; approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 13.03.2023

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *С. С. Дударева*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 22.11.2023. Подписано в свет 30.11.2023.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 12.1 (13.0). Тираж 100. Заказ 135-Т.

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.

